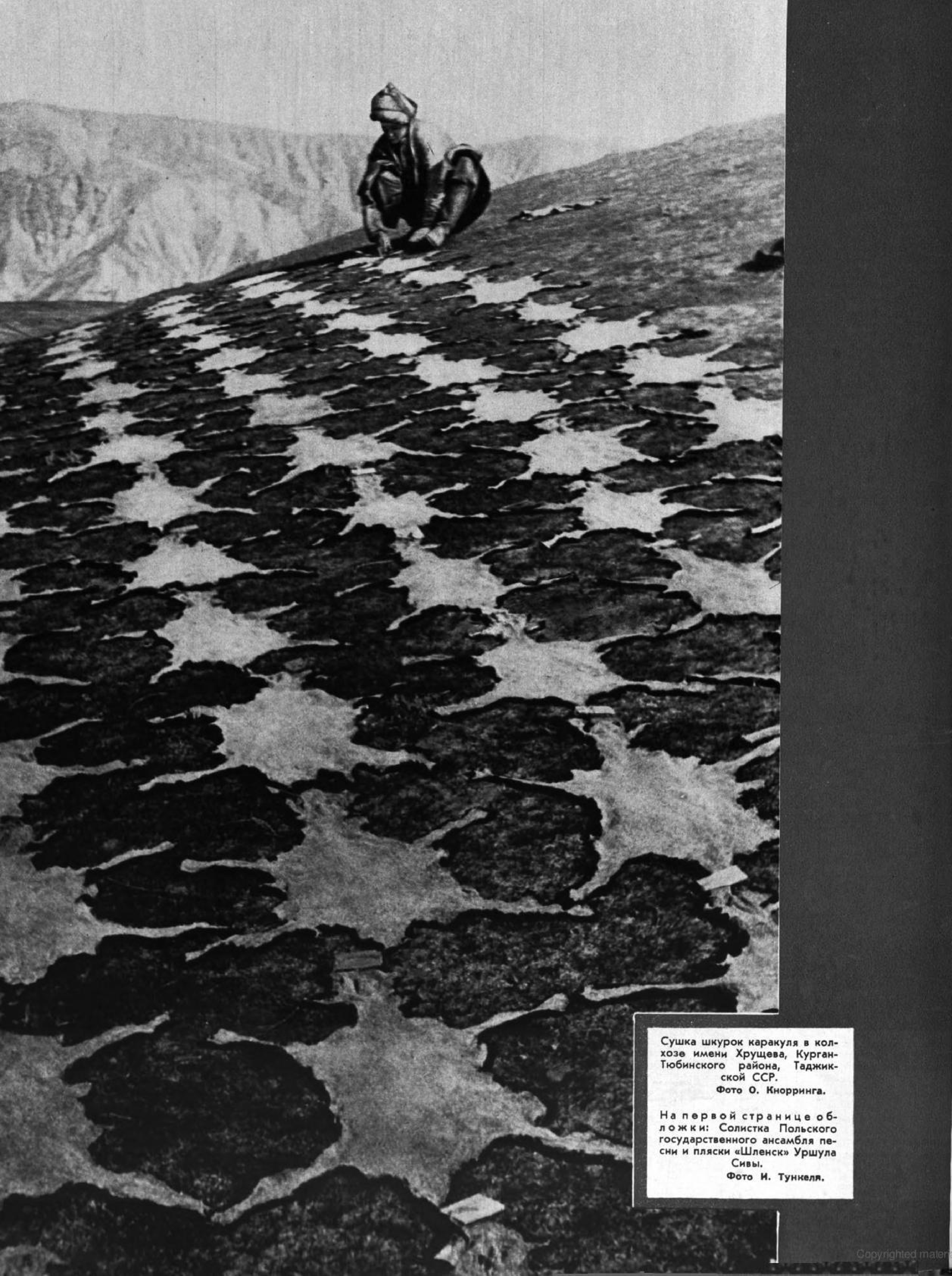

ОГОНЁК
№ 16 АПРЕЛЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Сушка шкурок каракуля в колхозе имени Хрущева, Курган-Тюбинского района, Таджикской ССР.

Фото О. Кнорринга.

На первой странице обложки: Солистка Польского государственного ансамбля песни и пляски «Шленск» Уршула Сивы.

Фото И. Тункеля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ОГОНЁК № 16 (1505) 15 АПРЕЛЯ 1956

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ГОРОДА ЗАПОЛЯРНОГО КРАЯ

Камень плодородия

В Кировске свой неповторимый пейзаж, свой особенный микроклимат. Когда по соседству, над низменной Хибинской тундрой, синеет весеннее небо, тут, на крутых горах, плотной шапкой лежат облака. Медленно сползают они в лощину, почти задевая крыши каменных многоэтажных домов. Густой снег сыплется день и ночь: сутки, вторые, третьи,— и желтые шары электрических фонарей на улицах едва проглядывают тусклыми пятнами сквозь белесую эту вуаль. Снежные кучи по обочинам мостовых и на тротуарах поднимаются до уровня второго этажа. Слежавшийся за долгие месяцы, схваченный морозами, спрессованный ветрами, снег тверд, точно камень. И приезжему человеку кажется порой, что северный городок в горах наглухо отгорожен от внешнего мира, что всегда, круглый год, властвует тут зима.

Но вдруг, откуда ни возьмись, ветерок. И сразу тают на глазах пухлые, будто ватные облака, обнажая гребни гор. Городские кварталы точно раздвигаются вширь и ввысь. В теплом золоте лучей, щедро льющихся с яркого небосвода, Кировск выглядит праздничным, приветливым.

Здесь свой особый календарь. Два месяца, в самый разгар морозов и вьюг, не поднимается над горами солнце. Быстротечно короткое лето — сплошной, без перерыва, двухмесячный полярный день...

Ровесник Магнитогорска и Кузнецка, Турксиба и Игарки, Кировск стоит в ряду первенцев социалистической индустриализации, тех, чьи имена открывают новую страницу в географии Родины. На далеком Кольском полуострове, отчеркнутом на карте пунктиром Полярного круга, Кировск — самый первый промышленный очаг. В краткой летописи его — приметы нашего стремительного времени.

...«Сомневаюсь, чтобы те боль-

Кварталы Кировска раскинулись у подножия заснеженных гор.

У электропечей комбината «Североникель».

шие надежды, которые Советы возлагают на применение апатитов, когда-либо оправдались. Климат местности, где встречаются залежи, неблагоприятен, и люди там едва ли могут жить. По моему мнению, от гордых надежд Советов останется очень мало»,— говорил видный немецкий химик, доктор Крюгель, в 1930 году, когда у подножия горы Кукисвумчорр и на берегах озера Вудьявр появились строители и горняки, прибывшие в Хибины, чтобы добывать камень плодородия — апатит.

А через год в Ленинград и Подмосковье, на Урал и в Донбасс пошли первые поезда с продукцией заполярной химической индустрии.

Залежи апатита в Хибинах, открытые советскими геологами во главе с академиком А. Е. Ферсманом, оказались самыми крупными на земном шаре. Город стал поставщиком ценнейшего сырья не только для советской химической промышленности, но и для экспорта во многие зарубежные страны.

Седым великаном вздымается над лощиной гора Юкспор с крутыми, почти отвесными склонами. Это с ее вершины в первые годы существования рудника имени С. М. Кирова обрушилась на поселок снежная лавина, сметая все на своем пути. Да и потом не раз юкспорские снега заваливали вьющуюся у подножия гор железную дорогу и шоссе, отрезая рудник от города. Теперь это больше не повторится. У подошвы Юкспора жерлом зияет вход в тоннель. На внешней облицовке красуется дата: 1955. Первая очередь нового подземного пути, гарантирующего безопасное движение поездов с рудой, завершена в конце пятой пятилетки.

Намного выше тоннеля обрывистый и заснеженный склон горы испещрен большими серыми пятнами. Вглядимся внимательней, и мы заметим, как там, на высоте сотен метров, из недр выкатываются вагонетки, выгружая породу в отвалы.

Штреки, штольни, многочисленные горные выработки пересекают Юкспор вглубь, вдоль и поперек. Тут и там проложены рельсы, подвешены троллейные провода, протянуты трубы с сжатым воздухом. Стрекочут перфораторы в забоях, гулким подземным эхом прокатываются далекие взрывы.

Новый крупный рудник, продолжая строиться, дает руду на обогатительную фабрику. А неподалеку, на горе Расвумчорр, начинает работать еще одно добывающее предприятие треста «Апатит», еще один рудник, третий по счету в Кировске.

Директива XX съезда партии: «Резко увеличить производство сырья для минеральных удобрений» — знаменует для кировчан подъем производства. Вслед за новыми рудниками предстоит выстроить вторую обогатительную фабрику, воздвигнуть большие жилые кварталы. В самом Кировске, прижатом горами к «черному озеру» — Вудьявр, становится тесно. Потому-то и решено строить «Кировск второй» — город горняков и химиков — на равнине близ станции Апатиты.

В Кольском филиале Академии наук СССР хранится уникальная коллекция заполярных минералов. Рядом с глыбами апатита лежат здесь темнозеленый нефелин, бурый сфен, пестрые, все в прожилках образцы железных и медноникелевых руд. Развешанные по стенам листы менделеевской таблицы служат как бы каталогом бесчисленных ископаемых Заполярья.

— Свыше трех четвертей всех химических элементов, содержащихся в земной коре, обнаружено на Кольском полуострове,— говорит Григорий Иванович Горбунов, заместитель председателя президиума Кольского филиала Академии.

Было время, когда хибинская руда шла только на фосфорные удобрения. А теперь наряду с апатитом используются также его спутники — нефелин и сфен. Нефелин идет на алюминиевые заводы. Из сфена можно получать титан — легкий металл, по прочности равный стали.

В руках тружеников оживает мертвый камень, миллионы лет пролежавший в безвестности.

Пойдем по следам ученых — первооткрывателей недр, и мы увидим другие промышленные очаги Заполярья, другие города, еще более молодые, чем Кировск.

Там, где была Монча-тундра

На улицах Мончегорска пахнет хвоей. Сосны высятся над газонами, вдоль каменных четырехэтажных домов, окрашенных ярко, броско, весело. Тенистая роща у въезда в город незаметно переходит в просторную площадь, от которой начинается главный проспект, широкий и прямой, под стать Невскому в Ленинграде.

Пестрят вывески: «Гастроном», «Кондитерская», «Универмаг», «Ателье». По всему видно, что люди живут здесь не первый год. Тут и там новостройки: кирпичная кладка, оттененная зеленью лесных зарослей. Стрелы башенных кранов плавно движутся в вышине над макушками елей.

С каждого перекрестка, из каждого окна видны лесистые склоны пологих сопок, заснеженный ледяной покров озер. Как, должно быть, прекрасны летом озера, голубеющие под солнцем, серебрящиеся под ветерком, испещренные белыми треугольничками парусов!

Пронизанный светом, напоенный кристально-чистым морозным воздухом, освеженный соседством лесов, Мончегорск по праву считается красивейшим городом Заполярья. В центре его, у Пяти Углов, где по заснеженному асфальту снуют автобусы и такси, высится огромный замшелый валун. Строители нарочно не тронули его, оставив как памятник недавно еще пустынной Монча-тундры.

Мончегорск стал городом незадолго до Отечественной войны, когда у подножия гор Ниттис и Кумужье задымили стометровые трубы комбината «Североникель» и в тысячеградусном жару электропечей начал плавиться металл.

Мончегорский никель высоко ценится и сталеварами, изготовляющими качественные стали, и судостроителями, и электротехниками, и работниками радиопромышленности.

В первом месяце шестой пятилетки, накануне XX съезда партии, собрались в Мончегорске металлурги-цветники с Урала, из Сибири и Башкирии, из Ленинграда и Москвы. Передовики никелевой промышленности — рабочие, инженеры и ученые — съехались сюда по приглашению мончегорцев, чтобы обсудить пути дальнейшего прогресса техники, перенять опыт новаторов Заполярья.

— Ну как? Нравится наш городок? То-то! — с довольным видом усмехается бригадир конверторщиков Алексей Васильевич Казанцев, сопровождающий нас с завода в город.— Всем приезжим нравится. А уж мы-то, старожилы, и подавно любим его. Толково поставлен городок, правильно. Завод на отшибе, лес да озеро рядом. Тут тебе и дача и санаторий...

Позади в морозном тумане таяли громады корпусов, отдалялись, затихали гудки, а на черном пологе небосвода, расписанном зеленоватыми сполохами полярного сияния, багровело зарево остывающего шлака. Впереди, над зубчатой стеной леса, переливалась, мерцала электрическая россыпь мончегорских улиц.

На другой день в городском Совете нас познакомили с дочерью Алексея Васильевича — Анной Алексеевной Казанцевой — председателем городской плановой комиссии. Перелистывая кальки чертежей, она напамять называла миллионные суммы новых капиталовложений, которые предстоит освоить строителям в шестой пятилетке. Четкие линии будущих кварталов на листах генерального плана захватывают обширные площади. И всюду рядом с жилыми массивами предусмотрено сохранить массивы лесные. Размах в городском благоустройстве сочетается с любовным, бережным отношением к природе.

— Вот увидите,— убежденно говорила Анна Алексеевна,— будет наш Мончегорск цветущим, зеленым.

Нужды родного города близки

Они родились в Оленегорске.

Анне Казанцевой, хорошо изучены ею. Еще бы, школьницей приехала она сюда с отцом, потом, когда подросла, работала в цехах, учась одновременно в заочном институте. И вот защищена дипломная работа, получено назначение на пост председателя Горплана.

На железной земле

— Обижаются на нас геодезисты, что поделаешь! — улыбался начальник Оленегорского рудника Алексей Трофимович Середа, показывая на сломанную триангуляционную вышку.

Много лет простояла бревенчатая пирамида на безымянной, поросшей ельником сопке. А теперь остались от деревьев редкие пни, да и сама сопка скоро перестанет существовать. Сейчас, правда, на гребне ее еще маячат буровые станки, похожие издали на миниатюрные одномачтовые кораблики. А завтра пробуренные в сопке скважины заполнятся аммонитом, и оглушительный взрыв взметнет ввысь каменную громаду весом в сотни тысяч тонн.

Экскаваторы грузят глыбы железной руды в вагоны-думпкары, электровозы тянут составы из карьера к обогатительной фабрике.

Оленегорск числится пока рабочим поселком. Но стоит вам сойти с поезда в двух часах езды от Мурманска, и вы сразу почувствуете, что название станции Оленья устарело. Рогатых обитателей тундры тут давненько нет и в помине. Куда, как не в город, мчатся по шоссе новенькие пассажирские автобусы. Откуда, как не с промышленного предприятия, подкатывают составы, груженные серо-дымчатым порошком...

Это и есть продукция Оленегорска — концентрат железной руды. В нем более пятидесяти процентов железа. И, значит, прямой смысл везти его отсюда в Череповец... Там, на берегу Рыбинского моря, кольская руда встречается с углем Воркуты.

В знак дружбы с заполярными горняками череповчане прислали в Оленегорск образец чугуна, выданный при первой плавке.

— Почти двадцать лет по Заполярью кочевал,— рассказывает Матвей Никанорович Кузнецов, машинист экскаватора,— и все по стройкам: одну электростанцию построишь, на другую перебираешься. А теперь вот решил осесть тут вместе с семьей. Думаю, будет скоро наш поселок настоящим большим городом. Только бы строители не торопились. А то ведь такую тесноту развели...

Да, прав товарищ Кузнецов. Много тут домов двухэтажных, каменных, снабженных всеми удобствами. Есть и хорошие магазины, и школы, и больница, и баня. Но почему так тесно сгрудились строения, почему не осталось на улицах и дворах ни единого деревца? Кому нужны балкончики в Заполярье с его коротким, дождливым летом, ненавистные оленегорцам балкончики, от которых вечно тянет холодом в квартиры?..

Невероятно, но факт. Город заполярных горняков начали строить наспех, по типовому проекту рабочих поселков Донбасса. Не подумали об особенностях местного климата, не посчитались со своеобразием северного ландшафта.

Ошибки первых лет еще не поздно исправить, тем более, что строительство Оленегорска продолжается. И не так уж сложно, в конце концов, изменить планировку будущих кварталов с учетом опыта соседа — Мончегорска.

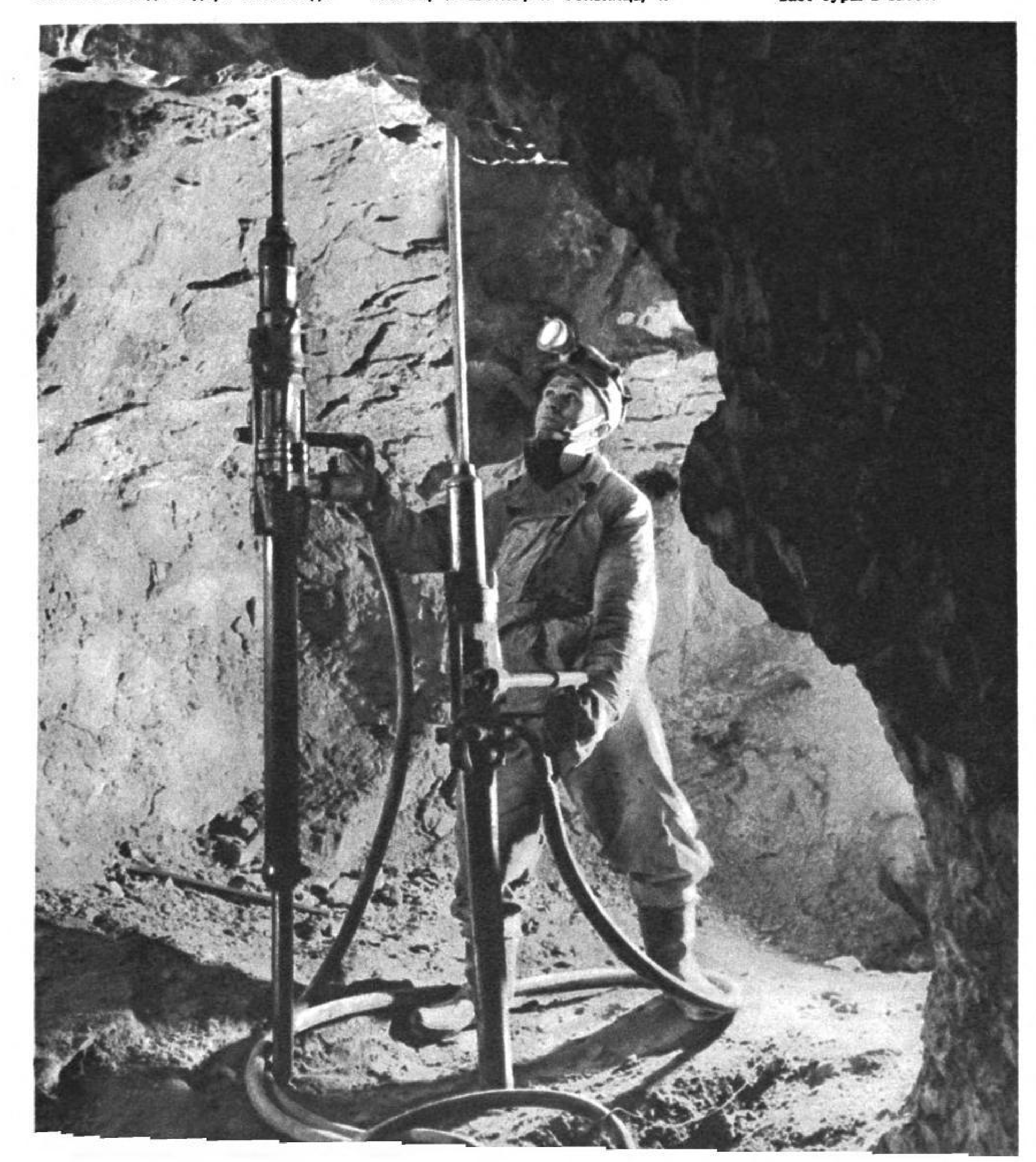
* * *

Таковы города некогда пустынного края. Разные по возрасту, не схожие внешним обликом, они объединены одной исторической судьбой.

С. МОРОЗОВ

Фото Я. Рюмкина.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Апатитовый рудник Юкспор. Бурильщик Н. Н. Жучков устанавливает буры в забое.

ПЕРВЕНЕЦ «БОЛЬШОГО ЕНИСЕЯ»

Большой коллектив специалистов института «Гидроэнергопроект» занят составлением проекта Красноярской гидроэлектростанции — одной из крупнейших строек шестой пятилетки. Красноярская ГЭС будет вырабатывать в год электроэнергии больше, чем Куйбышевская и Сталинградская станции, вместе взятые.

Уникальным сооружением явится плотина ГЭС — самая высокая в Советском Союзе. Она поднимется более чем на сто метров над уровнем Енисея.

Створ под плотину выбран у маленького поселка Шумиха, что в 35 километрах от Красноярска. Сама природа как бы позаботилась создать здесь наилучшие условия для устройства бетонной громады: в этом месте Енисей, стесненный высокими, отвесными скалами, сильно суживается, русло реки скалистое, сложено из твердых гранитов.

Плотина образует водохранилище протяжением в 400 километров от Шумихи до Минусинска. Площадь его зеркала составит 2 900 квадратных километров, оно вместит 107 миллиардов кубометров воды — вдвое больше, чем Куйбышевское море.

Здание самой ГЭС займет в длину почти полкилометра.

Как известно, мощность Красноярской ГЭС установлена в 3 200 тысяч киловатт. По инициативе энергетиков и машиностроителей в настоящее время разрабатывается проект станции с более мощными, чем предполагалось, гидроагрегатами — по 300 тысяч киловатт каждый. Подобных гидроагрегатов не знает еще мировая техника. Для сравнения укажем, что одна турбина Красноярской ГЭС будет равняться по мощности почти пяти Волховским ГЭС, почти всей Каховской гидроэлектростанции, почти трем турбинам Куйбышевской станции.

На Красноярской ГЭС предусматривается еще одно техническое новшество: вместо обычных шлюзов предполагается сделать специальные судоподъемные устройства. Чтобы представить размеры такого подъемника, скажем, что туда, в заполненную водой огромную «ванну», целиком войдет тяжело нагруженное судно; при помощи тросов подъемник будет подавать эту «ванну» наверх, на высоту 35-этажного дома.

Подобные судоподъемные устройства будут применяться в Союзе впервые, а такого масштаба и напора — впервые в мировой практике.

В настоящее время на площадке Красноярской ГЭС продолжаются геологические, топографические и другие изыскания, ведутся подготовительные работы: возводится жилье для строителей, сооружаются подсобные предприятия. Предстоит проложить десятки километров железнодорожных путей и шоссейных дорог.

Красноярская ГЭС — лишь первенец целого каскада гидроэлектростанций, которые могут быть сооружены на Енисее. Наши энергетики уже наметили и продолжают разработку схемы каскада; одни его станции будут равны, а другие, возможно, даже превзойдут по мощности Красноярскую ГЭС. Подсчитано, что общая мощность станций Енисейского каскада составит примерно 20 миллионов киловатт, а годовая выработка электроэнергии — свыше 100 миллиардов киловатт-часов.

Г. НОВОСЕЛЬСКИЙ

БОЛЬШЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОДУКТОВ!

Больше зерна, хлопка, кукурузы, сахарной свеклы, овощей, больше продуктов животноводства! Этого требуют интересы трудящихся, интересы советского государства. Выполнению этой задачи отдают свои силы колхозники, работники МТС и совхозов.

Труженики сельского хозяйства знакомятся сейчас с Обращением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР. В простых и ярких словах Обращения заключен призыв к каждому колхознику вложить свою лепту в повышение могущества нашей Родины, в подъем жизненного уровня нашего народа. Страна должна быть обеспечена продуктами питания, а перерабатывающая промышленность — сырьем. Рабочие, получив все необходимое от сельского хозяйства, поднимут производительность труда и будут еще больше выпускать промышленной продукции, сельскохозяйственных машин, товаров широкого потребления.

«Это необходимо, — говорится в Обращении, — для того, чтобы с каждым месяцем, с каждым днем моральное и духовное удовлетворение нашего советского народа от политических и общественных свобод дополнялось бы улучшением материально-бытового и культурного обслуживания, чтобы, глядя на жизнь нашего советского человека, трудящиеся капиталистических стран воочию убеждались в преимуществах нашего общественного, государственного и политического строя, убеждались в том, что может создать для себя человечество там, где трудовой народ является хозяином своей страны».

На снимке: в колхозе «Соревнование», Мытищинского района, Московской области. Бригада обсуждает Обращение ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

Фото М. Савина.

На происходившей с 5 по 9 апреля в Стокгольме Чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира обсуждалась самая злободневная проблема международной жизни — сокращение вооружений и запрещение атомного и водородного оружия. Документы, принятые сессией, призывают все миролюбивые силы к новым успехам во имя мира и счастья человечества.

На снимке: общий вид зала заседаний Чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира.

6 апреля в Москву по приглашению Верховного Совета СССР прибыла делегация Великого Национального собрания Румынской Народной Республики во главе с Председателем Великого Национального собрания Константином Пырвулеску. 7 апреля делегацию приняли Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР А. П. Волков и Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР В. Т. Лацис.

Фото М. Савина.

ЗА РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С СССР

Трижды за последние полтора года приезжает из Парижа в Москву Бернар Мюло — директор фирмы «Сонохом», специализировавшейся на торговле зерном, растительным маслом, какао и кожей. Торговые переговоры, которые вел Бернар Мюло с советскими организациями, завершились успешно. Посланы десятки телеграмм в различные отделения фирмы, закончен последний телефонный разговор с Парижем, и гость из Франции отвечает на вопросы корреспондента «Огонька».

Бернар Мюло.

— Как вы чувствуете себя в Москве?

— Прекрасно! Особенно сегодня, когда подписан контракт, и подписан без всяких проволочек, в атмосфере максимального доброжелательства как с французской, так и с советской стороны. Я могу сказать, что вполне удовлетворен переговорами в Москве. Я всегда счастлив, когда приезжаю в СССР...

Отвечая на вопрос о перспективах советско-французской торговли, Мюло заявил:

— Существуют большие возможности для развития и расширения торговых отношений между Францией и СССР. Оборот растет, и это не может не радовать каждого из нас.

СОВЕЩАНИЕ МОЛОДЫХ СТРОИТЕЛЕЙ

10 апреля в Большом Кремлевском дворце открылось Всесоюзное совещание молодых строителей. Здесь собрались передовики и новаторы производства, бригадиры и мастера, каменщики и штукатуры, плотники и экскаваторщики,— представители всех строительных специальностей. Совещание заслушало доклад заместителя Председателя Совета Министров СССР товарища В. А. Кучеренко.

На совещании выступил Первый секретарь ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев.

На снимке: группа участников совещания в перерыве между заседаниями.

Фото А. Гостева.

ТРАДИЦИИ ДРУЖБЫ

Гарри ПОЛЛИТ

Визит товарищей Булганина и Хрущева в Великобританию укрепит традиционную дружбу между английским и советским народами.

Англо-русская дружба имеет давние корни. Она существовала еще в семнадцатом веке. В Кремле выставлены замечательные подарки, присланные из Англии в те времена. И мы помним, что Петр Первый многое узнал, работая на судоверфи в Дептфорде — теперь части Большого Лондона. Английские торговцы были среди первых западноевропейских купцов, завязавших торговые отношения с Россией.

Таковы детали этой многовековой дружбы. С тех пор связи между нашими народами становились крепче и устойчивей.

В мрачные дни царского самодержавия и террора Англия послужила убежищем для Герцена, Кропоткина, Веры Засулич, Крупской и Ленина. Все они познали английское гостеприимство. Английские рабочие хранят в сердце память о них.

Лейбористское движение Англии развивалось как сторонник и друг прогрессивных сил России. Революция 1905 года встретила поддержку английской лейбористской партии, которая развернула пропагандистскую борьбу среди рабочих и интеллигенции. Партия осуждала действия царя и требовала оказать помощь революционерам. Восстание было встречено с восторгом. А после того, как оно было подавлено, даже такой журнал, как «Панч», пораженный кровавым террором, напечатал карикатуру, на которой был изображен царь, восседающий на груде черепов.

Рабочий класс Англии оказывал и практическую помощь русской революции. Лейбористская партия собрала большую сумму денег в помощь русским революционерам. Ленин в личном письме оценил это проявление солидарности и дружбы между двумя народами.

После подавления революции 1905 года лейбористы — члены парламента — выступили против визита короля Эдуарда VII к царю. Активно принимал в этом участие, в частности, Кейр Гарди, один из основателей лейбористского движения. Он осуждал визит, которым подчеркивалось, что правящий класс Англии одобряет подавление русской революции.

Джордж Лэнсбэри и журналист Х. Н. Брэйлсфорд помогали доставать деньги на организацию лондонского съезда РСДРП в 1907 году. И это показывает, с каким уважением и сочувствием относились английские прогрессивные силы к русскому революционному движению.

С теми же чувствами были встречены в 1917 году Февральская, а затем Великая Октябрьская революции. Даже сегодня мне очень трудно найти слова, чтобы выразить чувства, которые охватили нас, когда в Англию пришла весть о революции. Рабочее движение оказало ей поддержку. Были организованы мощные митинги и демонстрации. Вот что писал об этом Джордж Лэнсбэри: «Когда пришла Русская Революция, мы приветствовали ее, как рассвет нового дня... для нас было достаточно, что царизм пал... Первым делом мы направились в Альберт Холл для приветственной демонстрации... Это был... один из самых больших и бурных митингов, которые я когда-либо видел...»

На конференции лейбористской партии в 1919 году Герберт Моррисон говорил: «Нынешняя война против России со стороны Англии, Франции и других империалистических держав не является войной против большевизма или против Ленина, это война против международной организации социализма. Это война против самой организации движения тред-юнионов... Поэтому войне должно быть противопоставлено сопротивление всей политической и производственной мощи тред-юнионистского движения».

Почти двумя миллионами голосов против 935 тысяч конференция приняла резолюцию, требующую немедленного прекращения интервенции. В резолюции указывалось, что в случае если интервенция не будет остановлена, лейбористское и профсоюзное движение предпримут эффективные действия, чтобы силой осуществить это требование.

Движение «Руки прочь от России!» началось вскоре после Октябрьской революции. В нем принимали активное участие наиболее передовые рабочие и интеллигенты. Высшим успехом этого движения после нескольких лет борьбы было признание СССР английским правительством в 1924 году. Это было событие, в связи с которым второй съезд Советов СССР объявил:

«...сотрудничество народов Великобритании и Союза советских социалистических республик неизменно останется одной из первых забот союзного советского правительства, которое в согласии со всей своей предыдущей политикой мира употребит все усилия к разрешению всех спорных вопросов и недоразумений и к развитию и упрочению экономических связей, столь необходимых для хозяйственного и политического преуспеяния народов обеих стран и всего мира».

Ранее, в 1920 году, в Англии было очень много сделано для организации помощи голодающим в СССР. Английская делегация, возвратившаяся после посещения России в 1920 году, настойчиво и горячо потребовала положить конец интервенции и призывала оказать помощь в борьбе с голодом. Члены делегации писали: «Россия многое может дать нам из своих природных богатств и многое России нужно от нас. Проведение политики блокады и интервенции — это безумие и преступление, которое может кончиться только европейской катастрофой».

Этот призыв был единодушно одобрен конгрессом лейбористской партии 1920 года.

Рассказ о том, что делается в Советской России, о результатах блокады глубоко поразил английский народ, и среди всех слоев англичан было создано большое количество комитетов помощи голодающим.

Среди многих, кто призывал к этой помощи, были и лорд-мэр Лондона, архиепископ кентерберийский Х. Д. Уэллс и выдающийся ученый профессор Джильберт Мюррэй. Значительную роль в этом сыграл и Международный рабочий комитет помощи голодающим.

В 1924 году Британский конгресс тред-юнионов послал в Советский Союз влиятельную официальную делегацию. Ее доклад сыграл выдающуюся роль в истории дружбы между двумя народами. Факты, честно и беспристрастно приведенные в отчете, произвели глубокое впечатление на организованное рабочее движение и помогли разорвать паутину лжи и клеветы, которая плелась правящим классом и его раболепствующей прессой.

Таковы были чувства и настроения английского рабочего к своим братьям в Советском Союзе. И эти теплые чувства, как и дела, не остались без ответа. И когда английский пролетариат, в частности шахтеры, проводили в 1926 году всеобщую стачку, советские рабочие через свои профсоюзы пожертвовали английским друзьям 1 миллион фунтов стерлингов. Покойный Артур Кук, в то время секретарь федерации шахтеров, писал об этом в «Дэйли геральд»: «Шахтеры, их жены и дети никогда не забудут, кто был их другом в тяжелое время нужды, и мы будем верить тем, кто поддержал нас».

Эта вера никогда не была поколеблена, несмотря на все мрачные дни, которые приходили позже. Эта вера была крепка во время войны, когда два народа стояли плечом к плечу в едином боевом порядке, вместе скорбя о потерях и вместе радуясь победам друг друга. Особенно тверд был этот фронт дружбы, когда после войны организаторы «холодной войны» пытались искоренить братские чувства. Когда один из заводчиков пытался замутить воду, заявив, будто «его» рабочие отказываются выполнять заказы Советского Союза, фабричные старосты заявили: «Не существует никакой враждебности к русским заказам или пребыванию в цехах русских экспертов. Мы, рабочие, готовы на любую работу, санкционированную правительством».

В то же время собрание фабричных старост объявило: «Советский Союз был лучшим заказчиком, которого фирма имела в течение 20 лет. В 1936 году, когда фирма испытывала трудности, именно заказы из Советского Союза сохранили нам работу».

Вспоминая об этих многочисленных примерах дружбы, англичане готовят сердечную встречу гостям из Советского Союза. Англичане помнят и о визите советских моряков в прошлом году. Теплота, с которой Англия приветствовала товарища Маленкова,—тоже один из примеров дружбы. Английский народ устроит товарищам Булганину и Хрущеву дружеский прием. Визит советских гостей ожидается с нетерпением, так как народ знает, что это посещение принесет ему только хорошее. В правительство поступает поток приглашений с просьбой, чтобы товарищи Булганин и Хрущев посетили те или другие города, деревни, фабрики, угольные копи. Этот визит укрепит нити дружбы. Он еще более сблизит нас в общей борьбе за мир — единую цель и стремление обоих народов: советского и английского.

РАДУЮЩИЕ ВСТРЕЧИ

Две шекспировские премьеры состоялись в Москве почти одновременно: Малый театр показал «Макбета», а молодежная театральная студия Дворца культуры Автозавода имени И. В. Сталина — «Ромео и Джульетту». В один и тот же вечер страстный монолог Отелло звучал на сценах Театра имени Моссовета, далекого Южно-Сахалинска и Дома культуры в Елатьме, Рязанской области.

Пьесы Шекспира идут в наших театрах на 29 языках народов Советского Союза. На афишах советских театров вы увидите имена Генри Фильдинга, Джона Флетчера, Бернарда Шоу и Оскара Уайльда.

Частым и желанным гостем на подмостках наших театров стал английский драматург-сатирик XVIII века Ричард Бринсли Шеридан. Его знаменитая «Школа злословия» впервые была показана на русской сцене в Петербурге еще в 1793 году — вскоре же после выхода в свет первого русского ее издания. Все прошлое столетие сохранялась она в репертуаре театров России. А в начале нынешнего века, в 1902 году, ее поставил на сцене Малого театра А. П. Ленский. В переводе М. Лозинского «Школа злословия» уже шестнадцать лет идет в Московском Художественном академическом театре. В этом спектакле блеснули своим талантом актеры разных поколений МХАТа. В роли пылкой леди Тизл зритель видел блестящую комедийную актрису О. Андровскую и молодую воспитанницу мхатовской школы Л. Кошучову. По душе советскому зрителю и жизнерадостная, искрометная шеридановская «Дуэнья».

Свыше 10-летия звенят ее песни — нежные и трогательные, бурные и озорные — на сцене Московского театра имени Станиславского.

Все это вспоминается, когда знакомишься со сборником драматургических произведений Шеридана, только что изданным на русском языке издательством «Искусство». Буквально в несколько дней разошелся 75-тысячный тираж этого издания! Помимо широко известных советскому зрителю и читателю комедий «Дуэнья», «Соперники» и «Школа злословия», в сборник вошли еще четыре пьесы Шеридана. Две из них — «Критик» и «Писарро» — впервые переведены на русский язык. «Писарро» — это единственная в творчестве драматурга трагедия. Ее вольнолюбивая героиня Эльвира с такими словами обращается к испанским воинам, пришедшим с оружием в руках на перуанскую землю: «Испанцы, возвратитесь на родину и убедите правителей своей отчизны, что они избрали неверный путь к могуществу и славе. Скажите им, что жадность, тщеславие, завоевание никогда не сделают людей счастливыми, народ — великим».

В комедиях «Критик», «День святого Патрика», «Поездка в Скарборо», как и в «Школе злословия», сказалось стремление драматурга сорвать маску добродетели с лицемерных ханжей и корыстолюбцев, показать, «сколько грешниц в мишуре и блестках кривляется на жизненных подмостках».

Каждый новый шекспировский спектакль, каждое новое знакомство с произведениями Фильдинга, Шоу, Уайльда — событие в нашей театральной жизни. Но наш зритель хочет увидеть на сцене и драматургию современной Англии. Театрам и издательствам следовало бы пойти навстречу этому стремлению.

Ц. СОЛОДАРЬ

«Школа злословия» Р. Шеридана на сцене МХАТа. Леди Тизл — народная артистка СССР О. Н. Андровская, сэр Тизл — народный артист СССР М. М. Яншин.

Фото А. Горнштейна.

НА УЛИЦАХ ВАРШАВЫ

На Маршалковской улице.

Л. КУДРЕВАТЫХ Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Сенсационные морозы, снегопады и метели, шквалом прокатившиеся по Европе, захватили в этом году и столицу Польши Варшаву.

Мы уезжали из Москвы в день относительного потепления, когда морозы упали до двадцати градусов. И поскольку мы ехали на запад, где мягкая зима и ранняя бурная весна, то зимние пальто сменили на демисезонные. Варшава встретила нас пронизывающим, студеным ветром и косым, бьющим, как иголки, снегом.

— Жаль, что вы приехали к нам в такую погоду,— смущенно говорили встречавшие товарищи. — Чуть-чуть попозднее — и вы увидели бы наш город во всем его новом великолепии и непревзойденном весеннем цветении.

Новое в Варшаве мы почувствовали и в такую погоду. По широким улицам, с которых люди убирали снег, сквозь строй больших зданий нас везли на автомобилях марки «Варшава» в гостиницу «Варшава» высотой в четырнадцать этажей.

Я бывал в Варшаве более десяти лет назад. В июле 1945 года мы прилетели в столицу послевоенной Польши с группой иностранных журналистов. Тогда нас разместили в единственно уцелевшей гостинице «Полония». Из окна взору открылась страшная панорама. До этого я видел многие израненные и сожженные войной города. Руины Варшавы нельзя было сравнить ни с чем. Позднее я был в японских городах Хиросима и Нагасаки, испытавших на себе взрывы атомных бомб, видел столицу советской Туркмении Ашхабад на второй день после страшного землетрясения. На Варшаву не падали атомные бомбы, ее миновала разрушительная сила землетрясений. Но в том, 1945 году, я могу засвидетельствовать, она походила на виденные потом Хиросиму, Нагасаки и Ашхабад.

В июльские дни 1945 года я присутствовал на митинге жителей Варшавы. Он проходил на площади, еще не очищенной от камня и щебня, окруженной зияющими остовами развалин. Десятки тысяч варшавян разместились своеобразным амфитеатром вокруг площади, в проемах спаленных огнем домов. На митинге говорилось о том, что свыше девяти тысяч многоэтажных зданий города гитлеровцы превратили в руины, камень и пепел, что город уничтожался со звериной методичностью: квартал за кварталом были облиты бензином, потом обстреляны из огнеметов и подорваны на минах. Почти все исторические и архитектурные памятники столицы одного из крупнейших в Европе государств, в том числе и средневековый центр Варшавы — Старе-Място, — были превращены в щебень и пепел. Все, кто выступал тогда на митинге, говорили об одном:

— Клянемся, что возродим родной город!

И теперь, в феврале — марте 1956 года, с четырнадцатого этажа гостиницы «Варшава» мы видели плоды трудов варшавян, отдавших свой ум и энергию возрождению столицы народной Польши. Пролегли прямые и широкие магистрали, пересекающие город с севера на юг и с востока на запад. Во всей своей неповторимой исторической прелести и с бесконечным количеством памятных деталей восстановлено Старе-Място. Через Вислу переброшены стальные мосты-красавцы. В дымке зимнего тумана видны трубы возрожденных и вновь построенных фабрик и заводов. Кое-где, однако, зияют еще черными жерлами остовы разрушенных зданий и в сплошной строй улиц врезаются пустыри. Зато на окраинах, на бывших пустошах, появились новые кварталы зданий около не известных доселе в Варшаве предприятий. И совсем рядом над четырнадцатиэтажной гостиницей высится белоснежная громада Дворца культуры и науки имени И. Сталина. Здесь научный и культурный центр города. На площади у дворца проходят военные парады, митинги, демонстрации, а к вечеру сюда в аудитории, театры и самый крупный в Варшаве концертный зал на три тысячи мест сте-

Плотник Юзеф Костерка воздвигает новый дом на улице Новотко.

Старе-Място.

каются тысячи рабочих, студентов и служащих. Теперь же, в морозные дни, площадь перед дворцом залита льдом, и она стала народным катком.

Несмотря на морозный и пронизывающий ветер, улицы Варшавы с утра полны народу. Уже в семь часов утра оживает город. Рабочие спешат на заводы, студенты — в институты, служащие — в министерства и ведомства.

Рано начинают бойкую торговлю книжные и газетные киоски.

На перекрестке.

Их в Варшаве несравненно больше, чем в Москве. Все они построены по единому образцу — длинные, просторные, остекленные с трех сторон. В них можно купить не только многочисленные варшавские газеты и журналы, но издания Кракова, Познани и многих других городов Польши.

Журналы в Польше, как правило, распространяются не по подписке, а продаются через киоск и читаются, как говорят, на ходу. В трамвае или в троллейбусе вы увидите пассажиров, углубленных в чтение журнала, только что купленного на остановке в киоске. Газеты и журналы в те дни широко освещали итоги XX съезда Коммунистической партии Советского Союза. В них всегда броско подаются информации о трудовых подвигах польского народа, о самых различных событиях в стране, включая и обычные происшествия.

Книги, журналы и газеты можно приобрести не только в киосках. На главных улицах города есть специальные, хорошо обставленные магазины, в которых любой может приобрести свежие советские периодические издания: например, газету «Правда» здесь читают вечером в день ее выхода в Москве. В специальном магазине «Международная книга» продаются газеты и журналы многих стран мира. Всегда многолюдно в читальном зале магазина. Варшавяне любят новости, ревностно следят за ними и всегда бурно дискутируют о последних событиях.

К одиннадцати часам дня открываются магазины мануфактурные, продовольственные, книжные, много комиссионных. Подавляющее большинство магазинов государственно-кооперативные, но есть еще и частные, затерявшиеся в переулках, торгующие всякой всячиной.

Неожиданно крепкая зима захватила варшавян врасплох. Большинство из них одето довольно своеобразно: тяжелые лыжные ботинки на ногах; у мужчин и женщин спортивные брюки, вправленные в шерстяные носки. Пальто и куртки с поднятыми воротниками перехвачены самыми разноцветными шарфами. На руках непомерно большие вязаные или кожаные меховые варежки. Мороз начисто нарушил театральный этикет. Девушки и юноши, да и пожилые люди часто приходили в театр не в вечерних платьях и костюмах, а в грубых на вид лыжных чоботах, лыжных штанах и свитерах.

На улицах Варшавы тихо. Нет утомляющего шума надсадных трамвайных звонков, беспрерывных гудков автомобилей. Гудеть автомобилям в городах Польши просто запрещено. И водители свято это соблюдают. Правда, дисциплинированно ведут себя и пешеходы. Они переходят улицы только на перекрестках и только на зеленый свет. Поэтому редко встретишь регулировщиков движения, они лишь на больших площадях.

Жизнь на улицах утихает в вечерние часы. В это время людно у театров, кино и кафе. В кинотеатрах демонстрируются польские, советские, чехословацкие, французские и итальянские фильмы. В национальном драматическом театре с неизменным успехом идет «Мария Стюарт» Шиллера. Общедоступный театр показал премьеру «Золотая карета» Л. Леонова. Вот уже больше месяца спектакль идет ежедневно, и достать билет на него почти невозможно. Полно зрителей и в государственной оперетте, где «Жизнь Парижа» Оффенбаха идет с канканом под занавес. В концертном зале Дворца культуры и науки демонстрирует свое мастерство силезский горняцкий ансамбль

В парке Лазенки.

Мартовским днем...

У витрины — здесь все для женщин.

В читальном зале международной книги и печати, на площади Унии Любэльской.

Далеко видны огни Центрального универмага.

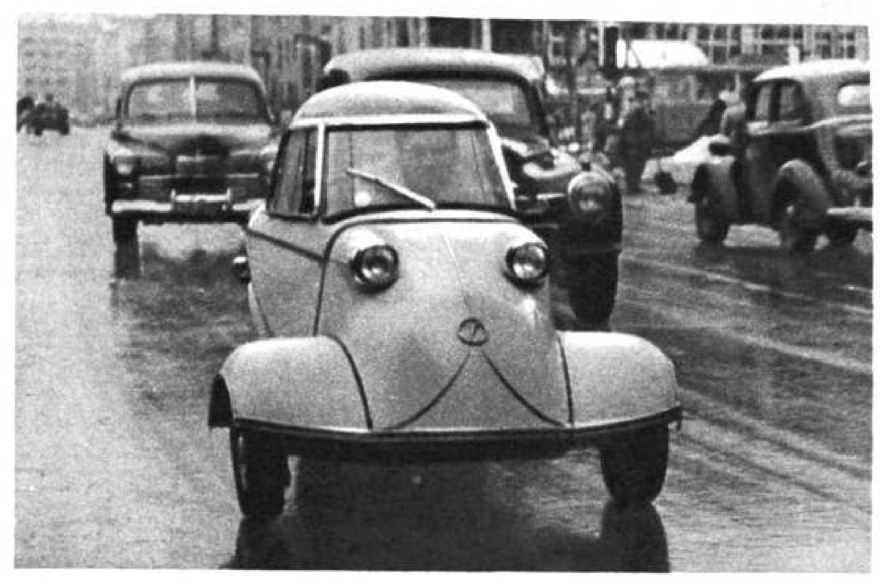
«Шленск» и дебютирует ансамбль «Варшава».

Тихо, весело и шумно в эти часы в варшавских кафе. Именно тихо, весело и шумно. Кафе в Варшаве очень много. И они разные. Но все привлекательно обставлены, уютно-доброжелательные для посетителей. Варшавяне любят провести свободное время в мирной беседе, за чашкой кофе. Для этого есть большие и маленькие залы кафе, со столиками на две — три персоны. Чашка крепкого кофе, кусок кекса и свежий номер журнала — это вполне устраивает супружескую пару, молодых влюбленных и одинокого, утомленного трудовым днем человека. Спиртных напитков в таких кафе не продают. Есть кафе, где посетители под оркестр танцуют, но где, кроме кофе, подаются только легкие напитки. И есть кафе шумные, с польской водкой, с джазом, хриплым и надрывным напевом «Очи черные», на узком пятачке танцевальных площадок которых шаркают ногами лысые мужчины и огненно-рыжие дамы, может быть, хозяева тех самых лавочек, что приютились еще в переулках Варшавы.

Наши польские друзья, товарищи из журнала «Пшиязнь», с любовью показывали нам улицы возрожденной Варшавы, памятники великим сынам польского народа Яну Килинскому, Феликсу Дзержинскому, Адаму Мицкевичу. Они рассказывали нам о революционных традициях рабочего класса Польши, о едином порыве тружеников страны, строящих новую жизнь.

— Теперешняя Варшава, ее новый облик красноречивее всяких слов, — справедливо утверждали они. — Тот, кто строил Варшаву, а строили ее тысячи и тысячи, знают силу и созидательные возможности новой Польши, Польши тружеников. Они знают и помнят, кто освободил Варшаву, чья кровь пролита на ее улицах. Поэтому и сейчас, в морозные дни, алеют свежие цветы у подножия памятника советским воинам, отдавшим жизнь за счастье польского народа. Варшавяне помнят, кто убрал сотни тысяч мин из развалин, кто положил первый кирпич в новый дом, чтобы поднялись жилые кварталы, пролегли улицы и магистрали, чтобы встал весь город в его сегодняшнем великом обличии. Дворец культуры и науки, венчающий наш городской ансамбль — дар Советского Союза,— не только красота и гордость Варшавы, но и знак нерушимого братского единства польского и советского народов. В новой Варшаве мы показываем вам все, — продолжали наши друзья, — и вы видите, что где-то на задворках пристроились те, кто не особенно любит трудиться, у кого затуманены «очи черные», надрывный голос плачет еще о прошлом. Но и они, как и оставшиеся еще кое-где руины, скоро уйдут в прошлое, в далекое прошлое. Пути новой Польши ясны. Огни Варшавы светят сейчас далеко, голос Варшавы слышен во всем мире.

Как бы в подтверждение этих слов, нам показывали на сохранившиеся на стенах огромные яркие плакаты — память о Всемирном фестивале молодежи, проходившем в Варшаве летом минувшего года. Да и в морозные дни нынешней зимы мы встречали в вестибюле гостиницы «Варшава» студентов — лыжников, хоккеистов, боксеров,— приехавших сюда на международные спортивные соревнования из многих стран мира и разных континентов. Мы встречали и простых людей всего света, приехавших по разным делам в новую Варшаву.

Трудно установить марку автомобиля.

Студенты университета носят белые конфедератки.

Злодей-трава

Рассказ

Г. РАДОВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

С бригадиром Свириденко Иваном Степановичем мы пешком возвращались с поля. Вечерело. Солнце садилось за крутобокие скирды, светлая дорожка стлалась по зеленям. Бригадир был утомлен. Два часа он рассказывал о лучших людях бригады, а я все спрашивал и спрашивал.

— Хватит,— наконец сказал он.— Всех мы с тобой перебрали. И доярок, и конюхов, и трактористов. Всю Доску почета расшифровали. Давай про другое поговорим...

— Это про что же другое, Иван Степанович?

— А вот...— Свириденко нагнулся, с усилием потянул из земли буйнозеленое, ветвистое растеньице, но не вырвал, а лишь оборвал крепкий стебелек.— Злодей-трава! — сердито сказал он, тряхнув стебельком.— Амброзия! Ты бывал в наших краях лет десять тому назад? Видел эту злодей-траву? То-то же... И запаха ее не знали. А гляди, как расползлась! И с чего? С пустяка: съездил наш хлопец за Кубань, привез на колесе одно семечко, оно и проросло. Одно семечко! Кто его тогда испугался? Да никто. И вот, глянь, что пошло от него...

— Значит, о сорняках поговорим?

Свириденко озабоченно кивнул головой.

— О сорняках. Ты про десантников чув? Нуну? Так-таки и не чув? А про транзитников? И про них не чув? Ну, знаешь!.. Называется, ездите по колхозам...

Свириденко свел брови, швырнул наземь кустик амброзии, решительно затоптал его каблуком и стал рассказывать про «десантников»:

— Опускаются они на нас под самый урожай. Приземляются и хорошие, но попадаются и другие сорта. Того из тюрьмы выпустят, не перековавши, мчит он до нас на Кубань, под жаркое солнце. Тот от жинки-детей скроется, кинется странствовать. Тот в городах вчистую разбалуется — а задаром-то там не кормят,— он и метется до нас на даровые хлеба. Вот такая публика. Оторви да брось...

Почему мы принимаем? Да ты что, председателя нашего не знаешь? Он вроде бы и дельный и образованный, но стукнули его както за нечуткость, и окончательно повредился казак. Пуганый. Его эти десантники и раскусили. Являются: принимай, бери на довольствие в счет будущих трудодней. Он жмется, а они же законники, наступают: бери, а то жалобу напишем, обязан нас трудоустроить... Трудоустройство! Это ж только название, а трудом тут и не пахнет, одно устройство. Они же осенью являются на готовенькое, когда солома, и та свезена с полей. Работы нет. Пожируют, попьют, погуляют в счет будущих трудодней, а чуть весной запахло,— глядь, только пятки сверкнули. Разлетелись наши десантники, шукай их колхозная бухгалтерия по белому свету...

Ох, и вливали же мы Антону Леонтьевичу за его доброту! Не помогло! «Войдите,— говорит,— в мое положение. Как я им откажу? А если пожалуются? А я уже за это битый, меченый. Лучше принять! Сколько они хлеба съедят за зиму? Сто центнеров? Подумаешь, расход для миллионеров! Не обеднеем...»

Что верно, то верно, особо не обеднеем, зато другой убыток получился. Какой? А глянь: во-он пустая хата под черепицей... Бачишь? Там один из этих транзитных жил.

Нет, не ему мы строили ту хату. Строили ее дружку моему, Василию Фомичу Петренко. То был трудяга! Коммунар! В двадцать третьем году в коммуну поступил и до самой войны конюховал у нас бессменно и безотлучно. В благодарность за труды и построили хату. Только пожить ему в ней не пришлось. Погиб! Овдовела жинка его, Мария Филипповна, и скажи, при Василе такая она была смирная, безответная, эта Маруся, а тут с горя либо еще от чего как развернулась, как ударилась в гульбища — спасенья нет! Я уж по-соседски ей говорил: «Маруся, опомнись, золотко! К чему это — выставлять себя станице на стыд, на позор? Глянь, как другие вдовы себя соблюдают, одумайся!» Нет, не слухала. «Отчепитесь!» — и все. Сама, мол, над собою хозяйка!.. Нахозяйновала! Восемь лет минуло, смотрим, а у нашей Маруси полная хата детворы. Старшенька, Василя дочка, школу кончает, а еще трое — не знаем, от кого они и нашлись. Но грешить не буду: поважала она детей. Сама служила завзято — первой свинаркой была, добывала и трудодней до тысячи, и премии, и награды... И колхоз ей пособлял, и касса взаимопомощи, и сельсовет. Сыты, обуты, одеты, присмотрены были дети, в садик она их водила. Да и сама трошки остепенилась, кончила гульбища. Ну, думаем, дело на поправку пошло...

И тут под осень пристали до нее постояльцы. Хата, видишь, просторная, пустила двоих. По фамилии Пенкины, братья. Старший, Ефрем,— мозглявенький, плешивый, обличье скопческое, бобыль. А Митька-то — хлопец в теле, чернявый, рослый, с виду отчаюга страшеннейший, из тюрьмы выпущен. «Ну, а как,— пытаем,— в колхозе не будешь воровать?» «Боже упаси,— говорит,— зачем красть, когда можно по-другому?» «То-то же,— наказываем,— чтобы было по-другому, по-честному! Ремесло знаешь?» «Моторист я и плотник...» Ну, нашему Антону Леонтьевичу все едино, чи он моторист, чи гармонист, абы жалобы не писал. Приветил обоих Пенкиных. Грошей им поначалу дал, хлеба отвесил, в кладовую спустил приказ: отпускайте новым колхозникам и вареного и печеного. Зажили Пенкины у Маруси на постое...

Первое время я не обращал на них внимания. Урожай у нас выдался добрый, транзитников хлынуло видимо-невидимо, так что Пенкины были не в диковинку. Так с месяц минуло времени, зашел я к Марусе по какому-то делу, гляжу: эге, раздобрели мои соседи! Ефрем, сытенький, веселый, трошки под хмельком, сидит на скамеечке, перебирает сушеные жердели, а Митька адрес на ящике пишет. Посылку снаряжают! На столе яичница нетронутая, полбутылки вина, капуста квашеная, сметана. Маруся, принаряженная, веселая, у печки хлопочет, гусенка яблоками обкладывает. Пытаю у старшего, у Ефрема: ну как, понравилась Кубань?

— Н-ничего,— говорит,— подходящее место. Жаль, поздно я просветился.

— Это в каком же смысле?

— А в том смысле, что все по городам промышлял, объезжал станицы, думал, что тут одна некультурность...

— А выходит, культурность?

— А это что? Сметанка, яишенка... А сушеные абрикосы? Сладость! В городах ее на граммы продают, плати денежки, а тут она тоннами в закромах лежит, как, например, овес...

— Мало ли что,— говорю,— у нас в закромах лежит! То ж колхозное...

— В этом-то и культурность! Считается колхозное, а вот я взял да и выписал и грошей не заплатил... В счет будущего...

«Ах ты,— думаю,— сучий сын, нашейник распроклятый! Еще и смеешься над нашей простотой!»

А он говорит:

— Погодите, станичник, мы еще вас подучим хозяйству...

— Чему подучите? Хозяйству? Вы?!

Посмеялся я тогда над Пенкиными. Скажите, выискались учителя! Нет, подучили, иродовы души...

Зиму они прожили у Маруси. Про что с ней говорили, как улещали, какую вели агитацию, на то свидетелей не было, а только, помнится, в марте месяце зашла наша Маруся на конюшню, взяла пару коней, линейку, посадила меньшеньких девочек и отвезла их прямехонько в город, в детский дом. Возвернулась заплаканная, идет по станице. Встречаю:

— Что ты наделала?

— Ох, молчите, дядько Иван, сама не знаю, что наделала! А надо. Я же еще молодая, может, еще замуж выйду...

— А дети мешают? Не прокормишь? Одна кормила, а с мужиком не прокормишь?

— Надо руки развязать...

— Это для чего же? Для фермы?..

— Нужна мне ваша ферма! Я с ней рассчиталась...

«Э,— соображаю,— соседка, вон как тебя подковали! Уже и ферма не нужна».

Поступила Маруся в полевую бригаду, но, приметил я, не для дела, а для виду поступила, чтобы не отняли усадьбу. А сама мешок за плечи и по хуторам — чеснок покупать. Я ахнул: ума решилась бабочка! Куда такую прорву чеснока? А Митька Пенкин — это он Марусей руководствовал — смеется:

— Эх ты, хлебороб! Не знаешь, на чем живую копейку брать. Сорок тысяч головок чеснока по три рубля — сколько выйдет?

— Да какой же вам олух заплатит по три рубля?

— Вот она, неписьменность ваша, станичная! Да есть такие местности, где этот чеснок в превеличайшей цене...

— Так это ж спекуляция! В тюрьму сядет Маруся.

— Не-ет,— уверяет Пенкин.— Не сядет Маруся в тюрьму. Мы кто такие? Колхозники! Усадьбу имеем? Садили на ней чеснок? Садили! А сколько садили, того никто не считал. Об чем же разговор? Сельсовет даст справочку...

Забеспокоился я. Станица наша трудовая, не торговая, спекуляции этой и в заводе у нас не было. Говорю председателю:

— Ох, дорогой, пригрел ты Пенкина, не на свою ли голову?

— Да ты что паникуешь? — зашумел на меня Антон Леонтьевич.— Одного спекулянта перепугался? Что он сделает против нас? Нас же сила! Актив! Руководство! А посчитай штатных воспитателей... Наш секретарь — то раз, да в МТС секретарь, да три клуба с заведующими, да три читальни с библиотекарями... А сверху?! Зональный секретарь, да еще инструктор, да комсомольский инструктор, да сельсоветчики. Армия! Пятнадцать воспитателей держим на жалованье в станице — нам ли Пенкиных бояться?

Ну что ж, успокоился я, а тем временем Пенкины с чесноком развернулись. Аж за Полярный круг Митьку носило.

Расторговался, явился домой на «Победе» и в тот же час на работу пошел. Гляжу, плотничает, да завзято плотничает, оборону строит, чтобы трудоднями торговлишку прикрыть. Еще и подмигивает:

— Мы, станичник, с понятием!

Истинно, с понятием! Сколотил двести трудодней, пошабашил, к помидорам прицелился. Купил по дешевке у соседей четыреста килограммов — и в Москву прямым рейсом.

Пока наши заготовители разнарядки утрясали, а он уже и домой вернулся, хвалится: «Знаете, почем в Москве первые помидоры?!» Передохнул да опять за руль — и в Грузию. Напрессовал там лавровых листочков, двинул их на Север. Распродал по рублю за три листика, чемодан сторублевок привез. Защеголяла наша Маруся. Сегодня один наряд, завтра другой, ноготочки крашеные... «Эх,— думаю,— Василь Фомич, друг покойный, мало ты ее, чертовку, смолоду учил!»

Да как раз от этой, от марусиной, хаты и поползла по станице зараза. Пройдет Маруся по улице, к подружкам подсядет, расскажет им про митькины экскурсии, обновками похвалится, руки покажет чистые, белые... Чую, и моя старуха ночью не спит, ворочается, охает. Толкну ее под бок: «Ты что, Мотря?» «Да перец...» «Какой там у тебя перец?» «Да не у меня. Маруська казала, в Магадане стрючковый перец в цене. Ох!» Ну, что вы скажете! Жизнь прожила, а тут на старости лет просветилась! Придешь домой, только и слышишь: почем мак в Вологде, да чеснок на Колыме, да соняшник в Костроме. Тьфу!

Нет, погоди, не перебивай, коренные колхозники, они, понятная вещь, не хитнулись. А вот кто послабее душой, те да... Ветеринар наш от колхоза отбился, пустился в странствия; землемер, то был лодырь из лодырей, а тут, гляжу, старается, веники плетет, собирается в дальний край. Сосед мой, конюх, на лавровые листочки переключился, помчал в Грузию. Кладовщик наш в пай к Пенкину вошел. Поползло с улицы на улицу! Майор отставной явился, построился. Образованный! Прочитал нам лекцию про пережитки капитализма, да бойко прочитал. Ну, соображаю, этот Пенкиным задаст! Задал, как же! Сам же с ними и закрутился. Сам на «Москвиче», а Пенкин на «Победе» — хлопцы их обоих прозвали «цап-царапами» — катят по улице, только пыль из-под колес. Машины доверху груженные. Пытаю:

— Эй, лектор, что везешь, дорогой? Не пережитки свои?

Вот такое пошло от Митьки. А Ефрем Пенкин, тот поначалу смирненько жил, сторожевал на пасеке, на хворобы жаловался, медком укреплялся, а под осень сдружился с мастеровыми. Соберет в чайную плотников, кровельщиков и до полуночи с ними: «Шумел камыш...» «Ох,— говорю,— председатель, неспроста он тут шумит, этот камыш». «Ну,— говорит,— у тебя вечно паника. Пьют хлопцы, то их личное дело!» Да, личное... Неделю они пили, а на другую, опохмелившись, снялись восемь мастеровых с колхозной постройки — и на станцию. Куда? А в частный сектор, длинные рубли зашибать. Люди-то в станицах строятся, а мастеров недостаток. Пенкин их и выучил, как тем дефицитом попользоваться, нагребти дурных рублей. Подбил, соблазнил и увел, бесстыжая душа!

Свириденко сплюнул, и шагов двадцать мы сделали молча. Я спросил:

— А что же сталось с Марусей? Почему опустела хата?

— В тюрьме! — мрачно сказал Свириденко. — Доигралась наша Маруся... Краденое перепродавала. Судили!

Он отвернулся и долго шагал молча, топтал жесткие кусты амброзии.

— И как оно у нас деется! — всплеснул он руками.— Ну, допустим, сто гектаров каких-то недосеет колхоз — тут тебе все начальство всполошится: сводка не закрыта. А тут же злейшая зараза объявилась в станице, мажет, портит людей, и хоть бы тебе кто опомнился! Пошел я к зональному секретарю насчет Маруси. «Как же так,— толкую,— Иван Васильевич, пока она первой свинаркой была, вы же все с ней носились! А зараз? Ну, оступилась, сошла с Доски почета, так что ж, навек она выпала из вашей номенклатуры? Уже и неинтересно, как она живет и что у ней за думки?» «Извини, — говорит,— Свириденко, занят я: доклад пишу, иди к инструктору». Зашел к инструктору — и тот занятый человек: сведения собирает. Иду к председателю, а тот и слухать не хочет: «Силос бью! Не то в голове! Сходи к нашему секретарю». И наш секретарь бумагами трясет: «Недосуг! Активом занимаюсь». Активом! То добре, что активом, а пассив кому передадим на воспитание? Пенкину? «А ты,— советует секретарь,— в сельсовет иди, то их функция насчет спекулянтов». «Не-ет,— машет рукой председатель,— не моя функция. Я с налогами. Иди к участковому милиционеру». Понимаешь, проводили до крайнего. Участковый, он тоже, глядя на начальство, подковался. «Ты,— говорит,— товарищ Свириденко, сигнализируешь о спекулянтах? Правильно делаешь, милиции помогать надо. Как только поймаешь их на месте, заактуй, а я с тем актом съезжу к прокурору, возьму на них санкцию...»

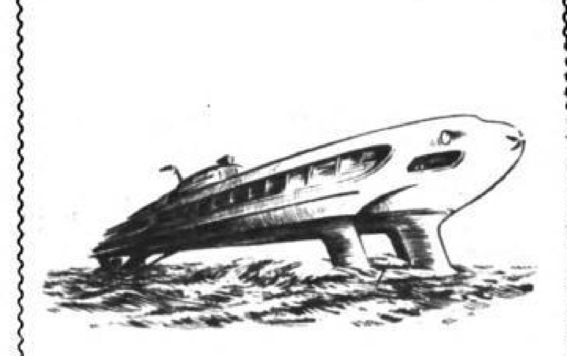
Так мы и сватались: санкции... функции... А Пенкины-то не дремали. Сегодня одного подобьют, завтра другого соблазнят... Запаскудили станицу, барышничают, пенки снимают... А если б мы в свое время опомнились, да дружненько без разбора функций-санкций навалились, да скрутили бы Пенкиных, да приструнили, да взяли под свою руку тех, кто послабей на ногах стоит, что, думаешь, не задушили бы заразу? Эге, еще и как бы задушили!..

Свириденко закурил, вырвал еще один кустик амброзии, повертел в руках.

— Злодей-трава! В точности так мы и с нею сватались, функцию на нее шукали: кому ее, паскуду, искоренять... Колхоз на МТС валил, МТС — на колхоз... А она знай себе плодилась... Корчуй теперь!

Он затянулся, откашлялся и спросил живо:

— Ты по станицам ездишь — не встречал Пенкиных? Где же они? От нас улетели, а где же опустились? Где-то поблизости пасутся... Не встречал? Тоже и вы так ездите — читаете одни Доски почета. А думаешь, все на них написано? Эге, не все...

Теплоход на подводных крыльях

Если вам вздумается во время летнего отпуска прокатиться из Горького в Казань, вы, конечно, воспользуетесь речным транспортом. За тридцать часов пути на пассажирском теплоходе можно всласть надышаться волжским воздухом, налюбоваться пейзажами, словом, отдохнуть на славу! Но представьте себя в командировке, когда вы торопитесь, когда в Казани вас ждут неотложные дела. Тогда поневоле придется пренебречь прелестями речного путешествия: по железной дороге этот путь можно совершить за девятнадцать часов. И, конечно, вы поедете поездом, смирившись с вагонной духотой и неизбежной пересадкой в Арзамасе.

В будущем году, однако, можно будет соединить приятное с полезным. В кассе горьковского речного вокзала вас спросят:

— Билет до Казани желаете на простой теплоход или на крылатый?

Не удивляйтесь. «Крылатым» волгари прозвали новое судно-экспресс. Правда, крыльев у него вы вначале не заметите. Но почему не взять билет, если он стоит почти вдвое дешевле и к тому же расписание гарантирует доставить вас в Казань ровно через десять часов.

И вот вы на борту нового теплохода. В просторном салоне с широкими зеркальными окнами ряды кресел: мягких, уютных, таких же, как в самолете. Сходство с воздушным транспортом еще более усилится, когда теплоход отойдет от причала. Стремительно замелькают за окнами берега, встречные суда, и при этом вы не ощутите никаких толчков, не увидите ни малейшей волны за бортами.

Где же крылья у этого теплохода? Ни из салона, ни с палубы вы их не разглядите. Два крыла, на которых стремительно скользит теплоход, скрыты в воде. Они расположены под корпусом, в носовой и кормовой его части. Только во время движения, когда судно идет со скоростью шестьдесят километров в час, можно, глядя со стороны, увидеть, что судно как бы летит, почти не касаясь речной поверхности.

— Теплоходы на подводных крыльях — самые быстроходные речные суда,— сообщили нам в Техническом управлении Министерства речного флота. — Опытный образец такого судна, небольшой пятиместный катер, построенный несколько лет назад на одной из волжских верфей, отлично показал себя. В ближайшем будущем начинается строительство крупных судов такого типа, рассчитанных на семьдесят пассажиров каждое.

Основное конструктивное преимущество скоростных теплоходов в том, что подводные крылья создают силу, приподнимающую корпус судна над поверхностью воды. Сопротивление корпуса сводится к нулю. Теплоход на подводных крыльях приводится в движение гребным винтом, работающим от мотора мощностью в 700 лошадиных сил.

Речные теплоходы-экспрессы смогут совершать переходы также по озерам и водохранилищам, преодолевая волну до двух метров.

Новые скоростные пассажирские суда найдут широкое применение не только на Волге, но и главным образом в отдаленных районах Сибири и Крайнего Севера, лишенных железных дорог.

С. МЕСЯЦЕВ

ТРИ ЭПИЗОДА

16 апреля — 70 лет со дня рождения Эрнста Тельмана

Вилли БРЕДЕЛЬ

Листовки на «Карле Великом»

Был октябрь 1908 года. «Карл Великий», броненосец флота его величества кайзера, шел в Гамбург. Команду выстроили на палубе, матросы слушали наставления капитан-лейтенанта Хольстена: «Бравый вид... Честь... Дисциплина... Геройский флот его величества... Тройное гип-гип ур-ра!»

В субботу к вечеру матросов уволили на берег. Они шептались между собой: в воскресенье вахтенные будут глядеть сквозь пальцы, можно вернуться на борт и в понедельник к утру. Сотни моряков потянулись по улице Репеербан, заполнили до отказа кабачки и прочие увеселительные заведения.

В подвальном кабачке у Нобитор несколько матросов уселись за столик вместе с тремя молодыми рабочими. До службы на флоте моряки тоже были фабричными и даже состояли в организации молодежи. Наклоняясь к собеседникам, они шепотом рассказывали о житье-бытье на броненосце, о том, как зверствуют некоторые офицеры. Рабочий парень лет двадцати пяти, с большими светлоголубыми глазами, набрасывал какие-то заметки в записной книжке. Один раз он перебил рассказчика и спросил:

— Как зовут офицера?

Записав имя, он добавил:

— Ну, мы его пригвоздим!

Вокруг гремели песни. Люди чокались, провозглашали тосты. Сквозь гул голосов звенел смех девушек. Никто не слушал старавшегося изо всех сил гармониста. В сплошном табачном дыму кельнерши с трудом разносили пивные кружки. Но матросы и трое рабочих у углового столика были заняты только собой. Голубоглазый парень молчал, бережно держа в крепких больших руках маленькую записную книжку, словно это была невесть какая драгоценность. Наконец он сказал:

— Ну, это все ясно.— И добавил тихо, придвинувшись поближе к матросам: — Значит, завтра утром там, где уговорились. Но чтоб минута в минуту.

Воскресное утро, вставшее над главной улицей и переулками порта, увидело новую картину. То там, то тут лежали матросы, «отдавшие якорь» прямо на земле. Вахтенным офицерам «Карла Великого» приходилось то и дело посылать патрули, чтобы увести на корабль моряков, «давших слишком большой крен».

Трое молодых рабочих не спали всю ночь. Они составили текст и напечатали на гектографе кучу листовок. Двести листовок были в понедельник к утру разбросаны по матросским кубрикам броненосца, и двести матросов отнесли эти листки начальству, как положено по уставу. Однако тут действовал не только устав: таков был совет самих составителей листовок.

«Прочтите внимательно! — говорилось в прокламации.— Обсудите то, что здесь сказано, с товарищами! Крепите солидарность, действуйте сплоченно. Не давайте использовать себя против ваших братьев, рабочих верфей и заводов!»

А в самом конце было добавлено:

«Прочтя листовку, усвоив ее содержание, отнесите ее вашему начальнику, чтобы против вас не было улики».

Командование броненосца строжайше запретило отпуска на берег. Пришло предписание из Берлина, от адмиралтейства его величества: строжайше расследовать! Но самые тщательные обыски в помещениях для команды не дали никаких результатов.

Подал голос сам кайзер Вильгельм II, верховный главнокомандующий. По его приказу адмиралтейство возбудило дело против гамбургского совета профсоюзов, поскольку было установлено, что листовка напечатана на гектографе, недавно приобретенном этой организацией. Секретари совета профсоюзов выразили настолько искреннее неведение, что кайзеровские власти должны были оставить их в покое. Буржуазные газеты подняли шум по поводу неожиданной «сенсации». «Гамбургер фремденблатт» и «Анцейгер» вышли под кричащими заголовками: «Красные листовки на «Карле Великом!», «Антимилитаристская пропаганда среди моряков кайзера!». И далеко за пределы Гамбурга понеслась весть об этом происшествии.

Молодой голубоглазый рабочий, беседовавший с матросами в кабачке, был Эрнст Тельман.

«Тогда пойдем пешком!»

Когда в марте 1919 года против революционных рабочих Бремена были брошены отряды так называемого «добровольческого корпуса», на заводах, фабриках и верфях Северной Германии вспыхнула всеобщая забастовка. В Гамбурге формировались рабочие сотни на помощь бременцам, которым приходилось вести оборону против реакционной военщины. Эрнст Тельман был одним из организаторов и руководителей этого движения пролетарской солидарности. Вооруженные рабочие отряды двигались к вокзалу. Но железнодорожники колебались, не соглашались везти рабочих в Бремен.

— Мы тоже бастуем,— объясняли они,— мы не даем подвижного состава для войск «добровольческого корпуса», но мы не повезем и вас. Мы вообще никого не возим.

Эрнст Тельман старался объяснить руководителям железнодорожников, что они для того и начали забастовку, чтобы дать отпор бандам «добровольческого корпуса», двинутым на подавление рабочих Бремена. Забастовочный комитет соглашался с этим, но упорно твердил: «Забастовка есть забастовка, мы не возим никого!»,— оставаясь глухим ко всем уговорам. Столпившиеся вокруг Тельмана гамбуржцы растерянно спрашивали, как им быть. Эрнст Тельман был и сам сильно обозлен этой нелепой близорукостью. Он несколько минут размышлял, потом воскликнул на своеобразном гамбургском диалекте:

— Данн гот ви ту фут! (Тогда мы пойдем пешком!)

Отряды рабочей солидарности так и поступили.

Слова Тельмана стали крылатыми среди революционных рабочих Гамбурга.

Каждый раз, когда перед ними вставало какое-нибудь неожиданное, трудно преодолимое препятствие, они говорили: «Данн гот ви ту фут!»

Реплики с места

Во время выборов городского самоуправления в Гамбурге, в октябре 1927 года, за обе рабочие партии — коммунистическую и социал-демократическую — было подано почти полмиллиона голосов. Новый сенат Гамбурга состоял из 90 коммунистических и социал-демократических депутатов и 70 депутатов буржуазных партий. Естественно, что трудящиеся массы Гамбурга требовали, чтобы сенат стал органом рабочей политики и поборником жизненных интересов рабочих. Окружной комитет Компартии Германии предложил гамбургским социал-демократам собраться вместе и выработать программу единой политики в сенате. Переговоры состоялись.

Тогдашний руководитель социал-демократического союза города Гамбурга Макс Лейтериц заявил в своей речи (цитируется по официальному протоколу, изданному этой партией):

— Требования нельзя считать осуществленными, когда их принял только парламент,— они еще остаются пока на бумаге, еще висят в воздухе. Законы и парламентские решения проводятся в жизнь правительством, а это и есть самая сложная часть дела... Для этого нужны бывают подчас правовые органы, суд, полиция...

Эрнст Тельман, возглавлявший на переговорах делегацию коммунистической партии, прервал оратора короткой репликой:

— Против кого?

Макс Лейтериц отвечал:

— Против тех, кто не выполняет законов. Даже если рабочий не выполняет возложенных на него повинностей, приходится идти к нему с полицией. Коалицию с коммунистами мы решительно отвергаем: это будет только петля на шею...

Здесь Эрнст Тельман прервал оратора вторично. Он спросил с места:

— А коалиция с буржуазной Народной партией — это не будет петлей на шее?

Макс Лейтериц утверждал, что нет, не будет. Народная партия, вступая в коалицию с социал-демократами, обяжется-де идти с ними во всем рука об руку, иначе Народной партии придется убираться...

Переговоры результатов не дали. Социал-демократы вступили в соглашение с буржуазной частью сената. Через несколько лет депутаты от Народной партии пошли за гитлеровцами, и... «убираться» из гамбургского сената пришлось социал-демократам.

Эрнст Тельман. 1928 год.
Снимок публикуется впервые.

В СТРАНЕ ПИРАМИД

В долине Нила.

Николай ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Красноречие цифр

Когда летишь над Египтом на самолете, земля внизу очень похожа на огромную географическую карту: обширная желтая равнина и узкая зеленая полоска посредине. Именно такими цветами изображена эта страна во всех школьных атласах. «Египет — дар Нила», — говорил Геродот. И это наглядно видно сверху. Берега могучей реки, разрезавшей пополам горячую пустыню, покрыты буйной зеленью садов и нив, а за ними — мертвые пески без травы, без людей. На узкой ленте плодородной земли сосредоточена почти вся жизнь страны: девяносто семь процентов населения обитает на четырех процентах территории государства.

Человека, приехавшего из Египта, знакомые обычно спрашивают, видел ли он крокодилов в Ниле. Однако крокодилов в Египте уже давно нет, как нет и гиппопотамов. Они бежали в верховья реки, в дебри экваториальной Африки, потому что в пределах Египта зверю невозможно выйти на берег, чтобы не наткнуться на человека, его жилье. В некоторых провинциях на каждый квадратный километр земли приходится более восьмисот человек. И все они ухитряются с этой земли кормиться, ибо Египет — страна сельскохозяйственная, подавляющее большинство народа — земледельцы.

Египетские деревни невелики: жилища, как правило, сооруженные из нильского ила, тесно лепятся друг к другу. Проезжая мимо такого маленького селения, с удивлением узнаешь, что в нем живут десять, пятнадцать и более тысяч человек.

С начала нынешнего столетия население страны удвоилось, а площадь обрабатываемой земли возросла незначительно. Длительное хозяйничание в стране иностранного капитала довело народ до крайних пределов нищеты и разорения. Экономист профессор Менье подсчитал, что за сорок лет, предшествовавших завоеванию Египтом независимости, национальный доход на душу населения, и без этого низкий, уменьшился почти вдвое.

Колонизаторы насильно изгоняли с крестьянских полей культуры, которые веками возделывались на берегах Нила. Им нужен был только хлопок — дешевое сырье для фабрик. Египет, который во времена Птоломеев кормил хлебом многие страны Средиземноморья, ныне ввозит зерно из Австралии. Иноземное хозяйничание придало экономике Египта уродливый, однобокий характер, сделав его страной монокультуры хлопка. Колонизаторы всеми силами препятствовали развитию промышленности, ибо имели здесь выгодный рынок для товаров.

В своей политике они опирались на крупных феодалов, которым принадлежали огромные массивы лучшей земли. В Комитете по земельной реформе мне показали красноречивую таблицу. В 1952 году сто восемьдесят восемь помещиков владели бо́льшим количеством земли, чем полтора миллиона крестьянских семей.

Помещик в Египте обычно не ведет сам хозяйства, а сдает землю в аренду крестьянам. Условия аренды были столь чудовищны, что феллаху, трудившемуся со всей семьей, едва хватало на то, чтоб не умереть с голоду. Мне рассказывали о случаях, когда феллах мог арендовать полосу поля шириной лишь в 30 сантиметров! И эта грядка должна была прокормить его семью и дать средства для погашения кабальной задолженности помещику.

«Лишь мумия страдает молча», — говорит египетская пословица. В первые же дни после национальной революции в селах стали создаваться крестьянские комитеты. Тысячи петиций с требованием земли полетели в столицу. Египетская деревня была накануне взрыва.

Закон о земельной реформе был принят спустя 48 дней после прихода к власти Революционного Совета.

Беседа в кооперативном банке

Председатель Верховного комитета по земельной реформе г-н Саид Марей принял меня в помещении кооперативного банка, президентом которого он является. Он агроном: в 1937 году окончил с отличием сельскохозяйственный факультет Каирского университета. У него подвижное лицо и высокий лоб. Беседуя, он свободно оперирует большим количеством цифр.

Закон, принятый правительством 9 сентября 1952 года, предусматривает реквизицию земельных владений, превышающих 200 федданов. За отобранную землю владелец получает денежное возмещение. Землю имеет право получить египтянин, достигший 21 года, живущий обязательно в деревне, не совершивший преступлений против чести и не пользующийся наемным трудом. Стоимость зем-

Такие голубятни можно увидеть в каждой деревне. Египтяне разводят голубей и употребляют их в пищу.

Президент Республики Гамаль Абдель Насер вручает крестьянам деревни Нага-Хаммади акты на владение землей.

ли феллах будет выплачивать правительству в течение 30 лет. Цена за феддан установлена примерно в 140 египетских фунтов, хотя биржевая стоимость земли до революции была 300 фунтов.

Председатель комитета сообщил, что уже распределена между феллахами половина из 500 тысяч федданов земли, предназначенной к реквизиции.

— Таким образом, реформа обеспечит наделами лишь часть нуждающихся феллахов. Между тем, как говорят в Египте, голодный не становится сытым оттого, что пообедал его сосед.

— Да, это так,— подтверждает г-н Марей.— Но, как известно, в Египте многие крестьяне арендуют землю. Раньше условия аренды были очень тяжелы. Земельная реформа учитывает это. Сейчас установлено законом, что арендная плата не должна превышать земельного налога, увеличенного в семь с половиной раз. В итоге доходы феллахов-арендаторов возросли на 40 миллионов фунтов в год. Разумеется, полное решение земельной проблемы связано с общим развитием национальных ресурсов. Так, например, сооружение новой большой плотины на Ниле близ Ассуана даст возможность орошать еще 2 миллиона федданов. Это большая цифра, если учесть, что сейчас в Египте 6 миллионов федданов плодородной земли.

— Вы скажете, что недостаточно дать землю,— продолжал г-н Марей.— Да, это так. Феллах не имеет денег и орудий, чтоб ее обработать. Поэтому получение земли связано с непременным условием: вступление в кооператив. Я не случайно объединяю два поста. Комитет имеет средства и предоставляет кооперативам кредит через филиалы нашего банка.

— Мы в помещении банка. Это дает мне право задать два вопроса, не относящихся к земельной реформе. Сейчас Национальный банк Египта получил право контролировать операции всех банков страны. Что достигнуто этим?

— Улучшилась вся финансовая система страны, появилась возможность эффективно влиять на политику различных мелких банков.

— Известно, что новое правительство всячески стремится развивать национальную промышленность. В то же время оно отменило закон об обязательном приоритете египетского капитала в смешанных акционерных обществах...

— Действительно,— ответил г-н Марей,— сейчас закон разрешает иностранцам иметь 51 процент акций. Мы заинтересованы в притоке иностранного капитала для развития экономических ресурсов страны. Но закон предусматривает значительное увеличение служащих-египтян в управлении компании.

Бюджет Ахмета Салема

— Завтра группа иностранных журналистов отправляется в бывшее имение короля. Я советую вам тоже поехать,— сказал доктор Адель Амер, сотрудник департамента информации.

Сбор был назначен во дворце Абдин, в пресс-бюро Комитета по земельной реформе. Когда я приехал туда утром, там уже сидели, попивая кофе, корреспонденты из многих стран: несколько американцев, француз, швед, два немца из Бонна, большая группа операторов английской телевизионной корпорации. Вскоре все разместились в больших машинах и выехали за город.

Дорога шла вдоль Исмаильского канала, красивейшего канала дельты. Ветви гигантских эвкалиптов образовали над ней крышу. Мягкие купы тамариска сменялись колючими зарослями кактусов. Поля, старательно расчерченные ровными линиями оросительных каналов, покрыты нежной бирюзой дружных всходов нового урожая. Несметное количество финиковых пальм виднелось повсюду. Царственно гордые, они стояли толпами и в одиночку среди зеленых нив, превращая всю долину в огромный чудесный сад. Природа здесь радовала глаз своими щедротами. И только убогий вид человеческого жилья навевал грусть. Мы проезжали мимо деревень, нищета которых бросалась в глаза.

Сидевшая впереди меня журналистка из Бонна обернулась и неожиданно сказала по-русски:

— Когда я смотрю на египетскую деревню, меня всегда преследует одна и та же мысль: здесь у людей выработалось органическое отвращение к цивилизации. Они замкнулись и живут, как тысячу лет назад.

Я возразил, что дело не в «отвращении к цивилизации»: ее блага не даются, к сожалению, бесплатно. А как показывает статистика, у подавляющего большинства феллахов доходов хватало лишь на то, чтоб не умереть с голоду.

— Вы ко всему подходите материалистически,— не унималась журналистка.— А я говорю о некоторых врожденных потребностях человека.

Не успел я заметить, что абсурдно говорить так о стране, которая считается колыбелью человеческой культуры, как машины въехали в обширный двор королевского имения и дискуссия прервалась.

Фарук был крупнейшим землевладельцем Египта. Мы находились в одном из многих его поместий, разбросанных в дельте. Здесь было 3 тысячи федданов пахотной земли и тысяча федданов сада. Земля уже распределена между крестьянами. Сад еще находится в ведении властей.

Поначалу все отправились во дворец осматривать королевские коллекции. Они занимали длинную анфиладу комнат. Говорят, что сам монарх вовсе не интересовался этими коллекциями. Но он знал, что богатые люди в Америке обычно что-нибудь коллекционируют, и решил им подражать. Один зал был увешан головами ланей, антилоп и козерогов. Обращал на себя внимание портрет, сделанный искусным безымянным мастером из крыльев тропических бабочек. Многочисленные чучела зверей, крокодилов, стол из уха слона. Здесь было много вещей интересных или забавных, но полностью отсутствовали какая-либо система и мысль коллекционера.

Затем все прошли в небольшой сад кактусов, собранных со всех уголков мира. Среди них есть одно диковинное растение — «прыгающий кактус». Стоит приблизить к нему руку или носок башмака, как тотчас от куста отскакивает колючая шишка и впивается в кожу. Длинные иголки конвульсивно шевелятся, выискивая жертву.

Журналисты разошлись группами и в одиночку. Некоторые отправились в королевские конюшни поглядеть на арабских скакунов. Куда-то уехали операторы телевидения. Мне хотелось поговорить с феллахами, получившими землю, и мы с товарищем отправились в поле.

На зеленой полосе земли между двух арыков сосредоточенно работали мотыгами три человека. Они выпрямились лишь, когда мы подошли вплотную, и посмотрели на нас так, как всегда смотрят в Египте простые люди на иностранцев: настороженно и недоверчиво. Впрочем, недоверие быстро сменилось расположением, и спустя две минуты мы уже сидели на мягкой пахучей земле, дружески беседуя.

Хозяина участка звали Ахмед Салем. Второй был его брат, с которым они совместно ведут хозяйство, третий — сосед, пришедший им помочь. Старшие дети с нынешнего года стали посещать медрессе и приходят работать на поле после занятий.

Раньше Салем арендовал один феддан земли у самого короля. В хороший год участок давал пятьдесят египетских фунтов дохода. Сорок из них он платил королю за аренду. На остальные можно было лишь кое-как кормить семью из девяти человек, а еще нужно было купить удобрения и семена. Сейчас они с братом получили наделы по два с половиной феддана и обрабатывают землю вместе. Надел получен два месяца назад, и уже скоро будет снят первый урожай гороха и египетского клевера. Всего здесь собирают по три урожая в год, чередуя посевы

Исмаильский канал.

В кооперативе деревни Себербай.

кормов, овощей, хлопка и пшеницы.

Как смотрит Салем на будущее?

— Аллах великий покажет, — говорит он, глядя на небо.

— А как вы сами считаете?

— Я теперь стал хозяином земли! — Он произносит это с необыкновенной гордостью, а выражение лица его красноречивее слов. Затем он принимается, загибая пальцы, подсчитывать свой бюджет. Ежегодный взнос за землю и налог составляет около 20 фунтов с феддана. Вместо 10 фунтов дохода, которые, как мы уже слышали, он имел раньше, надеется выручить фунтов 60. Разница огромная! Он член кооператива, получает сейчас ссуду, семена, удобрения, даже молоко и сахар в счет будущего урожая.

— Без кооператива мы не смогли бы засеять землю, — вставил сосед Салема, Гаури Салех.

С поля мы поехали в деревню, чтоб побывать в доме Ахмеда Салема. Там я увидел операторов английского телевидения. Поперек узкой улицы лежал верблюд, за ним застыли три феллаха в огромных чалмах. На них были направлены объективы аппарата, и крестьяне, понукаемые выкриками режиссера, делали какие-то неуклюжие движения. Из-за углов выглядывали толпы шустрых черномазых ребятишек. Два полицейских в черной форме с ружьями времен севастопольской обороны лениво их прогоняли, оберегая стройность задуманного телевизионного действа.

Мы вошли в дом Салема, наполненный заунывной арабской музыкой. Сын хозяина Хафиз усердно настраивал новенький радиоприемник. Приемник был маленький, самый дешевый, но и он казался каким-то инородным телом в этом убогом жилище, где дым от очага выходил через дыру в плоской крыше. Салем сообщил, что купил этот приемник в рассрочку три дня назад и рассчитается за него осенью после реализации урожая хлопка. Почему он приобрел этот далеко не самый необходимый в его доме предмет? Он неграмотен, но хочет знать, что творится в мире. Теперь он слушает новости.

К обеду все журналисты собрались на яхте. Прежде она служила королю для увеселительных прогулок по каналу, а теперь превращена в ресторан. На верхней палубе под пестрыми сюзане был накрыт большой стол. Я разыскал мою спутницу-немку.

— Мадам, цивилизация не встречает препятствий в доме феллаха. — И я рассказал ей о радиоприемнике Ахмета Салема.

Она пожала плечами и, кажется, осталась при своем мнении.

Книга и жизнь

Мой каирский товарищ, с которым мы совершали совместные поездки по Египту, был большой любитель книг. Однажды я дожидался его в холле гостиницы «Семирамис». К столику подсел очень высокий и очень худой американский журналист. Звали его Самюэль Джонс — я так и не знаю, какую газету или журнал он представлял. На этот вопрос Джонс отвечал: несколько нью-йоркских изданий. Главная проблема, которая его неизменно занимала, сводилась к одному: стоит или не стоит вкладывать в Египет деньги? Он приходил иногда к одному, иногда к противоположному выводу. Сегодня он считал, что вкладывать деньги рискованно: днем он побывал на знаменитом каирском «Золотом базаре» и стал там фотографировать нищую старуху; какие-то молодые арабы гневно на него надвинулись, стали выкрикивать разные неприятные слова, и корреспонденту пришлось ретироваться.

Мимо столиков бесшумно сновали черные нубийцы в красных экзотических одеждах, разнося крошечные чашки кофе и бокалы виски. Здесь, в холле самого большого и роскошного отеля в Каире, обычно собираются дипломаты, дельцы, промышленники, журналисты.

— Здесь делается политика, — напыщенно и многозначительно сказал Джонс.

Я заметил, что, кажется, времена изменились и сейчас политика преимущественно делается там, где заседают Революционный Совет и Правительство.

— Но, но! — Американец лукаво поднял бровь и палец. — В Египте не изменяется все так быстро. Вот, смотрите.— И он достал из портфеля книгу.

Она была издана за границей и состояла почти целиком из иллюстраций. На одной странице помещалась репродукция рельефа из гробниц Саккары и Деир эль Бахари, а на противоположном — фотография из современного египетского быта. Фотографии были поразительно похожи на рельефы, сделанные три тысячи лет назад. Так же пашет землю крестьянин, так же черпает шадуфом[1] воду для орошения поля, так же трудятся гончар, каменотес, рыбак. Не лишенным остроумия фотографическим приемом автор показывал, что жизнь народа застыла на уровне древнейших эпох.

Подошел мой товарищ и, разумеется, весьма заинтересовался книгой. Как завзятый книголюб, он уже не мог устоять перед соблазном приобрести ее. Поэтому, прежде чем отправиться на киностудию, где нас ждали, мы заехали в большой книжный магазин на улице Каср эль Ниль. Букинист-грек сказал, что сейчас этой книги у него нет, но если господин пожелает, то он может ее получить завтра. Товарищ сделал заказ.

На следующий день мы поехали в деревню Себербай, чтоб посмотреть один из самых крупных в республике сельскохозяйственных кооперативов. Деревня Себербай расположена в центре треугольника, образованного нильской дельтой. Машина остановилась у приземистого нового каменного домика, где находится правление. Нам пояснили, что дом этот построен недавно кооперативом. Рядом строятся клуб, магазин. Кооператив будет торговать без посредничества купцов, и товары станут дешевле.

Мы вошли в просторную, светлую комнату. За большим столом сидели девять феллахов в чалмах и шалях и представитель правительственного кооперативного центра.

Заканчивалось заседание правления. Мы ознакомились с повесткой дня. Она состояла из шести пунктов:

1. Прочесть то, что было решено в прошлый раз. (Это обязательный первый пункт каждого заседания.)

2. Об очистке канала. (Решено очистить своими силами. Это дает экономию средств.)

3. О подготовке к севу хлопчатника. (Все хлопковые поля будут вспаханы сообща трактором.)

4. О сепарации молока. (Имеется машина, но она плохо работает. Намечены меры, чтоб все феллахи могли перерабатывать молоко.)

5. Об улучшении оросительной системы в связи с приобретением механической помпы.

6. О распределении купленных буйволиц.

На днях кооператив приобрел 25 молочных буйволиц. Они распределены среди феллахов, не имеющих скота. Стоит буйволица 30—32 египетских фунта. Крестьянин эту сумму будет выплачивать в течение пяти лет.

[1] Шадуф — приспособление для подъема воды, напоминающее колодезный журавль.

Кооперативы, созданные в результате земельной реформы, еще весьма разнолики. Но в окрепших хозяйствах, к которым относится кооператив в Себербае, все более внедряются формы коллективного труда. Важные работы — пахота, ирригация — проводятся сообща, на всем большом массиве земли. Затем крестьянин, каждый на своем участке, производит посев, лелеет всходы и собирает урожай. Урожай основных товарных культур — и прежде всего хлопка — реализуется сообща. Двадцать пять процентов дохода остается в резерве кооператива. Это вместе с суммой вступительных взносов крестьян составляет фонд, который употребляется на приобретение машин, сооружение общественных построек и другие коллективные нужды.

Глава правления — Юсеф Абдель эль Халик. Он государственный чиновник, кончивший специальную агрономическую школу. Секретарь по имени Кемаль Кандиль и остальные члены правления — феллахи.

Мы пошли посмотреть поля. Кемаль привел нас к механической помпе, подле которой возилось несколько человек под руководством механика Ибрагима эль Гинди. Она приобретена шесть месяцев назад.

— Теперь, — говорил Кемаль,— на поле можно давать больше воды и появилась возможность сеять рис. А каждый феддан, засеянный рисом, дает на 34 фунта дохода больше. В этом году у кооператива будет 400 федданов под рисом.

По дороге старенький трактор тащил прицеп с удобрениями. Этот трактор, пояснил Кемаль, конфискован в королевском имении и передан кооперативу в рассрочку на 30 лет.

— В этом году, — продолжал он, — мы дали заказ еще на один новый трактор. Феллахи просили получить его из России. Мы надеемся осенью увидеть его здесь.

Вспомнилось то, что генеральный директор комитета по земельной реформе г-н Абдель Вахаб Изед рассказывал в Каире: в этом году кооперативы заказали 282 трактора. Уже закуплено 110.

— Мы,— говорил он,— приобретаем пятнадцать русских тракторов, чтоб посмотреть, как они работают в условиях Египта.

Сейчас в СССР находится эксперт, который принимает тракторы, — продолжал г-н Изед.—Очевидно, нам понадобится советский инженер, который поможет здесь организовать их эксплуатацию и ремонт. Всего на первое время нам требуется тысяча машин. Скоро я, очевидно, сам поеду в вашу страну.

И вот сейчас, в кооперативе, слушая слова Кемаля Кандиля, я не без гордости подумал, что скоро трактор, сработанный руками харьковских рабочих, будет пахать коричневую нильскую землю в далекой египетской деревне.

Под вечер мы вернулись в Каир. Товарищ попросил заехать на улицу Каср эль Ниль. Вручая покупку, букинист сказал:

— Эта книга показывает лицо страны.

— Вы заблуждаетесь.

— Почему?

— Она устарела.

Грек лукаво сощурил глаза:

— Совсем устарела?

— Нет, еще не совсем. Но с каждым днем устаревает!

Антонио, человек со странными манерами

Рассказ

Лион ФЕЙХТВАНГЕР

Рисунки А. ВАСИНА.

Мое лекционное турне по Америке было утомительным; я чувствовал себя крайне усталым и мечтал о деревенской тишине своего домика на юге Франции. Покончив с делами в Штатах, я сел на первый же пароход и отправился в Европу. Пароход был небольшой, но оказался гораздо удобнее, чем я ожидал. Как хорошо было прогуливаться по палубе, как хорошо было лежать, растянувшись на шезлонге, и смотреть на волны, как было хорошо съедать свой обед, не будучи обязанным вести разговоры с множеством людей!

Мешала лишь одна глупая мелочь: меня раздражал мой кельнер. Это был человек лет сорока, приземистый и большеголовый; его черные волосы росли с середины лба, низкого и испещренного морщинами, лицо его было четырехугольное и слегка приплюснутое; маленький вдавленный нос торчал под карими, выразительными и угрюмыми глазами. Его можно было принять за испанца или португальца; во всяком случае, английским он владел неважно, мои приказания на немецком языке тоже понимал плохо и приносил не то, что я заказывал. Движения его были неловки; этому грузному человеку трудно было лавировать с полным подносом по столовой во время качки.

Пассажиры бранились или с насмешливой покорностью пожимали плечами при виде этого нескладного человека. Я же молчал, хотя и не скрывал иногда своего недовольства. Препираться с кельнером не имело смысла.

Старший стюард, человек энергичный, разумеется, замечал нерасторопность своего подчиненного. Он извинился передо мной и объяснил, что взял этого человека в самую последнюю минуту, не успев узнать его как следует, и что сразу же, как только мы придем в порт, уволит его. При других обстоятельствах я, пожалуй, возразил бы ему, сказав снисходительно: «Ну, не так уж все это плохо, подождите еще немножко», — или что-нибудь в этом роде. Но оттого, что усталость и раздражение от поездки по Америке еще давали себя знать, неловкость кельнера вывела меня из терпения, и я сухо ответил: «И правильно сделаете».

Рассказал ли старший стюард о нашем разговоре кельнеру Антонио — он назвал мне его имя, — я так и не узнал. Но мне казалось, что после этого разговора Антонио смотрел на меня с тоской, горечью и укоризной, словно мой поступок оказался для него неожиданным. Еще и раньше у меня появлялось иногда неприятное ощущение, будто Антонио относится ко мне так, словно он каким-то странным образом со мною связан.

Такое необычное выражение вражды-дружбы, которое я, как мне казалось, читал на мясистом печальном лице Антонио, все больше удручало меня. Проще всего было бы откровенно и прямо поговорить с ним, но это казалось мне чересчур смешным. Я лишь в душе упрекал себя, что плохо отозвался тогда об Антонио. Если его уволят, виноватым, разумеется, окажусь я. Это было бы несправедливо: нерасторопность Антонио так бросалась в глаза, что если бы я и вступился за него, то все равно не смог бы изменить решения старшего стюарда. Но хотя мой рассудок и оправдывал меня, в глубине души я чувствовал себя виноватым. Совесть моя была нечиста, и удовольствие от приятной поездки пропало.

Спустя несколько месяцев дела привели меня на короткое время в Париж. Стоя перед светофором в ожидании, когда красный сигнал сменится зеленым, я увидел на задней площадке медленно проезжавшего мимо автобуса знакомого человека с крупным озабоченным лицом. Несколько секунд я напрягал свою память и наконец вспомнил, что это был Антонио.

И сразу же с прежней силой меня охватили чувства, волновавшие меня на пароходе, страхи и мелкие тайные страстишки, которые возбудило во мне то злополучное событие, настроившее против меня Антонио. Я снова почувствовал угрызения совести.

Я говорил себе, что Антонио, вероятно, давно уже забыл о случившемся, если вообще придавал ему какое-либо значение. Я говорил себе, что он, наверное, нашел лучшее, более подходящее место. Я говорил себе, что я глупец. Но никакие доводы рассудка не могли заглушить неприятного чувства где-то в самой глубине моей души. С трудом мне удалось разузнать его адрес, и я написал ему, чтобы он зашел.

Вот так он появился у меня, нескладный и угрюмый, а я недоумевал, чего ради навязал себе эту неприятную встречу. Антонио же, казалось, ничуть не был удивлен и даже как будто ждал, что я его позову. Слова не были произнесены вслух, но этот неповоротливый человек в бо́льшей степени, чем иной великий актер, обладал способностью выражать свои мысли и чувства с помощью жестов и мимики. Каждое слово мне нужно было вытягивать из него.

В конце концов я спросил его напрямик, считает ли он меня в какой-то степени повинным в его увольнении. Он хмуро посмотрел на меня, удивившись излишнему вопросу, и с обычной немногословностью процедил: «Конечно».

Много ли потерял он из-за этого, спросил я, ведь профессия кельнера не совсем подходящее для него занятие. Он не согласился, более того, возразил мне, что любит свою профессию, а когда я удивленно и недоверчиво посмотрел на него, снисходительно сказал: «Вы, как писатель, должны понять». И загадочно добавил: «Я интересуюсь людьми», — словно это было самое естественное на свете. «Нужно уметь с ними сближаться», — сказал он. Я подумал, что не понял Антонио из-за его дурного французского языка, и спросил: «Что вы сказали?» «Сближаться надо уметь», — уже совершенно отчетливо повторил он.

Вид у Антонио был потрепанный, жилось ему явно неважно. Выяснилось, что он служит швейцаром в каком-то скверном ночном кабачке на Монмартре. Виноват в его падении — этого он не сказал, но ясно выразил на своем лице — был, разумеется, я.

Совесть моя не слишком огрубела, но и не была чрезмерно изнеженной. Нельзя, конечно, толкать падающего, и то, что я сказал тогда старшему стюарду, возможно, не было очень гуманно. И все же слова мои не причинили Антонио зла, его и без того бы уволили.

Размышляя таким образом, я услышал вдруг свой голос: «Послушайте, Антонио, я мог бы предложить вам работу в своем доме. Вы были бы у меня вроде дворецкого, да и вообще в доме, где бывает много людей, работа найдется». Что за вздор я нес? Это предложение было чудовищной нелепостью. Антонио был мне совсем не нужен.

И все же я почувствовал тайное облегчение оттого, что предложил ему работу, что все уже решено и что отныне Антонио будет находиться при мне.

Произошло, впрочем, все так, как и можно было предугадать. Работы для Антонио в моем доме почти не было. Большую часть времени он слонялся без дела. Но все же он старался быть чем-нибудь полезен и даже при всей своей неразговорчивости и угрюмости проявлял ко мне определенную симпатию.

Летом на южный берег Франции толпами начали стекаться друзья и знакомые, и мне волей-неволей пришлось принимать много гостей. Летняя праздность нашего маленького городка порождала множество сплетен и всяких историй, связанных с ревностью, и не всегда было легко решить, кого принимать, а кому отказывать от дома. Антонио, обычно такой неловкий, проявлял при этом умный такт. Докучливых он отваживал, слишком застенчивых привечал и вообще показал, что он способен выполнять самые доверительные поручения.

В конце лета в нашем маленьком городе появилась женщина, с которой мне приходилось иногда встречаться в Берлине, Париже и Лондоне. Никогда за все время я не уделял ей большого внимания. Но теперь, на юге, да еще летом, я уже не мог так к ней относиться. Кларисса вдруг показалась мне самой желанной из всех женщин.

Я увидел ее в первый раз в маленьком пестром кафе возле красивого и шумного порта. Она была окружена людьми, и у меня почти не было возможности поговорить с ней. Потом я встретил ее на одном нарочито примитивном гулянье снобов. Говоря откровенно, я пошел туда в надежде ее увидеть. На этот раз я смог поговорить с ней подольше. Она была немного обижена тем, что раньше я не обращал на нее внимания; она кокетничала со мной и кружила мне голову.

Ее поведение я понимал очень хорошо. Но я не испугался и настоятельно попросил о свидании в один из ближайших дней до ее отъезда. Она не отказала, хотя и не могла или не хотела сказать мне ничего определенного: у нее не было якобы под рукой записной книжки, где были расписаны все дни. Кларисса жила в горах, в доме, предоставленном ей ее другом; телефона там не было.

Зайти же к ней ненароком, без предупреждения, она мне не разрешила. В конце концов мы условились, что я пошлю к ней когонибудь.

Это было как раз дело для Антонио. Я не мог не заметить, однако, что, когда я произнес имя Клариссы, он слегка вздрогнул. «Вы знаете эту даму, Антонио?» — спросил я. «Я часто видел ее в городе», — ответил Антонио. Он старался придать своему лицу безразличное выражение, которое подобает в таких случаях хорошему слуге, и все же я заметил, что Кларисса ему не нравится. Я строго внушил ему, что заинтересован в этой встрече, и сказал, что согласен на любой час, который назначит мне Кларисса.

Когда я вернулся домой и стал нетерпеливо расспрашивать Антонио, он, по своему обыкновению, угрюмо ответил, что Кларисса не могла еще ничего решить и приказала придти ему завтра.

На следующий день Антонио снова отправился к Клариссе. Вернувшись, он сказал мне, что не застал ее. Дом был заперт, а на соседней ферме ему сказали, что Кларисса с самого утра уехала с подругой к морю купаться. Я ничего не ответил, но в душе огорчился. Это был опять прежний Антонио, неловкий и неуклюжий. «Завтра я сам поеду туда», — сказал я.

Но на другой день обнаружилось, что с автомашиной что-то не в порядке, и я не мог на ней ехать, а оба городских такси находились где-то в пути, и вызвать их было невозможно. Мне не оставалось ничего иного, как снова послать Антонио. Я не очень удивился, когда и на этот раз он вернулся ни с чем.

Наконец Кларисса уехала из нашего городка, и я так и не смог с нею повидаться. Не кто иной, как Антонио, сообщил мне о ее отъезде, и не без злорадства. Я не смог удержаться, чтобы не сказать ему: «На сей раз вы особенно отличились, Антонио».

Редко бывало, чтобы я бранил Антонио: это было бесполезно. Но если такое и случалось, то Антонио придавал своему лицу то озабоченное выражение, которое было мне знакомо еще со времени поездки на пароходе. Но теперь такого выражения у Антонио я не увидел, он даже заявил мне: «Если бы я действительно захотел, то ваша встреча с мадам Клариссой состоялась бы. Но, по-моему, так-то оно лучше».

Ни в его взгляде, ни в тоне голоса не было ни капли наглости; слова его звучали, как мягкое напоминание о чем-то, как деловая и серьезная констатация факта. Я почувствовал желание выгнать его из дома; в то же время у меня было такое ощущение, словно мне необходимо перед ним оправдаться. Мне хотелось спросить его, почему он считает, что так лучше. Но вместо этого я спросил: «Вы знали мадам Клариссу раньше?» «Нет», — не колеблясь, ответил Антонио. Я помолчал немного, потом насмешливо и довольно глупо сказал: «Значит, вы проявили свое умение сближаться с людьми». «Напротив, — спокойно и без тени обиды ответил Антонио. — Но я ее видел».

Я не сказал более ни слова. Мне казалось смешным, что он хотел по лицу прочитать всю подноготную человека. И все же его спокойный тон меня почему-то тронул.

Месяца два спустя пришло письмо от Клариссы. Она упрекала меня в том, что я не даю о себе знать. Она писала, что живет теперь в Париже, и спрашивала, когда я снова туда приеду. Но встречаться с ней мне уже больше не хотелось, я был по горло погружен в работу, да и странные слова Антонио никак не выходили у меня из головы. Я ответил ей любезно, но ни к чему не обязывающе.

Зимою я узнал о Клариссе от моего друга профессора Роберта. Роберт был милейший человек, энтузиаст, всегда несколько фанатичен, и он с увлечением писал мне о Клариссе.

Те годы были насыщены политическими событиями. Роберт, как и я, был подданным государства, в котором пробрались к власти враги свободы и приверженцы насилия. Эти люди ни перед чем не останавливались и питали лютую ненависть к своим противникам. Роберт был тихий и безобидный человек, но не отличался осторожностью и никогда не скрывал своих свободолюбивых взглядов. Поэтому его тоже ненавидели эти люди. И все же меня глубоко потрясло, когда я прочитал, что Роберт арестован за антигосударственную деятельность. Он был кем угодно, только не радикалом, и нельзя было поверить, что он, как писали газеты, проводил активную революционную работу. Его враги с торжеством объявили, что у него нашли документы, неоспоримо доказывавшие его виновность.

Я стал разузнавать, что же, собственно, произошло. Наш общий друг, человек, которому абсолютно можно было верить, сообщил мне, что документы, погубившие Роберта, были подброшены ему Клариссой.

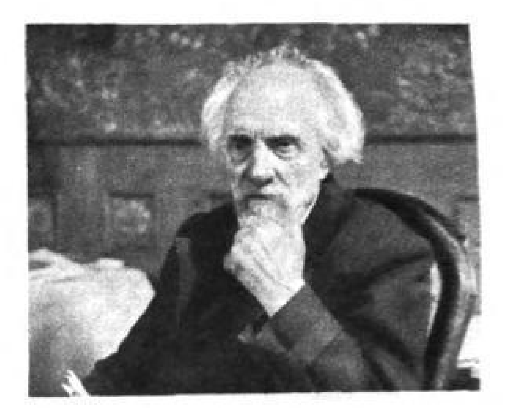
Как выяснилось потом, Кларисса проделывала это уже в третий раз.

Перевел с немецкого
В. СТЕЖЕНСКИЙ.

Пейзаж в русской живописи

В. БАКШЕЕВ,
народный художник СССР

В. Н. Бакшеев.
Фото Н. Маторина.

В русской пейзажной живописи есть произведения, значение которых в истории нашей культуры необычайно велико. «Рожь» Шишкина, «Грачи прилетели» Саврасова, «Золотая осень» Левитана, «Сиверко» Остроухова — в этих произведениях образ русской природы нашел столь же замечательное воплощение, как образ русского человека в книгах Толстого и Тургенева, Пушкина и Лермонтова.

Мы часто говорим «левитановская осень», «шишкинский лес», как говорят: «тургеневская девушка», «печоринские настроения». И действительно, разве «Грачи прилетели» — это не поэма о русской весне? Разве «Рожь» — это не целая повесть о полях, о полуденном зное и одиноких соснах? Умение создать в пейзаже образ, передать самое характерное в явлении природы есть качество, отличительное для русской пейзажной школы. Этим качеством, пожалуй, определяется и ее место в истории мировой живописи.

Пройдитесь по залам Третьяковской галереи — и вы увидите, что русские пейзажисты всегда ставили перед собой задачу создания пейзажа-картины, который по глубине замысла, по силе эмоционального воздействия, по количеству «материала» для размышления не уступит многофигурной композиции. Вспомните замечательный холст Дубовского «Притихло»: застывшая в ожидании грозы река и огромное свинцово-серое облако... Среди лучших произведений мировой живописи найдется не много полотен, в которых с такой законченностью, с такой поистине классической ясностью было бы выражено то, что принято называть настроением. Это действительно картина, в полном смысле этого слова.

Создание художественного образа — процесс очень сложный. И не надо думать, что такие вещи, как «У омута» или «Над вечным покоем» Левитана, появились в результате какого-то «откровения». В эти картины вложен не только огромный труд художника, длительное и кропотливое изучение и осмысливание им природы, но и труд всей семьи русских пейзажистов. Вся история русского пейзажа — это история самоотверженной коллективной работы многих поколений художников, история преемственности и добросовестной учебы у старших товарищей, сверстников, а иногда и у младших своих современников. Известно, например, какое влияние оказал на Репина Серов. И такие замечательные явления, как живопись Левитана или Федора Васильева, возникли отнюдь не на пустом месте.

Да и художники, значительно менее известные, часто незаслуженно забытые, внесли свой немалый вклад в энциклопедию русской природы, какой нам является русская пейзажная живопись. Мало кому известно, например, имя Льва Львовича Каменева. А ведь этот художник был одним из создателей русского лирического пейзажа. Ученик и близкий товарищ Саврасова, Каменев не принадлежал к баловням судьбы. Нужда сопровождала его всю жизнь, и умер он в глубокой бедности. Но пейзажи Каменева, такие, как «Зимняя дорога» или «Москва, Красный Пруд» (Государственная Третьяковская галерея), навсегда вошли в сокровищницу русского искусства. На выставке работ из частных собраний (такие выставки периодически устраиваются Центральным домом работников искусств в Москве) можно было видеть пейзаж Каменева «К вечеру». Затихшая после ветреного дня природа, ощущение спокойствия и безмятежности переданы художником с замечательной полнотой. Сколько откликов в душе зрителя рождает эта правдивая картинка русской природы!

А полотно Константина Яковлевича Крыжицкого «Перед грозой»? Мне кажется, что в нем, помимо живописных достоинств, подкупает необычайная внимательность, с которой художник подошел к решению своей задачи. Автор не ограничился фиксацией мимолетных впечатлений, а постарался на основе наблюдений и, вероятно, многочисленных этюдов создать исчерпывающий образ.

Общеизвестно, что из стен Московского училища живописи и ваяния вышли Шишкин, Саврасов, Каменев и многие другие замечательные русские пейзажисты. Так вот в этом училище замечательные педагоги любовно и бережно вели студентов со ступеньки на ступеньку. Студенты, добившиеся успеха и получившие в натурном классе две малые серебряные медали — за рисунок и за живопись, — осенью следующего учебного года представляли эскиз, пейзажный или жанровый, уже на соискание большой серебряной медали. Эскиз утверждался художественным советом преподавателей. Затем к утвержденному эскизу ученики писали этюды и, пользуясь этими материалами, писали наконец картину.

Умелое сочетание непосредственного наблюдения и этюдов с последующей их обработкой, с созданием на основе этюдов синтетического образа природы — характерная особенность русской пейзажной школы. Один из типичнейших в этом отношении примеров — творчество И. И. Шишкина. Буквально тысячи подготовительных этюдов и карандашных рисунков оставил нам этот неутомимый исследователь родной природы. А Левитан? Ведь «Золотая осень» — только один из многочисленных вариантов осенних пейзажей художника. Можно без преувеличения сказать, что Левитан всю жизнь работал над темой русской осени.

Наследие, оставленное нам великими русскими пейзажистами, столь огромно и всеобъемлющее, что иногда возникают сомнения: а не суждены ли нам лишь перепевы шишкинских, левитановских, остроуховских мотивов? В самом деле, разве не все сказали о среднерусской природе Шишкин и Левитан? Разве шишкинские сосны — это не классический образ русского леса?

Безусловно, сказано многое, но, разумеется, далеко не все. И сегодня, как мне кажется, причина неудач многих наших пейзажистов заключается именно в недостаточной близости к жизни, природе. О том, каких блестящих успехов можно добиться в результате тесного контакта с действительностью, свидетельствует творчество таких наших мастеров пейзажа, как Сергей Герасимов или С. Чуйков.

И еще. Надо быть попросту ближе, возможно ближе к природе, соприкасаться с ней чаще и непосредственней. Природу надо изучать, как изучали ее великие наши предшественники. Только в результате накопления знаний и впечатлений о природе, на основе тщательного их отбора можно создавать картины, подобные левитановским. А у нас еще очень распространено мнение, что любой пейзаж можно написать «с маху». Это, конечно, совершенно неправильно. Природу надо видеть своими глазами, а не под влиянием другого художника. В пейзаже ценны правда и индивидуальность. Природа так многогранна, что всегда найдется, что о ней сказать, еще никем не сказанное. Вся история русского пейзажа — наилучшее этому свидетельство.

К. Я. Крыжницкий (1858—1911). ГРОЗА СОБИРАЕТСЯ. 1885 год.

Государственная Третьяковская галерея.

Ф. А. Васильев (1850—1873). РЫБАЦКАЯ ХИЖИНА НА БЕРЕГУ ВОЛГИ. 1870 год. Из частного собрания.

И. И. Левитан (1861—1900). ОСЕНЬ. СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ. 1897 год. Из частного собрания.

А. К. Саврасов (1830—1897). ДОМИК В ПРОВИНЦИИ. ВЕСНА. 1878 год.

Из частного собрания.

Л. Л. Каменев (1833—1886). К ВЕЧЕРУ. 1867 год.

Из частного собрания.

И. Е. Репин (1844—1930). ВЕРА АЛЕКСЕЕВНА РЕПИНА НА МОСТИКЕ В АБРАМЦЕВЕ. 1879 год.

Из частного собрания.

И. П. Похитонов (1850—1923). ВЕЧЕР В НОРМАНДИИ.

Из частного собрания.

В. А. Серов (1865—1911). ПАРУСНИКИ У ПРИЧАЛА. 1894 год.

Из частного собрания.

И. И. Шишкин (1832—1898). ПРОСЕКА. 1891 год.

Из частного собрания.

В. Д. Поленов (1844—1927). ГОРЕЛЫЙ ЛЕС. 1878 год.

Из частного собрания.

ФАКЕЛЫ

Олег ПИСАРЖЕВСКИЙ

Пьер и Мария Кюри с дочерью Ирэн.

Нет в современной науке имени, которое было бы одновременно более знаменито и менее известно, чем имя Пьера Кюри. Вы не найдете ни одного исследования, касающегося связи магнитных явлений с температурой, где бы не упоминались закон Кюри, «точка Кюри».

Новая наука — география морских глубин, обнаруживающая на дне океанов могучие горные хребты и таинственные каньоны,— пользуется для улавливания лучей подводных ультразвуковых прожекторов волшебным кристаллом, рождающим электричество даже от неуловимо нежного прикосновения звукового сигнала. Эти же кристаллы, подчиняясь обратному ходу событий, под влиянием невообразимо быстрых колебаний электрического тока вызывают звуковые бури, не слышимые ухом и тем не менее способные пронизывать и даже разрушать металлы или в мгновение ока приготовлять тончайшие лекарственные смеси. Явление, на котором основаны эти и многие другие жизненно важные приемы исследования и преобразования вещества,— так называемый пьезоэлектрический эффект — открыто Пьером Кюри и его братом Жаном.

Наконец, это славное имя неразрывно связано с трагической и великой эпопеей проникновения человечества в принципиально новую область внутриядерных сил. Пьер Кюри участвовал в первом наступлении на эти, вероятно, наиболее тщательно укрепленные твердыни природы как вдохновитель и чернорабочий.

Но почему же все-таки об этом замечательном деятеле науки знают так мало и упоминают о нем так редко?

Это не случайно. Пьер Кюри не пользовался симпатиями официальной науки своего времени. Как это часто бывает, она больше сверкала пышными званиями и орденскими отличиями, чем действительными научными заслугами и подлинными открытиями, которые добываются в суровой тишине лабораторий, а проверяются отнюдь не на ораторских трибунах, а в горниле практики. Кто помнит сейчас имена людей, от которых зависело исполнение единственного — так и не осуществленного до конца жизни! — желания Пьера Кюри: иметь собственную лабораторию? Ведь все свои выдающиеся исследования он осуществлял то в проходной конуре между коридором и лекционным залом Школы прикладной физики и химии в Париже, то в неотапливаемом складе старого хлама, то в полуразрушенном сарае, крыша которого протекала, как он шутил, даже от тумана. Этому убогому сараю суждено было стать неуютной колыбелью великих открытий...

В 1898 году в Сорбонне освободилась кафедра физики и химии. Кандидатура Пьера Кюри на ее замещение была отвергнута.

Вновь назначенный декан Сорбонны известный физик Поль Аппель умолял Пьера Кюри разрешить внести его имя в список людей, достойных ордена Почетного легиона, который Аппель составлял по поручению министерства. Пьер Кюри ответил декану: «Соблаговолите передать господину министру мою благодарность и уведомить его, что у меня нет никакой потребности в ордене и большая потребность в лаборатории».

Пьер Кюри не пытался острословить. По свидетельству жены, он не только отказывался верить в полезность почестей для ученого, но, наоборот, считал их прямо вредными. Он думал, что желание получить их вносит смуту и ненужное волнение в научную жизнь, заставляя отступать на задний план самую достойную цель человека: исполнять свое дело из любви к нему самому и к людям.

Далекий от прямого участия в политической жизни, он все же был для чиновников слишком демократичным по духу своих убеждений, которые он высказывал редко, но в которых был непоколебим. Отец Пьера, врач, перевязывавший на баррикадах бойцов Коммуны, недаром называл его «кротким упрямцем». Он был лишен какой бы то ни было меркантильности. Коммерсанты от науки знали и знают множество благородных и безответственных изречений, которыми вполне можно прикрыть деловое содержание своих хлопот. Самоотверженность и бессребренничество Пьера Кюри были настолько непримиримыми и воинствующими, что в них читался уже прямой вызов буржуазному «образу жизни». Его упрямая вера в то, что наиболее правильными являются пути прямые, не могла не создать ему репутации простака. Его недруги не хотели замечать, насколько обдуманной была приписанная ему наивность.

Но по тому же самому память об этом человеке будет всегда дорога прогрессивному человечеству. И еще потому для нас она драгоценна, что в этой жизни, трудной и светлой, мы находим утешительный и вдохновляющий образец того, как делается настоящая наука, как создаются все подлинно великие ценности человеческой культуры. Чтобы по достоинству оценить его, нам нужно ближе познакомиться с Пьером Кюри не только как с ученым.

Вот этот человек, небрежно одетый в несколько мешковатый костюм, который, впрочем, не может скрыть его природного изящества. У него тонкие, нервные руки. Взгляд ясных глаз выражает спокойствие и отрешенность, но только не от мира и не от его больших забот! Его спутница в науке и жизни Мария Склодовская, любившая Пьера достаточно сильно, чтобы видеть его только таким, каким он был в действительности, так объясняла замкнутую мечтательность, которая давала иногда повод изображать его нелюдимым.

«Мне кажется,— писала она в своих воспоминаниях,— что у него с самого раннего возраста была способность сосредоточивать свою мысль на каком-нибудь определенном предмете и с такой интенсивностью, что никакие обстоятельства не могли его отвлечь, пока он не приходил к точному выводу».

Пожалуй, это было главным свойством его натуры: одержимость владевшей им идеей. В юности он формулировал свое призвание несколько отвлеченно: «Из жизни сделать мечту, а из мечты — реальность». Скоро реальностью его жизни стал твердо и сознательно избранный им путь ученого. Он оставался при этом мечтателем, но у него не было никаких иллюзий: он знал, что этот путь усеян острыми камнями и усажен терниями.

Бесстрашный человек, не остановившийся однажды перед тем, чтобы изувечить себе руку ради ем для получения быстрого ответа на интересовавший его вопрос о действии радиоактивных излучений на живую ткань, он боялся одного: распыления времени. Борьбу с этим злом он считал вопросом жизни и смерти для ученого.

По воспоминаниям их младшей дочери Евы Кюри мы хорошо представляем себе выходящее в большой сад окно квартирки ее родителей на улице Гласьер. Рядом с книжным шкафом стоит некрашеный стол. По одну сторону — кресло Марии, по другую — кресло Пьера. Отрываясь от составления программы курса, который ему предстоит читать в физическом институте, Пьер обсуждает с Марией тему ее докторской диссертации. Мнение такого опытного и знающего физика может оказаться решающим. Что касается Марии, то пытливость у нее сочетается с пылкостью. Она ищет для своих исследований область явлений не только важную, но и неизведанную. Не услышит ли она от него омертвляющих душу сомнений, не выложит ли он перед ней доводы зрелого ума, осторожности, за которой так часто скрывается приземленность мысли и бескрылость идей?

Нет, он не отсоветует ей дерзать. Но он поможет ей должным образом оснастить предстоящий рывок в неизвестность. Для измерения способности таинственных лучей, испускаемых элементом ураном, электризовать атмосферу — а таков первый шаг самостоятельных поисков Марии — пригодятся и электрометр Кюри и созданные им пьезоэлектрические приборы.

А чем дальше Мария забиралась в дебри новой проблемы, тем необходимее становилась для нее эта крепчайшая опора дружеской руки, это умное, ненавязчивое, незаметное водительство старшего. Значение его в полной мере сказалось, когда настал час больших решений и испытаний.

Наука — это незаметный повседневный труд многих сотен и тысяч людей. Крупицу за крупицей добывают они руду, из которой выплавляется наше знание о мире. Из этого благородного металла отливаются и орудия преобразования природы, которые нам служат в технике. Редко удается напасть на драгоценную жилу, которая обещает неожиданные наход-

Пьер и Мария Кюри в своей лаборатории.

ки, но если ее очертания уже угаданы, тогда нельзя жалеть сил на ее разработку, тогда надо спешить открыть ее человечеству, ибо каждый действительный успех науки заключает в себе зерна дальнейшего роста благосостояния миллионов людей, обогащения средств борьбы с их болями и бедами.

Пьер и Мария Кюри победили дважды. И тогда, когда они угадали, что неспроста отбросы урановой руды в тысячи раз радиоактивнее, чем сам уран, и что именно там скрывается неведомый мощный источник излучений. Настолько мощный, что, быть может, с его помощью удастся раскрыть и тайну самого излучения. И действительно, Мария Кюри-Склодовская первая назвала причину этого явления: «катаклизмы атомных превращений». Но пока еще новый химический элемент, обладающий в миллионы раз более высокой радиоактивностью, чем уран, существовал только в воображении Марии и Пьера Кюри. Оставалось немногое: найти его. И второй раз они победили, совершив этот подвиг.

Когда возникшая перед ними загадка обозначилась во весь свой исполинский рост, Пьер безропотно оставил свои занятия с кристаллами, хотя он стоял на грани создания новой теории кристаллического состояния. Но это могли сделать другие. Он знал, насколько важно во-время проникнуть в новую область познания, как благодетельны и плодотворны бывают последствия этого устремления. В дальнейшем уже невозможно разграничить долю участия Пьера и Марии Кюри в их совместной работе. Это прекрасное сотрудничество началось в мае или июне 1898 года, оно длилось 8 лет и оборвалось в день трагической гибели Пьера, погибшего под колесами тяжелой повозки (это случилось ровно 50 лет назад). Почерк Пьера и почерк Марии перемежаются и сплетаются на испещренных формулами листках их записных книжек. Эти книжки Мария Кюри показывала престарелому Менделееву в бытность его в Париже. Об этом упоминается в его не опубликованных еще дневниках.

Щедрое австрийское правительство великодушно разрешило исследователям приобрести на их скромные средства некоторое количество сваленных в отвалы отбросов руды Иоахимстальских урановых рудников в Богемии. Некоторое время они совместно трудились над химическим выделением радия и полония и изучали излучение добытых ими радиоактивных элементов. Но вскоре Пьер Кюри увлекся выяснением свойств радия, а Мария продолжала опыты по добыванию чистых солей нового элемента.

«В нашем убогом сарае царила тишина; иногда, следя за каким-нибудь опытом, мы расхаживали взад и вперед, делясь друг с другом мыслями о работе, о предстоящих исследованиях. Когда становилось холодно, мы согревались у печки чашкой горячего чая. Мы жили как во сне, одержимые одной неотступной мыслью. Мало кто бывал в нашей «лаборатории»; изредка заходил кто-нибудь из химиков или физиков ознакомиться с нашими опытами или посоветоваться с Пьером Кюри, который был известен своими обширными познаниями в области физики. Тогда у классной доски завязывалась оживленная беседа, одна из тех бесед, о которых остается чудесное воспоминание, потому после них работаешь с еще большим пылом; они не прерывают течения научной мысли и не нарушают атмосферы спокойной, сосредоточенной работы — истинной атмосферы лаборатории».

Иногда Пьер и Мария ненадолго оставляют приборы, чтобы помечтать. Мария спрашивала Пьера, каким, по его мнению, «оно» окажется.

— Не знаю, право,— тихо отвечает Пьер.— Мне хотелось бы, чтобы оно было красивого цвета...

В 1902 году, через 45 месяцев после того как Пьер и Мария Кюри объявили о предполагаемом существовании радия, был добыт один дециграмм чистого радия и произведено первое определение его атомного веса.

...Вечер. Пьеру не сидится, он меряет комнату шагами несчетное число раз, из угла в угол. Мария тоже не может ни на чем сосредоточиться. Наконец она откладывает книгу и робко говорит:

— Может быть, мы сходим туда... На минутку!

Но Пьера не нужно долго уговаривать. Он сам думает только о том, как бы вернуться в сарай, из которого они ушли два часа назад. О том, что было дальше, рассказывает Ева Кюри:

«Сегодня у них был тяжелый трудовой день, и благоразумнее было бы отдохнуть. Но Пьер и Мария не всегда благоразумны. Они идут пешком рука об руку, изредка переговариваясь. Пройдя многолюдные улицы, места, отдаленные от центра города, минуя заводы, пустыри, низенькие домики, они доходят до улицы Ломон и пересекают двор. Пьер вставляет ключ в замок, дверь скрипит, как скрипела тысячу раз, и они снова в своих владениях, там, где осуществляется их мечта.

— Не зажигай! — говорит Мария и, смеясь, прибавляет: — Помнишь, ты однажды сказал мне: «Я хотел бы, чтобы радий был красивого цвета»?

В темном сарае, где драгоценные крупицы, заключенные в крохотные стеклянные сосуды, за отсутствием шкафов хранятся на столиках и полках, их синеватые фосфоресцирующие очертания сверкают во мраке ночи.

— Смотри... Смотри!

Пьер нежно проводит рукой по волосам Марии».

Милая и в то же время грустная сцена.

Как мало нашлось в роскошном и равнодушном Париже людей, которые разделяли с этими тружениками их тихую радость! Несколько близких друзей и соратников: Андрэ Дебьерн, Жорж Саньяк, Жан Перрен и, конечно же, Поль Ланжевен! Этот выдающийся физик в 1903 году заменил Пьера Кюри на должности профессора в Школе прикладной физики и химии, где раньше учился сам. Не пропали даром долгие годы профессорства Пьера Кюри в школе прикладных наук. Его не спешили увенчивать академическими лаврами, но лучшая из академий — школа молодых дарований — возникала всюду, где он находился. «Наилучшие воспоминания о годах, проведенных мною в школе,— рассказывал о своем учителе Ланжевен,— относятся к тем моментам, которые я провел в лаборатории у доски, где он любил беседовать с нами, пробуждая в нас новые идеи, рассуждая о работах, которые способствовали развитию влечения к науке. Его живая и заразительная любознательность, широкий размах и точность добываемых им сведений делали из него великолепного возбудителя умов».

И не только умов, но и чувств, самых глубоких, самых возвышенных... Этот пылающий факел зажигал в юных душах тот же огонь преданности науке, высокого служения человечеству, которым он горел сам.

Мы — современники первой в мире промышленной атомной электростанции — избалованы быстротой решения возникающих перед наукой новых проблем. Если сейчас в науке обрисовывается важная и обещающая область, подлежащая «широкому прорыву» — этот энергичный термин принадлежит президенту Академии А. Н. Несмеянову,— такой прорыв уже планируется в государственном масштабе с вовлечением многих научных коллективов. В диковинку ли нам стремительные удачи и молниеносные разведочные рейды?..

Но если даже при всей своей искушенности вы вдумаетесь: что удалось за какие-нибудь пять лет сделать тем двоим, вас посетит чувство благоговейного изумления и гордости за человека. Неизмеримо велико могущество таящихся в нем творческих сил! Ведь в самом деле, даже сейчас для получения одного грамма радия 150 квалифицированных химиков, не считая сотен рабочих, должны были бы трудиться больше месяца, переработать за это время пятьсот тысяч килограммов руды, потратить пятьсот тысяч килограммов различных реактивов, тысячу тонн угля и целое озеро — десять тысяч кубических метров воды. А супруги Кюри вдвоем — только вдвоем! — накопили сначала сотые, затем десятые грамма радия, смешанного с барием. Они определили атомный вес нового элемента. Они обнаружили среди его свойств одно, которое не могло быть объяснено ни одной из существовавших физических теорий.

За час радий выделяет количество тепла, способное растопить равное ему по весу количество льда. Когда гудит топящаяся печка или бушует пожар,— это неистовствует освобождающаяся в виде тепла химическая энергия. А радий? «Он черпает свои запасы энергии из неизвестного до наших дней источника и подчиняется еще не открытым законам»,— так писали о радии тогда. Однако вопрос был поставлен, и открытие этих законов — правил распада неустойчивых атомов радиоактивных веществ — уже было не за горами. Начало новой эпохе — эпохе разгадки тайны атомного ядра — было положено.

Нелегкое начало! Оно закладывалось в облаках дыма, вздымавшегося над тяжелыми котлами с расплавленной массой, среди опаснейших излучений, источаемых примитивными кристаллизаторами. «У нас во время опытов с очень активными веществами наблюдались различные поражения на руках»,— писал в одном из своих научных сообщений Пьер Кюри. И только однажды, когда у обоих уж очень заметно пошатнулось здоровье от непосильного труда, Пьер вскользь заметил: «Все же мы избрали себе тяжелую жизнь...» Это не было жалобой. Это была простая констатация факта.

Главные следствия великих первооткрытий еще только зрели в лаборатории Эрнеста Резерфорда и Фредерика Содди, твердо установивших впоследствии истинную природу радиоактивности и показавших, что рояль по сравнению с атомом железа является весьма простым механизмом, когда сарай на улице Ломон осветила громкая известность. Слух о том, что открыто новое вещество, которое убивает мышей, светится в темноте и вызывает раны на коже, облетел весь мир. На что только не способно это чудесное вещество!

«Вы были свидетелями вспышки увлечения радием,— писал Пьер Кюри своему другу Жоржу Гуи 22 января 1904 года.— На нашу долю выпало вкусить все прелести славы: нас преследовали журналисты и фотографы всех стран; они дошли до того, что напечатали разговор моей дочери с ее нянькой и описали нашего белого с черными пятнами кота. Затем на нас посыпались письма и посещения всевозможных чудаков и непризнанных изобретателей. Мы получили множество писем с просьбой о деньгах. Наконец, в знакомый вам «пышный особняк» на улице Ломон стали собираться искатели автографов, снобы, светские люди и даже,— с горечью добавляет Пьер Кюри,— некоторые ученые. В результате — ни минуты покоя в лаборатории и объемистая переписка, которой надо заниматься каждый вечер...»

Но быть может, наступило время исполнения желаний? Уже один раз Пьер Кюри ответил отказом на почетное и выгодное приглашение на профессорскую кафедру в Женеву. Заманчивое предложение застало его на полдороге, и он предпочел свой сарай. Теперь, когда в ветхие двери его научного прибежища стучалась слава, быть может, ему не надо отказываться от связанных с нею выгод?

Ему бы тоже этого не хотелось. А о том, как обстояло дело в действительности, нам расскажет беседа, воспроизведенная с некоторыми сокращениями со слов Евы Кюри.

Действие происходит воскресным утром в домике на бульваре Келлерман, где поселились супруги Кюри. Только что почтальон принес письмо из Соединенных Штатов. Ученый внимательно прочел его и положил перед собой на письменный стол.

— Нам надо побеседовать о нашем радии,— сказал он жене.— Промышленное производство радия будет широко развиваться. Теперь это ясно. Вот письмо из Буффало: промышленники, желающие взяться за это дело в Америке, просят у нас подробных указаний.

— Ну и что же? — спрашивает Мария.

— Теперь нам предстоит выбор между двумя решениями: либо изложить во всех подробностях результаты наших изысканий, в том числе и способы извлечения радия...

— Разумеется! — говорит Мария.

— ...либо,— продолжает Пьер,— мы можем считать себя собственниками, «изобретателями» радия, а тогда, прежде чем огласить, каким способом была обработана урановая руда, надо было бы взять патент и тем самым закрепить за собой право на извлечение радия во всем мире.

Он делает усилие над собой, чтобы объективно обрисовать положение вещей, но его голос звучит чуть-чуть пренебрежительно, когда он произносит чуждые ему слова: «патент», «закрепить право».

Мария пристально и доверчиво смотрит на него и читает в его глазах их общее решение. Физики всегда полностью опубликовывают свои исследования. Если у научного открытия есть и коммерческое будущее,—это чистая случайность. К тому же радий будет служить лечению больных. Извлекать из этого выгоду значило бы вступить в противоречие с духом науки.

Оба удовлетворены.

* * *

6 июня 1905 года от своего имени и от имени своей жены Пьер Кюри выступил на заседании Академии наук в Стокгольме. Это была традиционная речь лауреата Нобелевской премии, но отнюдь не было тривиальным ее содержание. Пьер Кюри приоткрывал окно в будущее. Он говорил о том освежающем ветре, который ворвался с открытием радия в старую физику, сметая многие устаревшие ее каноны. Он дорисовывал новыми чертами стройный абрис незыблемого здания периодической системы элементов Менделеева. Думал ли он, что пройдет несколько десятилетий и среди искусственно созданных продолжателями его дела зауранових элементов появятся девяносто шестой элемент, «кюрий», и сто первый, «менделевий»? В геологии и минералогии радий открывает новые способы точного счета эпох преобразования земной коры. И, наконец, в биологии он выступает как целитель страшнейшего недуга — раковой болезни. Знал ли он, что продолжатели дела его жизни — старшая дочь Ирэн Кюри в содружестве со своим мужем Фредериком Жолио-Кюри — откроют искусственную радиоактивность и создадут предпосылки для нового взлета науки об атоме?..

Устремив свой пытливый и задумчивый взгляд поверх голов притихшей аудитории, словно прислушиваясь к еле слышным еще раскатам грядущих бурь, Пьер говорил, размышляя вслух:

— Нетрудно предвидеть, что в преступных руках радий может сделаться крайне опасным, и вот возникает вопрос, действительно ли полезно для человечества знать секреты природы, действительно ли оно достаточно зрело для того, чтобы их правильно использовать, или это знание принесет ему только вред. Пример сделанного Нобелем открытия[1] является в этом отношении характерным. Мощные взрывчатые вещества позволили людям совершить замечательные деяния, и они же явились страшным средством разрушения в руках великих преступников, толкавших народы на путь войн. Я принадлежу к числу тех, которые, подобно Нобелю, считают, что все же новые открытия в конечном счете приносят человечеству больше пользы, чем вреда...

Эту мысль, выношенную в чистом и благородном сердце, через сорок лет продолжил и уточнил тот, кто принял из ослабевшей руки учителя факел высшего гуманизма, озаряющего путь человечеству. На собрании, созванном Национальным фронтом научных работников в первые дни французского освобождения, Поль Ланжевен, только недавно спасшийся из застенков гестапо, говорил:

— Греки, сделавшие Минерву одновременно богиней науки и справедливости, хотели, по всей вероятности, выразить тем самым, что одно не может существовать без другого и что человечество страдает, когда оружие, созданное наукой, не направляется всецело на служение справедливости... В наши дни задача творцов науки — добиться, чтобы достижения науки не использовались во вред человечеству.

Не случайное стечение обстоятельств, а проявление железной исторической закономерности видим мы в том, что учениками Ланжевена в Коллеж де Франс и в Школе прикладной физики и химии были молодые ученые, составившие не только научную славу Франции, такие, как Рене Люка, Жак Николь, но ставшие также и ее общественной совестью, как Фредерик Жолио-Кюри.

Факелы знания, несущего благо народу, не погасают. Они переходят из рук в руки, и нет такого места на земле, где бы не сияли они, указывая людям путь к славному счастью трудных дорог.

---

[1] Пьер Кюри имел в виду изобретение динамита.

Встречи

Николай РЫЛЕНКОВ

* * *

Меж хлебами
То бойко, то робко
Пробирается
Тропка-торопка.

А по этой по тропке
Все лето
Кто-то бродит в полях
До рассвета.

Кто-то бродит,
Кому-то не спится,
Ждет кого-то,
Считая зарницы.

Птичье слушает
Разноголосье,
Гладит теплой ладонью
Колосья.

От его
Нерастраченной ласки
Все вокруг вырастает,
Как в сказке.

В эту пору
Мне чудится часто,
Что меня
Окликает там счастье.

С самых дальних
Загонов и полос
Долетает ко мне
Его голос.

Говорит:
— Не проспи, моя прелесть,
Чтобы встретились мы —
Не расстрелись.

Поднимусь,
Выйду в поле на зорьке,
Но увижу
Лишь тень на пригорке.

И твержу
В этот утренний час я:
— От меня не уйти тебе,
Счастье.

Не сегодня, так завтра,
Я знаю,
Все равно я тебя
Повстречаю

Там, где в жите
То бойко, то робко
Пробирается
Тропка-торопка.

ПОДРУЖКИ

Мы с подружкой жили дружно,
Шли, как сестры, по полям.
Мы дареную черемуху
Делили пополам.

И не знаем, как случилось,
От самих себя таим,
Что весной один парнишка
Приглянулся нам двоим.

Приглянулся, полюбился,
И его веселый взгляд
Перепутал наши стежки,
В нашу дружбу внес разлад.

Я ее не жду, как прежде,
Мне она не стукнет в дверь.
Мы уж больше не подружки,
Мы соперницы теперь.

Я не знаю, что мне сделать,
Чтоб вернулась дружба вновь.
Ведь с подружкой не разделишь,
Как черемуху, любовь!

* * *

Мне не жалко полушалка,
Что линяет, голубой.
Жалко, жалко мне парнишки,
Что вздыхает сам не свой.

Каждый вечер за деревней
Ходит грустный взад-вперед.
Завлекла его гордячка,
А навстречу не идет.

И никто ему не скажет
Из товарищей-друзей,
Что гордячка та не стоит,
Чтобы он вздыхал о ней.

Намекни хоть ты, сестрица,
Может статься, он поймет,
Что его со счастьем встреча
На другой дорожке ждет.

* * *

Я спросила у подружки:
— Кто секрет не сохранил,
Почему по всей округе
Знают парни, кто нам мил?

Та в ответ мне:— На крылечке
Мы сидели вечерком.
Наши тайные словечки
Подхватило ветерком!

* * *

Ты мне встреч не назначала,
Фотографий не дарила,
По весне в тени черемух
Нежных слов не говорила.

С кем на круг ни выходила,—
Ты была одна и та же,
А о том, как я тоскую,
Не догадывалась даже.

Вслух сказать тебе об этом
Мог решиться лишь во сне я,
Наяву ж молчал, как мальчик,
То бледнея, то краснея.

Сколько раз в лугах и рощах
У дерев пытал и птиц я:
Где найти слова такие,
Чтоб во всем тебе открыться?

Как я слушал шум колосьев,
Шелест трав, ручьев журчанье!
Но тебе без слов, как прежде,
Сжал я руку на прощанье.

Все в моем осталось сердце,
И все так же сердце бьется...
Что тебе сказать не смог я,
Пусть хоть в песне отзовется!

* * *

Больно мне, что разлюбил ты,
Но еще того больней,
Что во мне не видел сил ты
С болью справиться своей.

Если в сердце все остыло,
Так молчи уж о любви,
Если стала я постыла,
Так и милой не зови.

Ветерок разлуки чуя,
Я таиться не хочу:
— Все пойму и все прощу я,
Но притворства не прощу!

После спектакля «Чудак» в Театре имени М. Н. Ермоловой. Постановщик В. Г. Комиссаржевский, Назым Хикмет и художник Н. П. Акимов.

Больше спектаклей хороших и разных

По поводу постановки пьесы «Чудак» в Театре имени М. Н. Ермоловой

Б. ПОЛЕВОЙ

Не принято начинать рецензию с пересказа действия. Но пьеса Назыма Хикмета «Чудак» настолько нарушает обычные драматургические каноны, что это необходимо сделать.

Итак, теплое лазурное море. Мол. Узкая пешеходная дорожка. На дорожке лежит большой камень. Он лежит так, что рассеянный человек может даже сломать ногу или упасть в воду. Разные люди проходят мимо него, и разные чувства возбуждает в них этот камень. Идет, любуясь морем, рабочий Селим. Камень? Зачем здесь камень? Кто-нибудь, чего-доброго, споткнется. И Селим сбрасывает его с пути. Спешит куда-то маленький улыбающийся Хусейн, один из тех людей, которые любят исподтишка делать окружающим пакости. Здесь же лежал камень, куда он делся? Ах, вон он, кто-то отбросил его в сторону! Нет уж, пускай лежит на прежнем месте, может быть, кто-нибудь рассеянный сломает себе ногу, хе-хе-хе! И Хусейн лезет вниз и, покраснев от натуги, вызолакивает камень, кладет его на прежнее место.

Люди торопятся, каждый по своим делам. Инженер Абдурахман обходит камень. Писатель Неджми спотыкается об него, но он так погружен в свои мысли, что, рассеянно взглянув на неожиданное препятствие, бежит дальше. Крупный коммерсант Реджеб-бей присаживается на камень, чтобы завязать шнурок ботинка, и, завязав, идет дальше. Ему и в голову не пришло, что камень может кому-то повредить. А влюбленный адвокат Ахмед Рыза, провожающий девушек, снова сбрасывает камень под откос, но лишь для того, чтобы не споткнулась та, которую он любит. Так в этом кратком, мгновенными наплывами развертывающемся прологе мертвый камень помогает действующим лицам пьесы занять на сцене свои места.

Назым Хикмет — драматург удивительный и своеобразный. Его пьесы всегда остры, динамичны, никогда не повторяют друг друга. «Чудак» — это и острый памфлет на современные буржуазные нравы и взволнованное драматическое повествование о трагедии честного интеллигента в буржуазном обществе. И в то же время это лирическая пьеса, проникнутая оптимизмом, согретая верой в человека, в победу лучшего на земле.

Но «Чудак» — пьеса сложная. Ее мало профессионально хорошо поставить и сыграть. Ее прежде всего нужно понять, найти ключ к характерам образов, и тогда раскроются все таящиеся в ней сокровища.

Театру имени Маяковского (режиссер — В. Дудин) не удалось когда-то найти такой ключ к другой пьесе Хикмета — «Легенда о любви». Романтическую сказку попытались ставить чуть ли не как бытовой спектакль. И хотя в нем заняты были хорошие актеры и ставил ее способный режиссер, а талантливый художник нарисовал декорации, пьеса осталась нераскрытой, спектакль мало что сказал уму и сердцу зрителей. А что же это за сказка, которая ничего не говорит сердцу?! Зато в Праге, в театре Чехословацкой армии, мне посчастливилось видеть настоящий триумф этой пьесы. Умело и оригинально поставленная и оформленная, в острой режиссерской трактовке, она все время держала зрителей в напряжении, и каждый ее акт сопровождался аплодисментами.

Удача молодого пражского театра вспомнилась мне во время спектакля «Чудак» в Театре имени М. Н. Ермоловой. Режиссеру В. Г. Комиссаржевскому и художнику Н. П. Акимову совместными усилиями удалось отыскать ключ к этой сложной пьесе, и это дало актерам возможность увлекательно раскрыть и исчерпать до дна ее содержание.

Молодой блестящий адвокат Ахмед Рыза умен, талантлив, удачлив. Перед ним блистательная карьера. Случай помогает ему оказать услугу одному из воротил его страны, богачу Реджеб-бею. Тот, заметив выдающиеся способности молодого человека и понимая, какую пользу сможет из них извлечь для своих дел, предлагает Ахмеду жениться на Айтен, своей дочери, стать компаньоном и главным юрисконсультом фирмы.

Ахмед Рыза — «чудак». Айтен красива и богата, но он любит не ее, а Нихаль, бедную девушку, из милости живущую в доме дяди. Ахмед отказывается от руки богатой невесты и от денег, предложенных ему. Он женится на Нихаль, а его однокашники по школе инженер Абдурахман и писатель Неджми, ловкие, беспринципные люди, быстро делают карьеру с помощью Реджеб-бея. Зачем завидовать? Ахмед молод, полон сил, у него хорошенькая жена, и его вполне устраивает скромное, маленькое счастье, основанное на честном заработке. Роскошь, деньги, удобства не имеют для него самостоятельного значения. Он «не от мира сего». С доброжелательной улыбкой Ахмед Рыза следит за успехами энергичного Абдурахмана, человека без совести, роль которого интересно исполняет Г. М. Вицин. Пошел в гору, вступив в сделку со своей совестью, и писатель Неджми, которого артист Н. А. Бриллинг рисует холодным, расчетливым карьеристом.

Самого Ахмеда даже не очень беспокоят кредиторы, донимающие его счетами, не беспокоит и то, что он вынужден жить в долг. Но не так смотрит на все это Нихаль, воспитанная в доме богатого дяди. Она завидует своим подругам, удачливым знакомым мужа, и когда тот отказывается совершить подлость, чтобы заработать на этом и положение в обществе и круглую сумму, Нихаль бросает мужа и возвращается в дом дяди.

Ахмед Рыза остается один, никем не понятый, всеми покинутый, в пустой квартире, из которой кредиторы выносят мебель. Все рушится в его жизни, и, видя это, он приходит к выводу: довольно быть чудаком! С волками жить, по-волчьи выть! Он научится делать деньги, разбогатеет и... вернет жену. И когда к нему приходит старый друг и просит его безвозмездно выступить в защиту коммунистов на суде, Ахмед Рыза отказывается. Нет, хватит, теперь он такой же, как все, хищник, с такими же зубами. Актер В. С. Якут острыми штрихами передает эту ломку характера честного интеллигента, раскрывает трагедию, приводящую озлобленного, морально опустившегося и спивающегося адвоката на дно жизни. Ахмед Рыза научился зарабатывать деньги, но он потерял совесть и вместе с ней потерял все. Он не перестал еще любить покинувшую его жену, хотя теперь она намеревается выйти за преуспевающего Неджми.

И вот Ахмед Рыза, оборванный, обросший, потерявший человеческий облик, назначает жене свидание в портовом кабаке. Он теперь такой же, как и все окружающие, у него большой текущий счет и богатая клиентура. Правда, разве сейчас может Ахмед сравниться с благопристойным, выхоленным красавцем Неджми? Но все в его мире покупается и продается. Нихаль, оставившая бедного чудака, готова вернуться к опустившемуся пьянице только потому, что в кармане у него солидная чековая книжка и что он зарабатывает больше, чем благопристойный и респектабельный Неджми. Так происходит крушение последней иллюзии, последнего,

Ахмед Рыза — заслуженный артист РСФСР В. С. Якут.

что удерживает Ахмеда Рыза на земле, — любви и уважения к женщине. И зачем жить? Уйти из жизни, другого выхода Ахмед Рыза не видит, и он старается раздразнить пьянствующих рядом с ним бандитов, заставить их убить себя.

Но есть еще люди, которые отбрасывают камень с пути других не только для того, чтобы очистить дорожку своей возлюбленной. И такой человек — грузчик Селим, добродушный богатырь, маленькую, немногословную роль которого сдержанно, но очень тепло и выразительно ведет актер А. Ивашов. Селим приходит на помощь погибающему человеку, он удерживает руку убийцы, он говорит отчаявшемуся интеллигенту: есть еще один путь — путь борьбы за лучшее для всех людей, путь к подвигу. На первый раз это защита невинных рабочих на провокационном антикоммунистическом процессе. Ощутив в своей ослабевшей, дрожащей, нуждающейся в поддержке руке большую, грубую, но сильную руку рабочего, адвокат устремляется к новой цели. Чудак становится в ряды борцов.

Вот, собственно, и весь сюжет, не очень сложный в своей основе. Но какие сильные конфликты показал в пьесе автор, какое разнообразие характеров, памфлетно-заостренных, ярких и при всем том не теряющих реальной основы, развернулось перед нами в спектакле! И именно то, что режиссер глубоко понял авторский замысел и постарался смело и ярко, пренебрегая некоторыми традициями, увы, часто перерастающими в мертвые каноны, воплотить его в жизнь, а своеобразный и оригинальный художник, глубо-

ко почувствовав дух пьесы, сделал для нее не бытовые, а лаконично заостренные, остроумные и очень выразительные декорации, помогло коллективу актеров создать увлекательный спектакль.

И как хорошо, как радует то, что автор, режиссер и художник действуют в постановке этого спектакля не подобно лебедю, раку и щуке: не тянут каждый в свою сторону,— наоборот, усилия создателей спектакля «Чудак» слились воедино в общем стремлении воплотить в творческие образы авторский замысел.

Есть, разумеется, в спектакле, да и в самой пьесе слабые места. Актриса О. В. Николаева слишком уж прямолинейно трактует образ Нихаль, вольно или невольно лишая ее всяческого, даже простого женского обаяния. Вставной новеллой, не сливающейся с действием и вовсе не движущей его, кажется в спектакле эпизод с русским эмигрантом. Может быть, стоило бы автору больше связать сапожника Иззета и столяра Тевфик с судьбой Ахмеда Рызы. Но эти авторские, режиссерские и актерские недоделки не помешали спектаклю увлечь публику, заставить ее печалиться, радоваться, тревожиться за судьбу героев.

Удача «Чудака» в Театре М. Н. Ермоловой позволяет, мне кажется, вообще поговорить о работе московских театров. Общепризнано, что Москва — самый богатый театрами город в мире. Не будем повторять всем известных истин и перечислять театральные сокровища столицы или толковать о великолепных традициях наших театров, созданных корифеями русской сцены. Но именно это-то богатство и должно заставить серьезно задуматься о работе и даже о судьбе этих театров. Еще совсем недавно достать билет в Малый, Художественный или Вахтанговский театр было целой проблемой, и люди с ночи вставали в очередь перед кассой для того, чтобы купить билет на новую постановку.

Так почему же теперь даже в лучших наших театрах часто так много пустых мест? Почему — и в этом приспело время отдать себе полный отчет — в Москве, где за годы советской власти воспитывались целые поколения настоящих, завзятых театралов, столь явно понизился интерес к театру?

Мало хороших пьес? Да, мало. Но зритель теперь охладевает и ко многим старым, даже классическим пьесам, постановка которых стала традиционной и на которые раньше трудно было попасть.

Так в чем же дело? «Кремлевские куранты» (в новом варианте) Н. Погодина и «Осенний сад» Л. Хелман во МХАТе, «Гамлет» в постановке Н. Охлопкова в Театре имени Маяковского, «Баню» и «Клопа» в постановке С. Юткевича, В. Плучека (а в первом спектакле и Н. Петрова) в Театре сатиры, «Фому Гордеева» в Театре Вахтангова в инсценировке и постановке Р. Симонова и, наконец, новую пьесу Хикмета «Чудак» у ермоловцев — эти спектакли зритель воспринимает попрежнему горячо, взволнованно. На эти пьесы идут, о них спорят, на них трудно купить билеты. Это, как мне кажется, открывает горькую истину, над которой должны всерьез задуматься все, кому дорого высокое и драгоценное искусство в великолепных наших театрах.

Случилось так, что в войну и в послевоенные годы театры наши, всегда блиставшие и покорявшие своими сложившимися за десятилетия традициями, направлением репертуара, оригинальной творческой манерой своих режиссеров, стали терять собственное лицо, стали работать «на одну колодку». Все осталось прежним: талантливые актеры, прекрасные художники, отличная театральная техника. Не стало главного — творческого лица театра. Спектакли и режиссура МХАТа стали похожи на спектакли и режиссуру Малого. Вахтанговцев, славившихся характерностью своего почерка, иной раз трудно отличить от Театра Советской Армии или Театра имени Ленинского Комсомола. Режиссеры, прекратив искания и дерзания, совершенствование своей творческой манеры, стали похожими один на другого и тем самым предали забвению великие традиции собственных театров.

Зрителю стало все равно, где ему смотреть иные пьесы Островского — в МХАТе или в Малом, а современные пьесы — у вахтанговцев или в Театре имени Моссовета. Думается, в этом одна из причин того, что в залах, куда еще недавно было трудно попасть, теперь много пустых мест: зрители голосуют против подобной унификации театров самым выразительным способом. Это можно подтвердить и таким грустным для театральной Москвы примером. В Москве одновременно прошли две постановки «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского — в Московском драматическом театре (главный режиссер А. Плотников) и гастрольным спектаклем Ленинградского театра драмы имени А. С. Пушкина (режиссер Г. Товстоногов). В первом из названных театров спектакль, сделанный старательно, но совершенно безлико, холодно был принят публикой; во втором, где режиссеру и актерам удалось раскрыть весь пафос революционной романтики пьесы, поставить ее остро, боевито, выразительно,— она шла с неизменным успехом. Вот что значит лицо театра, оригинальность и глубина режиссерской трактовки, совершенствование своих традиций!

Успех «Фомы Гордеева», собирающего сейчас к вахтанговцам тысячи театралов, объясняют оригинальностью и мастерством постановщика Рубена Симонова. Слов нет, спектакль яркий, живой. Он покоряет и режиссерским мастерством, и оригинальностью постановки, и сильной игрой актеров. Но мне думается, он покоряет главным образом тем, что вахтанговцы после многих лет, хотя и не плохой, но безликой работы, вновь стали Вахтанговцами с большой буквы, вернулись к своим прежним, позабытым традициям. И именно это позволило талантливому коллективу и самому постановщику развернуться в полную силу своих незаурядных дарований.

У нас в Москве много отличных театров, но сейчас, заключая этот короткий разговор, на который меня навел успех «Чудака» в театре Ермоловой, хочется, перефразируя слова Маяковского, сказать: «Больше спектаклей хороших и разных! Непременно и обязательно разных!» При таком богатстве театральных коллективов, каким располагает Москва, собственное, оригинальное, талантливое и ярко выраженное лицо театра является важнейшим показателем качества его работы.

«Чудак» Назыма Хикмета в постановке Театра имени М. Н. Ермоловой. Сцена из пролога. Нихаль — О. В. Николаева, Ахмед Рыза — заслуженный артист РСФСР В. С. Якут, Айтен — С. А. Павлова.

Фото А. Горнштейна и М. Демиховского.

В. В. Матэ. Офорт В. Серова.

ВЫДАЮЩИЙСЯ МАСТЕР ГРАВЮРЫ

Недавно художественная общественность отмечала столетие со дня рождения Василия Васильевича Матэ — одного из крупнейших мастеров гравюры, воспитателя нескольких поколений русских граверов. А. Остроумова-Лебедева и И. Павлов, П. Шиллинговский и В. Фалилеев и многие другие художники были в числе учеников В. В. Матэ. Более тридцати лет своей жизни Матэ отдал преподавательской деятельности. Он добивался у молодых художников высокого профессионального мастерства и в то же время бережно относился к каждой творческой индивидуальности.

Многие выдающиеся русские живописцы были постоянными посетителями мастерской Матэ и его гостеприимного дома. Среди этих художников, добившихся блестящих успехов в гравюре,— И. Репин и И. Левитан, Е. Лансере и Б. Кустодиев, К. Юон и В. Серов.

Особенно велики достижения В. Матэ в области гравюры на дереве — ксилографии и офорта. Тончайшие переходы светотени, яркость и живописность передачи окружающего мира — все это доступно граверу, работающему в данной технике.

Целую галерею портретов своих современников — писателей, художников, композиторов, общественных деятелей — создал В. В. Матэ. Им сделано большое число офортов с прославленных произведений великих мастеров прошлого, такие, как «Мадонна Конестабиле» Рафаэля, «Монна Лиза» Леонардо да Винчи, «Даная» Рембрандта и др. Эти офорты, крупные по размерам, замечательны по качеству исполнения.

Офорты с лучших произведений художников, современников В. Матэ — Репина, Левитана, В. Васнецова, Серова — принесли мастеру мировую славу. Особый интерес представляют факсимильные ксилографии Матэ с работ Репина. В 1892 году они были экспонированы на академической выставке, вызвав восторженную оценку Стасова: «Смотришь на эту великолепную гравюру Матэ (этюд «Запорожцев» Репина) и точно видишь подлинный холст и смелые, горячие удары кисти Репина».

Велика роль Матэ и как популяризатора искусства: им была сделана целая серия ксилографий для широко популярных учебников и книжек для народа.

В 1894 году Матэ стал профессором Академии художеств, а в 1899 году «за известность на художественном поприще» был избран академиком. Трудно даже сосчитать работы Матэ — так велико его художественное наследие.

В. В. Матэ был добрым и бескорыстным человеком большой и чудесной души, скромным и приветливым. За эти качества и за его большое искусство Матэ любили все, кто его знал.

Большая и хорошая дружба связывала Матэ с Репиным. «Портрет, который я с Вас нарисовал, я Вам преподношу за Вашу душу художника и горячее доброе сердце»,— писал Репин Матэ в 1888 году.

Умер В. В. Матэ 9 апреля 1917 года.

Н. КУЗЬМИН

БОЛЬШОЙ МОСКОВСКИЙ

Так будет выглядеть Большой московский стадион.

Вот уже около года в котловане Лужников на площади в 176 гектаров идет большая стройка. Со скрежетом разравнивают бульдозеры и экскаваторы площадки под сооружения; равномерно стуча по рельсам, проплывают башенные краны, неся строителям трехтонные балки и плиты перекрытий; с ревом проносятся мощные самосвалы с бетоном и раствором; вспыхивают синие огни электросварок, слышна перекличка монтажников.

Большинство строителей стадиона — молодежь. Четыре тысячи юношей и девушек прибыло сюда с московских фабрик и заводов по комсомольским путевкам. Нелегко было им подносить кирпич и раствор, а позже самим класть кирпичные стены. Рядом с молодежью трудятся опытные мастера, воздвигавшие в свое время здание МГУ, Дворец культуры и науки в Варшаве, павильоны Мосфильма, высотные здания на площадях Смоленской и Восстания.

Рабочий Юрий Ряшенцев написал стихотворение «Моя мечта», помещенное в многотиражке «Строитель стадиона»:

...Я приду к трибунам,
мной в бетон одетым,
Где мечтали мы,
что вот, мол, день придет...

Давайте и мы помечтаем. Тем более, что совсем недалек тот день, когда мечта станет явью. Поедем из центра Москвы к новой станции метрополитена — «Усачевская», что расположена возле Окружной железной дороги, и выйдем на широкую площадь.

Сегодня интересный футбольный матч на главной спортивной арене стадиона. Поэтому на площади масса автомобилей. Здесь же конечные остановки новых линий троллейбусов и автобусов.

Посмотрим на наши билеты. Судя по цвету — зеленому, красному или фиолетовому,— мы узнаем, на какую трибуну надо идти. Первый этаж целиком отведен для спортсменов и под вспомогательные помещения. Здесь раздевалки, медпункты, массажные и душевые комнаты. Тут же спортманеж для «разминки» перед состязанием, судейские, узел связи (почта, телеграф, телефон), типография, склады спортинвентаря.

Второй этаж — открытая кольцевая галерея. Здесь ложи для почетных гостей, около пятидесяти буфетов и киосков, музей многочисленных трофеев советского спорта: кубки, вымпелы, грамоты, полученные на крупнейших соревнованиях.

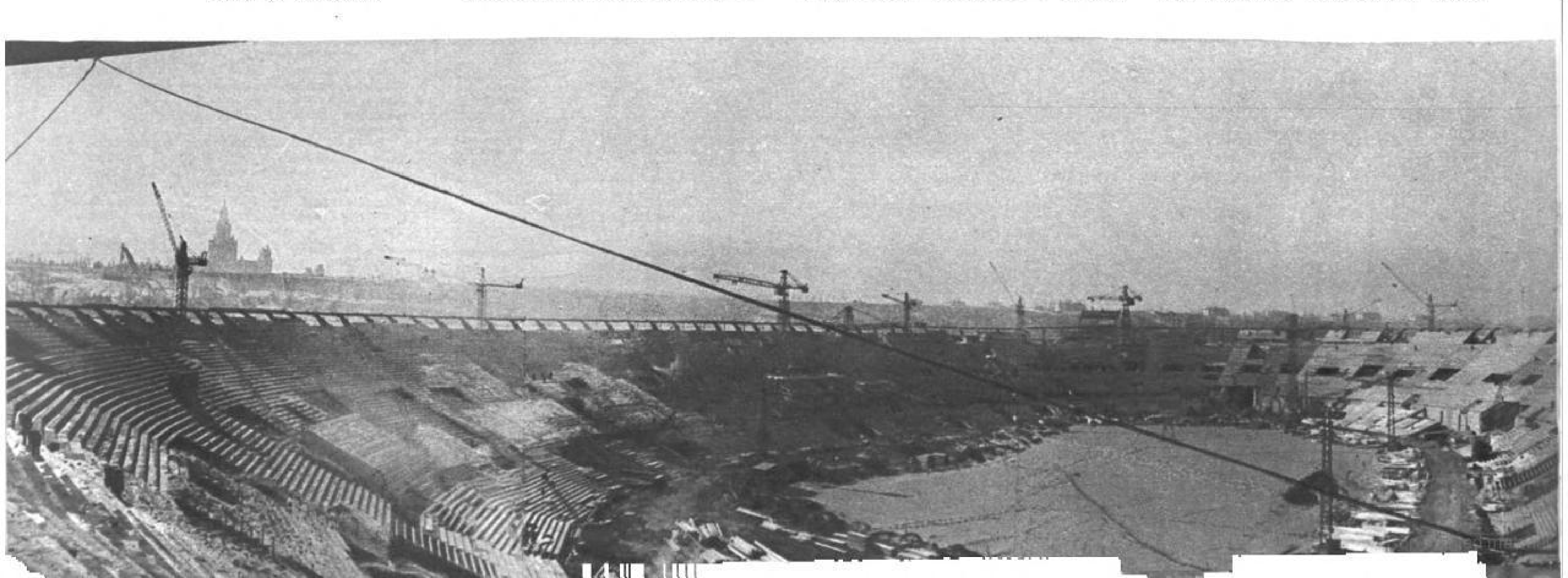
На третьем этаже — четырнадцать гимнастических залов, ресторан для зрителей, кафе-столовая для спортсменов и два кинозала.

Наконец, на четвертом этаже — общежитие спортсменов, а также пресс-бюро и салон прессы, непосредственно связанные с ложей прессы на трибунах. Сорок наших и зарубежных радиокомментаторов сообщают отсюда о всех перипетиях спортивной борьбы.

Над верхним рядом трибун укреплен специальный «козырек» по всему стадиону. Этот «козырек» защищает зрителей от палящих лучей солнца, а спортсменов (это особенно важно для бегунов) — от сильных ветров, дующих иногда с Ленинских гор. Кроме того, «козырек» используется для пятисот прожекторов, которые с наступлением темноты освещают футбольное поле. Он служит также кольцевой «дорогой» для кино и телеоператоров.

На семидесяти восьми рядах скамеек разместилось сто пять тысяч зрителей.

Если смотреть с трибун, то видно, как зеленый прямоугольник футбольного поля красиво опоясывается красной лентой беговой дорожки. Футбольное поле

В конце марта. Так выглядит стройка в Лужниках.
Фото Я. Рюмкина.

состоит из трех слоев: пяти сантиметров песка, двадцати сантиметров земли и слоя дерна. В зазоры между квадратами дерна засыпан песок. Если во время матча пойдет дождь, футболисты не будут скользить по лужам.

Футбольные поля для тренировок засеяны специально подобранными сортами трав. В лаборатории стройки стояли длинные деревянные ящики с землей. В них пробивались первые травинки: семена проверялись на всхожесть. В круглых баночках лежали комки грунта, а на бумажках — красноватые порошки: испытывались разные рецепты смеси грунтов для беговых дорожек и площадок.

Над трибунами установлены большие световые щиты, оповещающие о результатах соревнований. На финише беговой дорожки стоят автоматы, фиксирующие результаты бега.

...От центральной арены по аллее с цветниками направимся к Москве-реке. Каменные ступени спускаются к самой воде. Отсюда хорошо видны живописные склоны Ленинских гор, корпуса нового здания МГУ.

Водное зеркало Москвы-реки, огибающей спортивный центр, расширилось в полтора раза. Ширина реки в одном месте достигла двухсот пятидесяти метров. На набережной расположены большая лодочная станция и два причала для речных трамваев.

Слева и справа от центральной арены возвышаются прямоугольные фасады стадиона ручных игр — волейбола, баскетбола и тенниса. Здесь же плавательный бассейн. В Лужниках есть и зимний спортзал на 15 300 человек. Кроме спортивных состязаний, здесь будут проходить многолюдные митинги, конгрессы, собрания, концерты. Заметим, что крупнейший зал Европы — парижский велодром — вмещает 10 000 человек.

Ребята, пришедшие на Большой московский стадион, безусловно, довольны обширным детским городком с площадками для тенниса, волейбола и баскетбола, с качелями, лестницами и «гигантскими шагами».

Спортивный центр утопает в зелени. Посажены две тысячи деревьев и двести пятьдесят тысяч кустарников. Центральную арену окружает кольцо бульваров, парки с цветниками, искусственными водоемами, беседками. Асфальтированные аллеи связывают территорию стадиона в единое целое. Зимою в Лужниках будет заливаться огромный каток площадью в 200 000 квадратных метров.

* * *

Около ста дней осталось до окончания строительства. Сейчас на центральной арене ставятся кронштейны, поддерживающие деревянные части скамеек; монтажники приступили к укреплению «козырька». На всех четырех этажах развернулись внутренние отделочные работы. Летом этого года на Большом московском стадионе будет проходить Спартакиада народов СССР, а в 1957 году состоится Всемирный фестиваль молодежи.

В. ГОРЯЕВ

Спорт за рубежом

Американцы готовятся к реваншу

Руководители американского спорта очень недовольны результатами команды США на VII зимних олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо, где на ее долю досталось очень мало медалей.

По сообщениям печати, председатель олимпийского комитета США Кеннет Вильсон, секретарь Любительского спортивного союза США Дэн Феррис и другие возлагают большие надежды на то, что американцы значительно лучше выступят в Мельбурне, на летних олимпийских играх.

Особенно тщательно готовятся к поездке в Австралию легкоатлеты, причем им за последнее время удалось добиться серьезных успехов. Как известно, мировой рекорд в толкании ядра — 18 метров 54 сантиметра — принадлежит О'Брайену (США). Кроме него, за 18-метровую черту в прошлом году толкнул ядро лишь один человек — тоже американец, Джонс. А теперь к ним присоединился Билл Найдер, который на соревнованиях в Канзас-Сити показал результат 18 метров 22 сантиметра. Надо учесть великолепные физические данные Найдера (рост — 190 сантиметров, вес — 100 килограммов). Этот атлет ныне выдвинулся в число первых претендентов на золотую олимпийскую медаль.

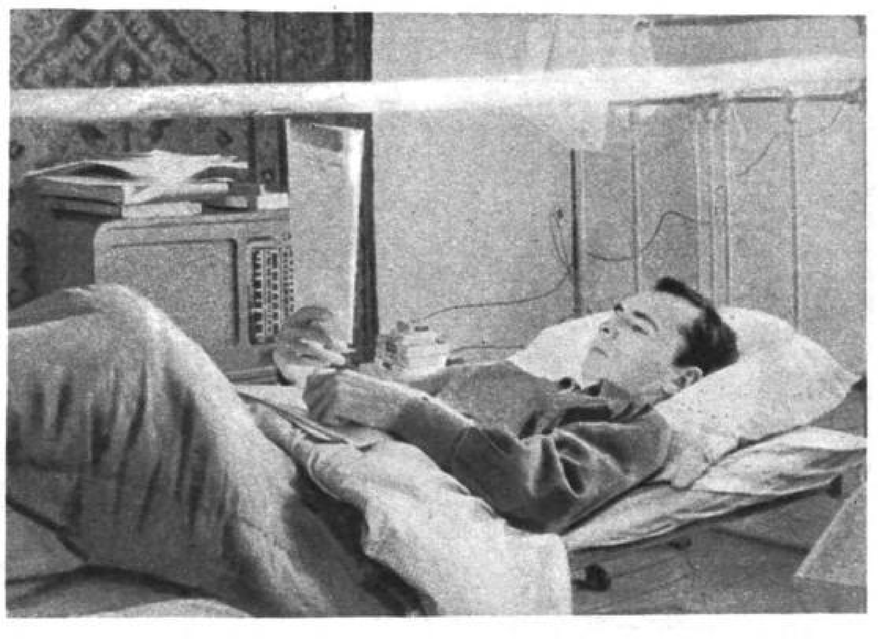
Еще более интересен успех молодого прыгуна с шестом Дональда Брегга. В американской печати его называют достойным преемником рекордсмена мира Корнелиуса Уормердама, который, как известно, в 1942 году взял высоту 4 метра 77 сантиметров.

Студент университета в Вилланова 20-летний Брегг начал заниматься прыжками с шестом только в 1953 году, причем вынужден был прервать занятия. Но это не помешало ему недавно на соревнованиях в закрытом стадионе «Медисон сквер гарден» в Нью-Йорке преодолеть планку на высоте 4 метра 69 сантиметров. Лучший современный шестовик США Роберт Ричардс сказал о своем молодом конкуренте: «У Брегга есть все шансы, чтобы в ближайшее время прыгнуть выше 4 метров 80 сантиметров».

Спортивный обозреватель

Сила духа

В больничной палате лежит молодой человек и держит в руках зеркальце. Окостеневшие шейные позвонки не позволяют ему поворачивать голову, а в зеркальце ему видно все, что происходит в комнате.

— Встаньте сзади меня,— просит он врача,— и я скажу, что вы делаете. Вот вы наклонились, взяли ручку, пишете что-то...

Пятнадцать лет назад Леонид Куликов заболел прогрессирующей неподвижностью суставов. С тех пор он лежит в постели. Нельзя без уважения смотреть на этого человека, который не растерялся в борьбе со злым врагом — болезнью. Мужественно перенес он сложные операции, хотя особых надежд на улучшение не было. Правда, удалось предотвратить окостенение челюсти, но поднять больного не смогли никакие усилия хирургов.

Своему доктору молодой человек посвятил такие строчки:

Этот лист найдя в записках,
Вы припомните в момент,
Что у вас в краях сибирских
Был внештатный пациент.
Он лежит, поджавши лапки,
За стеклом своей избы,
Точно жук на злой булавке
Из коллекции Судьбы.
И поскольку настроенья
Не теряет этот жук,
В легкий час для развлеченья
Он жужжит стихами вдруг...

Во время войны Антонина Семеновна Куликова с большими трудностями перевезла сына, лежавшего на носилках, из осажденного Ленинграда в село Половинное, Курганской области. Здесь Куликовы и остались.

Леонид Иванович заочно кончает десятилетку, общается с многими людьми. Все вокруг приспособлено для его работы и жизни. Тщательно продумана каждая мелочь. С одной спинки кровати на другую перекинута палка. Чтобы слегка приподняться и передвинуться с места на место, Куликов хватается за палку своими большими, сильными руками.

На строго определенных местах, на расстоянии вытянутой руки, разложены нужные ему вещи: книги, тетради, радиоприемник, который ремонтирует при нужде сам хозяин. На столике справа лежит самодельный фонарик — работа Леонида Ивановича. Полка с книгами не вся умещается в поле его зрения, и книги, лежащие далеко от изголовья, он разыскивает с помощью неизменного зеркальца. На одеяле спит его старый приятель, видавший виды грязно-белый кот Бельмес. Леонид Иванович пробовал учить его всяким штукам, но ученик оказался туповатым, не понимал «ни бельмеса». Зато когда он все-таки выучился подавать лапу, хозяин наградил его прозвищем «Бельмес».

Трудно было Антонине Семеновне налаживать жизнь, много тяжелого вынесла она на своих плечах, но бодрости не потеряла. По дороге в школу, где Антонина Семеновна преподает историю, и дома, за хозяйственными делами, она постоянно думает о том, что можно сделать, чтобы сыну лучше жилось.

Леониду сделали тележку, и он выезжает на прогулку, побывал и в тракторном парке и на животноводческой ферме. По вечерам то мать, то приятели из сельской молодежи возят его в клуб посмотреть кинокартину или самодеятельность. Видел Куликов и спектакли приезжавшего на гастроли коллектива студии МХАТа. Когда у Куликова будет настоящая коляска, которой он сможет управлять сам, жизнь его станет еще разнообразней.

Леонид тесно связан со школой, где преподает его мать, заслуженная учительница. Ребята любят Леонида, а он с увлечением сочиняет для них смешные стихи и сказки...

Леонид Куликов — поэт. Школьники села Половинное хорошо знают его книжку «Как ежик стал колючим», недавно вышедшую в свет. Они выучили наизусть стихотворную сказку и читают ее на школьных утренниках. Ребята гордятся своим собственным, «половинским» поэтом. Вот несколько строф из стихотворения Куликова «Задача»:

На опушке, у болотца,
Позабытая тетрадь.
В ней задачка задается:
«Сколько будет пятью пять?»
Птицы думали, молчали...
Вдруг раздвинулась трава,
И лягушки закричали:
«Два-дцать два!»
Тут косматая ворона
Заорала восхищенно:
«Верно, верно, кра-ура!» —
И уронила два пера...
Дятел думал целый час,
Стукнул клювом сорок раз,
А кукушка на суку
Завела свое ку-ку...
Мимо телка проходила
И сказала громко: «Му-у!»
Но ее решенье было
Непонятно никому.

Стихи Куликова печатались в Челябинске, в Кургане, они привлекли внимание писательской общественности Москвы. Куликов был заочным участником Всесоюзного совещания молодых писателей, где отмечались народность, теплота, верность интонаций и юмор в стихах молодого поэта.

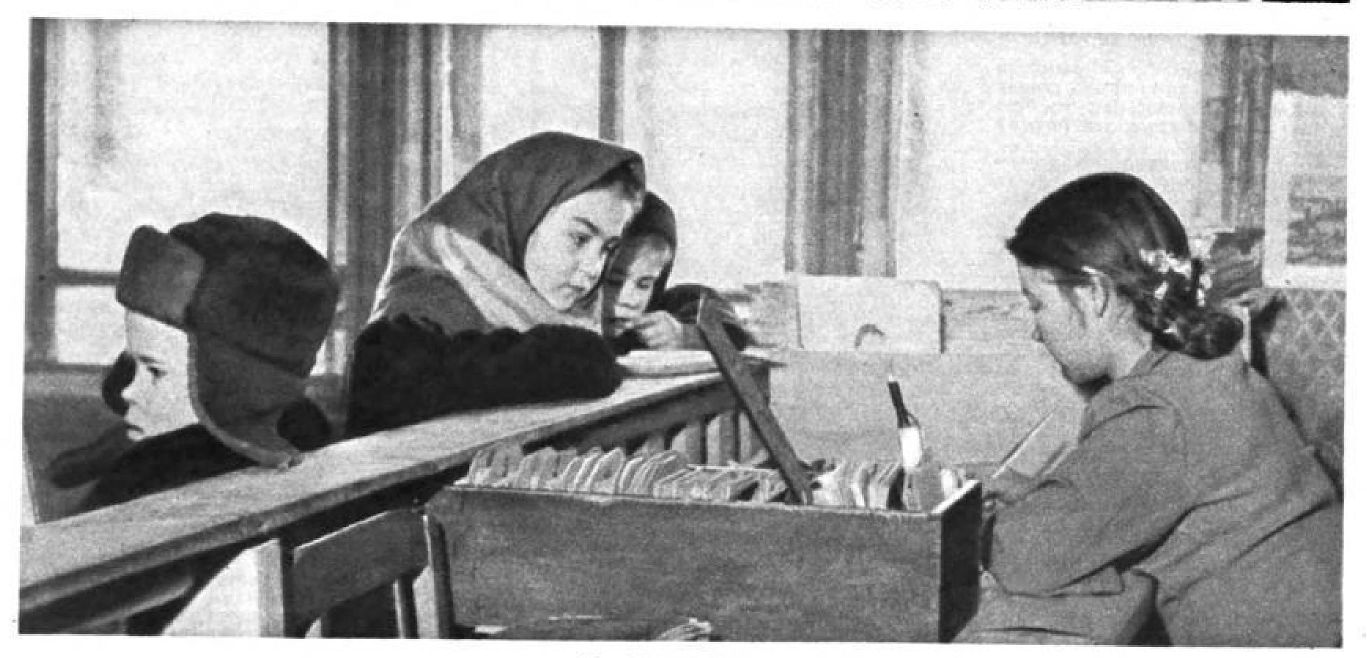
Еще до совещания одно из стихотворений подверглось критике в «Литературной газете». Но это не обескуражило автора.

«Не мог без улыбки читать ваше «крепитесь» в письме,— пишет Куликов своему другу А. Садовскому, сотруднику газеты «Красный Курган».— Плоховато же вы думаете о моих нервах, если считаете, что несколько резких слов... могут настолько расстроить меня и сбить с пути... Я не зазнался и ничего не возомнил о себе, но я не хуже сознаю и то, что без писательства мне нечего делать на земле. Другого пути к людям у меня нет».

Упорно и мужественно прокладывает этот нелегкий путь Куликов. Радость творчества, все более крепнущая сила поэта, тесные связи с людьми помогают ему бороться с трудностями и побеждать.

А. КАРДАШОВА

ДРУЗЬЯ ВАЛИ ТЕРЕХИНОЙ

О. ШМЕЛЕВ

Фото И. Тункеля.

Вале нездоровится в последние дни: кашель, голова болит и вялость какая-то. Смешно сказать, восемнадцать ступенек, которые ведут на второй этаж, в библиотеку, заставляют сердце биться так, что стучит в висках.

— А ты полежи, полежи. Всехто дел не переделаешь,— говорит Марина Ивановна, старушка, хозяйка квартиры.

— Что вы, Марина Ивановна! Новые книги пришли, надо их принять. Да еще сегодня должна «Даурия» от абонента вернуться, а у меня ее уже человек двадцать ждут.

— Это какая же Дарья? — не расслышала старушка.— Из нашего села аль по соседству?

— Да нет, это книга такая, Седых написал, называется «Даурия». Роман.

— Роман?..— Старушка теряется в догадках, и вид у нее до того комичный, что Валя не сдерживается и смеется.

И сразу вроде прошла головная боль, вернулась бодрость. А Марина Ивановна глядит лукаво. Вот, мол, как человеку мало нужно: улыбнулся — и выздоровел. И Вале уже кажется, что всю эту сценку старушка разыграла намеренно.

Если бы все это видела Тоня, подруга по Молотовскому библиотечному техникуму, она непременно сказала бы: «Тебе, Валька, опять повезло: всегда вокруг тебя люди хорошие!»

Но если разобраться во всем как следует, не очень-то много везенья было в жизни этой девушки.

...Смутно помнятся те дни сорокового года, когда умерла мать. Остались они втроем: отец, Валя и ее старший брат, Павлик. Потом появилась мачеха, тетя Нюра. Жили они тогда в деревне Зайцево.

Потом война, отец ушел на фронт. В один из осенних дней тетя Нюра пришла откуда-то злая, повертела какой-то бумажкой и сказала: «Вот, убили вашего тятьку, вы мне больше не нужны». И вытолкала их на улицу.

Им не к кому было идти, кроме как к тетке Прасковье, что жила совсем в другой деревне, в Шермеинске. Туда они и пошли. У тетки своих детей было девять человек, но она и этих приняла. Здесь Валя окончила третий класс, а Павлик работал в колхозе.

Однажды в деревню из районного центра приехал уполномоченный — переписывать детей, которые остались без родителей. Павлика и Валю приняли в детский дом в селе Сараши.

Тут уже жизнь совсем наладилась. Ни о чем не надо было думать, только учись.

В сорок седьмом году, когда детдом перевели в Кунгур, Валя рассталась с братом. Он уже вырос и пошел в ремесленное училище.

Где бы ни была, что бы ни делала Валя, ей никогда не забыть людей, воспитавших ее в детском доме. И, наверное, не на год, не на десять лет, а на всю жизнь хватит ей тепла, которым делились с ней люди...

Когда остался позади седьмой класс, директор детдома Александр Николаевич Щеколдин и воспитательница Александра Алексеевна Грецких посоветовали поступить в библиотечный техникум. Почему именно в библиотечный? Может, потому, что Валя была книголюбом — это все замечали. А скорее всего из-за ее характера. Ведь иногда можно, глядя на пятнадцатилетнего подростка, почти безошибочно определить, что ему по плечу и с чем он может не справиться.

Одним словом, когда уже были сданы выпускные экзамены и получен диплом, она окончательно поняла, что путь ей подсказан был верный. По окончании техникума Вале опять повезло: ее назначили на работу в город Кунгур; там родной детдом, там друзья.

По-разному восприняли девчата свои назначения: была и радость, были и слезы. И вот тогда Валя сознательно сделала первый самостоятельный шаг.

В техникуме у нее была подружка Лиля Шведова, вместе занимались, жили в одном общежитии. Лилю «распределили» в далекую деревню, а родители ее жили, между прочим, в Кунгуре. Надо было видеть выражение лица Лили, чтобы понять ее переживания, когда она с горечью и вместе с какой-то надеждой сообщила об этом Вале:

— Понимаешь, если бы у меня, как у тебя, совсем не было дома, я бы и секунды не жалела, а то... Мама с папой здесь будут, а я где-то в деревне...

И Валя выбрала не Кунгур, а деревню. Нет, решиться было не так легко, но, может быть, в тот самый день Валя впервые остро ощутила главное, что лежало у нее на душе: чувство долга перед людьми за все то хорошее, что она получила от них.

* * *

Платошинская библиотека... Это звучало слишком громко. Книги свалены как попало... Дыму — хоть топор вешай, посетители сидят в шапках, грызут семечки, шелуху бросают на пол, благо щели велики — все проваливается.

Многие читатели выбирали себе книги в основном по принципу: чем книга истрепаннее, тем интереснее ее содержание.

Валя взялась прежде всего приводить в порядок книжный фонд. Книг было несколько тысяч, и понадобилось очень много времени, чтобы рассортировать их, поставить по алфавиту.

Трудной получилась для Вали первая зима в селе Платошине. И не потому, что было холодно, дуло из щелей в полу и не было электричества. Валя чувствовала себя одинокой. Люди являлись в библиотеку — одни за книжкой, другие постучать в домино, третьи сыграть в шахматы, и никто ни разу не заговорил с ней о чем-нибудь другом, кроме шахмат, домино, книг.

Но она недолго думала над тем, как сложатся ее отношения с колхозниками в будущем. Надо просто работать, исполнять свой долг.

...В колхоз «За коммунизм» входит несколько сел: Усть-Курошим, Байболовка, Кукуштам; отстоят они от Платошина на три, на восемь километров, так что надо понастоящему организовать там передвижки.

Ну, это дело для специалиста оказалось нетрудным — передвижки наладились.

Деятельность библиотеки надо ставить на широкую основу. Стал работать библиотечный совет из семи человек. Одна читательская конференция прошла, другая... Член совета учительница Мария Васильевна Брюшинина прочитала доклад о творчестве Горького.

Понемногу стало проясняться, у кого из читателей к чему лежит душа. Вот ученик Слава Феофанов чаще всего спрашивает книжки по технике, особенно по радиоделу. Надо бы как-нибудь пополнить этот раздел библиотечного фонда.

Входит старый колхозник Николай Иванович Низов в библиотеку, не спеша обирает с заиндевевшей бороды звонкие, точно стеклянные, сосульки и удивляется: сидит библиотекарша Валентина Петровна на столе с книжкой в руках, а вокруг на стульях — детвора с раскрытыми ртами: слушают, все на свете позабыли. Хорошее дело придумала — дошкольникам книжки читать!

Захворал один старичок, не может придти книгу обменять; пошла к нему Валя на дом, обменяла, старик спасибо сказал.

Мало кто видел, как Валя носила книги к больному человеку, а узнали об этом все: доброе дело быстрее людской молвы разносит о себе весть.

И как-то само собой произошло, что на очередном отчетно-выборном комсомольском собрании ребята выбрали секретарем своей организации библиотекаря Валю Терехину.

Уже три с половиной года работает она в Платошине. Много это или мало? Для нее эти годы прошли незаметно, но когда Валя пробует подвести итоги, получается довольно солидная картина: было до ее прихода около двухсот читателей, а сейчас их пятьсот пятьдесят шесть. Пожалуй, никаких других цифр приводить не надо: эта самая показательная.

Правда, помещение попрежнему маловато, попрежнему в полу зияют щели, зимой дров иногда не хватает. Но ведь, в конце-то концов, сельсовет что-нибудь сделает и для библиотеки!

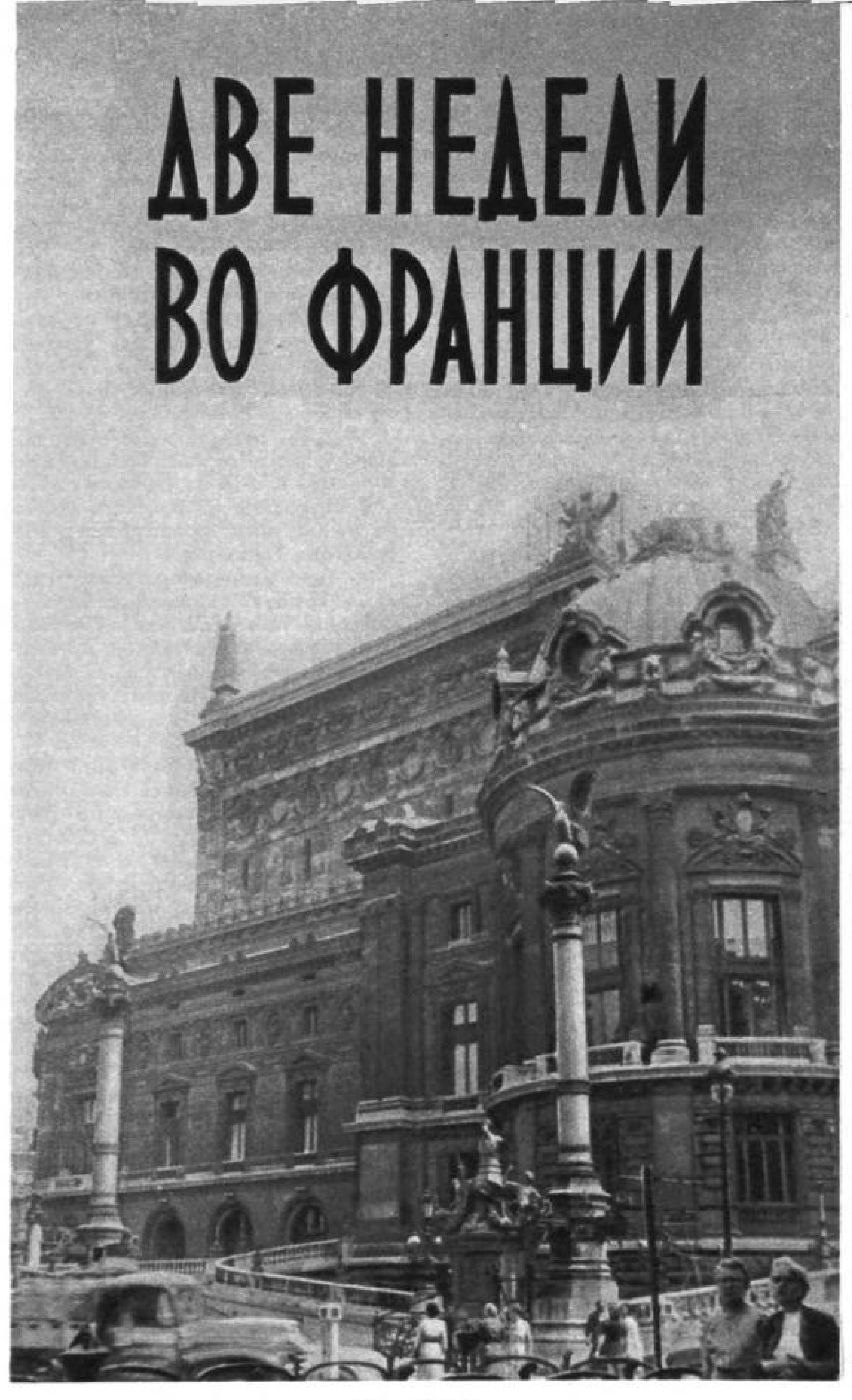
Зато теперь никто не курит в комнате, никто не сидит в шапке, а если какой-нибудь посетитель забудется и начнет грызть семечки, Вале не надо его одергивать: некультурного посетителя призовут к порядку его товарищи.

Но самое главное не в этом. Тоня, валина подруга по техникуму, обязательно сказала бы, что Вале и тут повезло: все у нее ладится, и люди вокруг хорошие.

Но если бы на эту тему поговорить с одним из пожилых читателей Платошинской библиотеки, разбирающимся в жизни и в людях, он, может быть, сказал бы, что дело тут совсем не в везенье. Валя Терехина сама сделала себя необходимой людям — именно в Платошине и именно в сельской библиотеке.

Село Платошино,
Молотовской области.

ДВЕ НЕДЕЛИ ВО ФРАНЦИИ

Гранд-Опера.

В. КОЧЕТОВ

По записным книжкам

Фото А. Новикова.

4. Версаль. Дом инвалидов. Лувр. Монмартр. И многое другое.

По гладким бетонным и асфальтовым дорогам «фрегаты» Рено летели со скоростью сто — сто десять километров.

Мы ехали через Булонский лес. Навстречу попадались возвращавшиеся с прогулки запоздалые всадники на аккуратных лошадках с тщательно подстриженными хвостами и гривами, с забинтованными ногами.

В лесу, затянутом задумчивой осенней хмарью, было тихо, вода в прудах стояла недвижно, среди опавших листьев плавали утки,— говорят, дикие,— на островках бродили цесарки. Проносились мимо опустевшие летние ресторанчики и кафе. Дорожные стрелки указывали путь на Версаль...

Потом начались пригородные селения и городки, похожие на нашу Гатчину или Красное село. Версаль был уже совсем близко, может быть, в километре — в двух, но добрались мы до него не скоро. На пути встали фешенебельный отель «Трианон» и очередной завтрак, который устроила Генеральная дирекция туризма Франции.

Наконец мы вышли из машин возле решетчатых железных ворот, за которыми, слегка подымаясь в гору, лежала покрытая камнем площадь, так называемый «Почетный двор», и за нею — знаменитый Версальский дворец, столько повидавший на своем веку, оставивший след и в истории Франции и в истории всей Европы.

Мы шли к нему через площадь, посреди которой возвышается конная статуя «Короля-Солнца», шли по желто-красной брусчатке, несколько напоминавшей брусчатку в Московском кремле. Один из наших спутников, француз, сказал:

— Это очень старые камни. В Париже таких почти не осталось. Их давным-давно разобрали на баррикады.

Знаменитый дворец — это, по сути дела, ряд зданий различных времен и эпох, сведенных архитекторами воедино. Нам сказали, что во времена королей во дворце размещалось до десяти тысяч всякого рода людей.

Вокруг дворца бескрайние строгие парки с бесконечными аллеями, тихими прудами, фонтанами, статуями, песчаными дорожками и лиловыми, туманными далями. Бродишь тут и думаешь: до чего же все знакомо, будто бывал здесь не раз и не два, будто картины эти связаны с какой-то порой твоей жизни! И забываешь, что ты во Франции, за тысячи километров от родных мест. Все это потому, что жил ты лет двадцать назад в бывшем Детском селе под Ленинградом и каждый день ходил на вокзал вот мимо таких дворцов, через такие же самые парки. Монархи любили подражать друг другу, а особенно наши, русские, которые стремились еще и перещеголять французских.

Нам сказали, что Версальский дворец сохранил тот самый вид, какой имел при Людовике XIV. Вот только позолоты не стало на лепных и металлических украшениях.

Странное и удивительное это ощущение, когда попадаешь в места, хорошо известные тебе по книгам, места, связанные с большими и малыми вехами истории,— ощущение того, что история оживает и ты сам как бы приобщаешься к ней.

Вот королевская капелла, на балконе которой, в полукруглом выступе справа, положив руки на мраморную балюстраду, сиживали во время церковных служб короли Франции. Слева такая же ниша для королевы. Вот зал Войны, а за ним длиннейшая галерея, одна сторона которой в зеркалах, другая — в окнах, из которых видны сады и фонтаны. В этой галерее был подписан документ о Версальском мире. Кто из нас не читал, не слыхал об этом!

Параллельно галерее расположены апартаменты королей. Тут спальня Людовика XV, в которой он и умер, зал Совета, где заседали министры, спальня Людовика XIV, а рядом с нею так называемый зал Круглого окна, известный нам по романам Дюма.

Снова мы вышли на много видавшие камни «Почетного двора». Возле статуи короля играли ребятишки. Их водила за собой чопорная, сухая монахиня. Был четверг — день, когда во французских школах не учатся, день, когда умы маленьких французов обрабатывает католическая церковь.

Случилось так, что в конце дня, проведенного в Версале, мы собрались посмотреть Мулен-Руж — варьете, известное на весь мир.

О том, что мы туда собираемся, стало известно корреспондентам и фотографам парижских газет. Они сопровождали нас неотступно. Мужская часть делегации, правда, не очень страдала от внимания интервьюеров и фотографов. Культ «кинозвезд» влек рыцарей пера и объектива к нашим актрисам. Их снимали непрерывно.

Окружали нас корреспонденты самых разнообразных газет и журналов. Одни писали правду, и только правду, другие изрядно врали, а если и не очень нажимали на прямую ложь, то, во всяком случае, старались выловить из нашей парижской жизни что-нибудь такое, что носило бы характер хотя бы небольшой, но непременно сенсации, скандальчика, шумихи.

Для журналистов этого сорта наше посещение кабаре Мулен-Руж казалось почему-то особенно интересным. Они весь день тащились за нами лишь для того, чтобы иметь удовольствие заснять нас в Мулен-Руж. Особенно настойчив был один белобрысый, белоглазый тип с отвислыми тонкими усиками. Он был нашей тенью, но пускал в ход свой аппарат только в том случае, если кто-нибудь из нас делал неловкое движение, например, поскальзывался на мокрых камнях.

Мулен-Руж — обычный эстрадный театр, с той разницей, что зрители сидят здесь не в рядах кресел, а за столиками, пьют вино или прохладительные напитки, поглядывая на эстраду.

Когда мы вошли в зал, декорированный в мрачные и таинственные тона сказочной ночи, и заняли места за столиками, на эстраде под руководством дрессировщика «работали» семь больших попугаев, белых с желтыми хохолками. На длинном столе было выстроено селение — башни, замок, домики. На их фоне попугаи по слову военных команд, как солдаты, маршировали под развернутым французским знаменем; заслышав воющий звук воздушной тревоги, один из них звонил в колокол. Тем временем начинали пылать огнем домики и башни, остальные попугаи бросались гасить пожар, стреляли из пушки, сражались. Это выглядело как злая сатира, наводившая на грустные размышления.

Затем начался канкан. Полтора десятка танцовщиц делали свое дело весьма искусно. За ними на эстраде появился клоун, за клоуном—пара, танцевавшая танго. Мы следили за представлением и не видели, что меж соседними столиками к эстраде на четвереньках пробирались какие-то существа. Вдруг замелькали вспышки фотоаппаратов. Двое молодцов, среди которых был и наш вислоусый знакомец, сидели на корточках возле нас, делая вид, будто фотографируют то, что происходит на сцене, но рефлекторы ламп и объективы держали направленными в нашу сторону.

Над сценой в это время возвышался гигантский стеклянный шар с водой, и в нем ныряла и плавала девушка-русалка. Она делала это легко, красиво. Это был подлинно гимнастический номер. Почему мастера желтой прессы избрали именно этот момент, чтобы фотографировать нас, мы так и не поняли.

К слову говоря, уж если охотникам за сенсациями надобен был «разоблачающий» материал, то им следовало устремиться за нами в театр «Фоли Бержер». Там действительно при огромных затратах на постановку, на то, чтобы создать впечатление некой феерии, царствует безвкусица и пошлость.

Я наблюдал за зрителями в «Фоли Бержер»: нравится ли им то, что происходит на сцене? Зрители в большинстве скучали. Только один юнец, лет 17—18, которого папа с мамой, видимо, впервые привели в такое место, сидел, разиня рот, а сами папа с мамой занимались какими-то подсчетами: папа записывал в книжечку цифры, а мама следила за его пером и время от времени вносила поправки. Мне вспомнилось, что когда в Париже гастролировал ансамбль Игоря Моисеева, залы были переполнены — французы устремились к настоящему, большому, жизнерадостному искусству. Оно влечет их, как и всех людей, любящих красивое, здоровое, утверждающее жизнь.

Продолжение. См. «Огонек» № 15.

Угольщик на улице.

За время поездки по Франции мы побывали и в Гранд-Опера́. В чудесном зале, над сценой которого значится «Anno 1669», мы смотрели три небольшие балетные пьесы. Первая — «Мираж», в которой рассказывается о том, как человек всю жизнь ищет женщину, созданную его воображением, а жизнь преподносит ему все не ту, не ту и не ту, а искомая исчезает, как мираж.

Вторая постановка — известная «Саломея». И третья — сцены из жизни балерины, от первых детских упражнений до тех дней, когда, пройдя все этапы, балерина старится, и вновь на сцене — девочка с первыми упражнениями, которыми руководит престарелая актриса.

Мы видели очень высокую балетную технику, прекрасных танцовщиков и танцовщиц. Но либретто, особенно либретто «Миража», бессодержательны: ни больших чувств, ни ярких порывов, ни значительных характеров.

Мы успели и другое заметить за короткое время жизни в Париже: в театрах и в кино — прекрасные актеры и режиссеры, прекрасная техника исполнения, много выдумки, поисков, но, как правило, недостает больших идей, вокруг которых все бы это цвело цветами настоящего творчества.

Громадные силы скрыты в людях французского искусства. Но часто силы эти расходуются впустую, на мелкие, мелочные ухищрения. Мы были в киноинституте, который готовит специалистов для кинематографии, в том числе и режиссеров. Нам показали несколько работ молодых. Вот, например, киноновелла «Тунис». Пустынный морской берег. Палит африканское солнце. От жара трескается земля. На ней — какая-то серебристая шелуха. Оказывается, это рыба. Рыбаки приходят с ловли, разбрасывают свой улов по раскаленной поверхности земли, и рыбки, только что еще живые и трепещущие, тотчас умирают. Рыбу насыпают в конусообразные корзины, вьючат на ослика, и коричневый мальчик гонит ослика через пески в поселок. В поселке всюду и во всех видах развешана и раскидана рыба: сушеная, вяленая, соленая. Люди здесь живут рыбой.

И вот, пока мальчик гонит ослика через пески, какая-то сила, неизвестно какая, может быть, сила прибоя или ветра — этому авторы новеллы не придают никакого значения,— выбрасывает на истрескавшуюся, дымящуюся землю энергично бьющуюся рыбку. Сделано это сильно. Прыгая на земле, как на сковородке, рыбка оставляет на ней мокрые пятна, разбрасывает брызги. Она олицетворяет собой жизнь и свежесть, внезапно появившуюся на фоне беспощадной и неотвратимой, иссушающей смерти.

Мальчик возвращается из поселка к морю за новыми корзинами рыбы; он идет вдоль берега, весело насвистывая. И вдруг видит эту рыбку. Она уже засушена, у нее растопыренные жабры, изогнутый в крючок хвост. Мы представляем себе агонию, какая предшествовала гибели рыбки.

Видимо, и мальчик думает об этом. Он берет рыбку и несет ее в море, осторожно опускает в воду. Но рыбка, понятно, плавает уже не по-рыбьи, а наподобие пробки. Мальчик печален.

И все.

Во имя чего делалась эта картина? Чтобы показать нелегкий труд тунисских рыбаков? Нет. Чтобы просто, в какой-то сюжетной форме рассказать об одном из уголков земли? Нет. Молодой режиссер, он же и автор сценария, вложил много труда в свое произведение. А что получилось? Посмотришь и в лучшем случае недоуменно пожмешь плечами, в худшем — станет тебе тоскливо.

Рыбки эти не случайны. Воспитанником этого же института несколько лет назад была поставлена кинокартина «Белая грива». Советские зрители эту картину знают: она у нас шла. Но кого бы я ни спрашивал, какое произвела она впечатление, все мялись, от прямого ответа уклонялись, говорили: «М-да... Что-то, в общем, такое... Как вам сказать?.. Туманно, в общем».

С первого взгляда можно было подумать, что эта картина о дружбе мальчика и дикого коня; поразмыслив, вы приходили к выводу, что дело не в дружбе, а в том, что ни лошади, ни человеку на этом свете не найти справедливости и счастья; их надо искать на том свете.

Вполне допустимо, что ни автор «Белой гривы», ни автор новеллы о маленьком рыбаке и сушеной рыбке нисколько не стремились к тому, чтобы напустить туману на зрителя. Просто талант их не был оплодотворен отчетливо выраженной идеей, но выхода он требовал, и вот под его натиском получились эти произведения. Искусство, когда ему нечего сказать, начинает метаться в поисках такой формы, которая могла бы хоть частично восполнить пробел в содержании. В дальнейшем оно, если так и не найдет, о чем говорить, теряет и форму — оно перестает быть искусством.

В киноинституте, поскольку уж я о нем заговорил, мы встретили пожилого человека, немного говорящего по-русски. Он стал вспоминать Москву, Бахметьевскую улицу, кинематографическую фирму Пате. Извлек из бумажника несколько фотографий. На одной из них я увидел Льва Толстого в постели.

Оказалось, что этот человек в 1908—1910 годах работал кинооператором на студии Пате в Москве.

— Я ездил на ту станцию, где умирал Толстой,— рассказывал он.— Других операторов не было, я один. Очень жалко, что в те времена у нас была такая скверная аппаратура. Слишком мало я мог с ней сделать...

Здесь же, в киноинституте, я впервые со времени приезда во Францию услышал о Пьере Пужаде. Получилось это так. Работники института угощали членов нашей делегации шампанским. Все собрались возле длинного стола в комнате, оказавшейся тесной для сотни людей, которые пришли приветствовать гостей. Произносились речи; «мсье Сурин» произносил тут, думаю, что уже двадцатую или двадцать первую речь. Я из тесноты выбрался во двор. Светило и грело декабрьское солнце, свежий ветерок гонял по асфальту сухие листья платанов. Ко мне подошел человек в комбинезоне, сказал, подбирая русские слова, что он технический работник института и что его интересует, как у нас, в Советском Союзе, смотрят на Пьера Пужада. Дело, мол, в том, что рабочие Франции озабочены появлением на политическом горизонте этого, как он назвал его, «маленького Адольфа».

— Сейчас он «маленький», а может вырасти в «большого». Он ведь книгу написал, знаете вы или нет, которая называется: «Я избрал борьбу». Разве это не похоже на «Майн кампф» Адольфа Гитлера? Он так же кривляется, как Гитлер, и произносит заклинания. Он так же спекулирует политическими лозунгами...

Разговор наш прервался, делегация покидала стены киноинститута.

Был такой день, когда мы вспомнили шедшую в Советском Союзе французскую картину «Адрес неизвестен». И вспомнили вот по какому поводу. Мы ехали по улицам и площадям Парижа в экскурсионном автобусе, точь-в-точь в таком, какой изображался в этой картине, точь-в-точь такой же гид давал нам пояснения в микрофонную трубку, и точь-в-точь, как в картине, мы по команде «Посмотрите налево», «Посмотрите направо» дружно вертели головами в указанных направлениях. Нам объяснялось: «Посмотрите направо. Вы видите мост, который называется Новый. Он самый старый в Париже»; «Посмотрите налево. Это башня, построенная для всемирной выставки 1889 года по проекту инженера Эйфеля. Высота ее — 300 метров. Она называется Эйфелева».

— А вот Дом инвалидов!— сказали нам, когда автобус остановился перед группой громоздких старинных зданий за оградой, в центре которых высится массивный собор.— Этот дом основан Людовиком XIV для пяти тысяч инвалидов-пенсионеров.

Мы вошли в собор. Перед нами был опущенный ниже пола, глубокий, открытый сверху круглый склеп. На дне его мы увидели саркофаг из камня, очень похожего на камень колонн Исаакиевского собора в Ленинграде.

— Да,— сказали нам,— это камень оттуда, от вас. Его подарил Франции кто-то из русских царей.

В саркофаге из русского гранита лежит прах французского императора Наполеона I.

— Тело императора покоится в семи гробах, вложенных один в другой,— поясняли нам.— Первый гроб цинковый, второй — красного дерева, затем идут два свинцовых, затем из черного дерева, наконец, из дуба. И в заключение вот этот камень.

В соборе мы увидели еще урну с надписью: «Здесь покоится сердце первого гренадера республики Ла Тур д'Оверня. 1743—1800». Увидели впечатляюще выполненное надгробие: солдаты несут на плечах маршала Фоша. Надпись: «Марна, 1914»...

В Лувр мы приехали часа за два до закрытия. Мы ходили из зала в зал, из галереи в галерею, как ходят иностранные экскурсанты по залам и галереям Эрмитажа в Ленинграде, не в силах оторвать глаз от всех этих неповторимых шедевров искусства, не в силах покинуть эту сокровищницу человеческого гения.

Собравшись наконец уходить, мы еще раз остановились перед двумя творениями: перед Венерой Милосской и перед фигурой самофракийской Победы — Ники, ее называют еще «Летящей».

Венера Милосская — это, конечно, чудо. Сколько спокойствия, грации, красоты и раздумья воплощено в этом желтоватом от времени мраморе! Ты останавливаешься, пораженный, и стоишь, забыв о времени. Исследователи по сей день спорят о том, что мраморная богиня держала когда-то в руках — зеркало или, может быть, любовалась яблоком? О мучениях специалистов ты не думаешь, не ищешь того, чего нет, восхищаешься тем, что есть.

Удивительна и фигура Победы. У статуи отбиты голова, руки. Но она летит, летит, устремляясь вверх. Ее нашли такой на небольшом острове Самофракии в греческом архипелаге. Говорят, что теперь отыскалась кисть руки «Летящей». Но вернуть на место ее невозможно: найденная рука принадлежит Греции. Один из сопровождавших нас французов сказал:

— Может быть, это осуществится позже. Когда не будет границ...

В музее Родена мы четверо были поначалу единственными посетителями. Позже подошло еще несколько человек — иностранцы. На нас музей произвел огромное впечатление. Нас потрясало мастерство, с каким великий скульптор заставлял человеческое тело говорить — говорить языком динамики, неожиданного движения. Какой это был упорный и вдохновенный художнический поиск нового, какое это было острое ви́дение незамеченного другими! Пройдя залы музея, ты покидаешь их с таким чувством,

На автобусной остановке. Парижане спешат на работу.

будто только что слушал песню о радости жизни, песню о красоте земного.

В тот же воскресный день после музеев мы решили съездить на Монмартр. Кривыми, узкими улочками, подымаясь в гору, доехали до церкви Сакрэ Кёр, далеко видимой с различных точек Парижа.

Народу было полно всюду — и в окрестных улочках, и в магазинчиках, добрая половина товаров которых вынесена прямо на тротуары, и в скверах, в крошечных садиках. Пищали ярмарочные свистульки, подобные нашим, продаваемым в дни майских праздников. Из раскрытых окон доносилась музыка.

В дореволюционном путеводителе я читал о Монмартре: «Население здешнего района не вызывает большого доверия. К иностранцам привязываются разные попрошайки, сутенеры и гамены, и не рекомендуется подниматься сюда к вечеру».

Никто, конечно, к нам не привязывался, хотя мы и были иностранцами, никто ничего не выпрашивал. Путеводитель безнадежно устарел.

Мы стояли у подножия Сакрэ Кёр и с этой высшей точки Монмартрского холма смотрели на раскинувшийся бескрайний, голубеющий вдали Париж. Близ холма вокруг лежали черные, закопченные черепичные крыши. А вдали было много света, голубоватого воздуха.

На лестнице, спускаясь с холма, мы увидели торговца мыльными пузырями. Он распускал их по ветру целыми сериями. Агрегат для серийного производства мыльных пузырей состоит из пластмассового цилиндра с донышком и крышкой, к которой прикреплена проволочная петелька. Петелька, когда крышка поставлена на место, опускается в мыльный состав, которым заполнен цилиндрик. Хотите пузырей — снимите крышку, вместе с нею извлечется петелька, смоченная мыльной водой; начинайте дуть через петельку, и посыплются, полетят по воздуху десятки сверкающих на солнце радугой мелких пузырьков.

— Сколько это стоит?

— Как всегда, сто франков! — ответил веселый продавец и завернул нам по цилиндрику.

Считаю необходимым сообщить читателям, что когда я привез эту механику в Москву, мои друзья и родственники все содержимое цилиндрика переработали на пузыри в течение одних суток. Нам казалось, что стоит потом взять новую порцию мыла и воды — и агрегат вновь заработает. Ничего не получилось. Какой бы мыльной насыщенности ни составлялась эта мыльно-водяная эмульсия, ничего, кроме уныло хлюпающей на пол мутной капли, не выдувается из петельки. Сейчас, правда, кто-то вспомнил, что первоначальный состав имел легкий запах нефтепродуктов. Может быть, керосину надо добавить? Или нефти? Поиски, словом, решено продолжить.

Вечером мы оказались в зале одного из пяти или шести пока что существующих в мире залов «синерамы». Уполз в стороны занавес, и открылся самый обычнейший из обычных экран; на нем мы увидели средних лет человека, который стал читать лекцию об истории кино. Лекция была скучная, длинная, и если бы по ходу ее не демонстрировались кадры из старых кинофильмов, то вполне можно было бы задремать под монотонный голос лектора.

Делалось это, конечно, с расчетом, для контраста, в чем мы убедились в то же мгновение, когда, заканчивая лекцию, человек на экране сказал: «А теперь посмотрите, что же такое синерама». Занавес стремительно распахнулся от стены к стене, что-то мелькающее и пестрое полетело нам навстречу с экрана, но впечатление было такое, будто бы мы летим куда-то сквозь экран. Мы мчались на вагонетке с «американских гор». В первые секунды разобраться в чем-либо было совершенно невозможно; захватывало дыхание, кружилась голова, ты вжимался поплотнее в кресло, и тебе хотелось, чтобы все это как можно скорее пришло к концу. А вагонетка мчалась с подъема на подъем, срываясь вниз на жутких крутизнах, вокруг мелькали металлические фермы вроде ферм бесконечного железнодорожного моста, окрашенные в яркий сурик, — и все это под грохот и визг сверхамериканского джаза. Женщины в зале повизгивали.

Через минуту или две ко всему происходящему уже можно было относиться более осмысленно. Мы разглядели, что широчайший экран установлен полукругом, что крылья его как бы охватывают часть зала, что на экране проицируется не один сплошной кадр, а три: стыки их различались по дрожанию и несколько затемненным полосам. Съемка для синерамы производится тремя аппаратами, причем два крайних установлены к среднему под некоторым углом, отсюда и это широчайшее поле зрения, пожалуй, еще более широкое, чем видят человеческие глаза, отсюда и это впечатление, будто бы и ты сам в центре того, что происходит на экране.

Когда с бешеной гонкой по рельсам «американских гор» было, ко всеобщей радости зрителей, покончено и многие вытащили платки и принялись утирать лбы, началось кинопутешествие по свету. Мы плыли в гондоле по каналам Венеции, присутствовали на спектакле «Аида» в Миланской опере «Ля Скаля», слушали хор австрийских мальчиков, летели на вертолете над Парижем, присутствовали на водных спортивных соревнованиях во Флориде.

Удивительным был не только зрительный эффект, но и звуковой. Когда, скажем, пели австрийские мальчики, можно было закрыть глаза и отчетливо слышать, кто из них в данную минуту солирует; когда трубили трубы в «Аиде», ты с закрытыми глазами знал, в какой части сцены — справа ли, слева или в центре — они трубят. Это, конечно, уже не так ново, с этим стереоскопическим звуком знакомы и советские зрители, посещающие широкоэкранные кино, но в синераме стереофонизм еще более отчетлив и ярок.

После антракта минут в пятнадцать мы отправились в путешествие на самолете или вертолете — этого так никто и не понял — над Америкой. Ниагарский водопад, бескрайние степи, Большой Каньон, какие-то города и городки, Вашингтон с Капитолием, Белым домом и Пентагоном проплывали под нами. В ущельях Большого Каньона мы петляли и виражировали так круто, что у некоторых даже появились легкие симптомы морской болезни.

Под нами развертывались, надо сказать, грандиозные и помпезные картины. Причем шли они под гимнообразное пение, отнюдь не синкопированное и не джазовое, — хор невидимых ангелов в монументальных музыкальных формах прославлял Америку.

Думалось о том, что синерама очень бы пригодилась и нам. Сколько чудесных путешествий при ее посредстве могли бы совершать советские люди и по родной стране и по всему земному шару! Я представил себе такие кинопутешествия по Китаю, Индии, Африке, странам Ближнего и Среднего Востока... Обычное кино не дает и десятой доли того впечатления, на какое способна синерама...

За день до нашего отъезда из Парижа в Бордо наш посол во Франции устроил прием. Среди гостей были артисты и режиссеры французского кино, журналисты, писатели, общественные и государственные деятели.

На приеме меня познакомили с двумя интересными людьми. Первый из них — Луи де Вильфос, бывший адмирал французского флота, вышедший в отставку, потому что не желал участвовать в «грязной войне» в Индо-Китае. Кроме того, что он адмирал, де Вильфос пишет интересные книги. Его роман «Набат» вышел в 1955 году; это антивоенный роман о годах первой мировой войны.

Вторым был известный французский критик Андре Вюрмсер. Он рассказывал о состоянии прогрессивной литературы Франции.

— Знаете, — сказал он, — наши противники всегда говорили так: прогрессивная литература только декларирует, обещает, но ничего не дает. Где, мол, такие книги вашего лагеря, которые бы захватывали читателя, овладевали читательскими умами? Так было. Но вот 1955 год заставил наших противников приумолкнуть. 1955 год принес нам несколько замечательных книг, которые завоевали широкого читателя. Вам известен уже, конечно, роман Роже Вайяна «325 000 франков». Но, может быть, вы не знаете о том, что молодой писатель Жан Пьер Шаброль выпустил роман «Бу Галло» — о молодых французских рабочих. Это произведение, глубокое и острое по содержанию, очень хорошо и по форме, оно написано ярким языком, насыщено подлинно народным юмором и вместе с тем драматично.

Вюрмсер назвал еще несколько книг 1955 года, которые нанесли серьезный удар по литературному хламу, проникшему после войны во Францию из Америки.

Наутро после приема мы завтракали в основанном в 1760 году ресторанчике «Ле гран Вёфур», близ Пале-Рояля. Тут бережно хранят каждую черточку минувших времен. Тут когда-то постоянно бывали Вольтер, позднее Бальзак и многие другие из великих. Возле столиков, за которыми они сиживали, на панелях из дерева прикреплены медные дощечки с их именами.

Я обратил внимание на оригинальные фаянсовые белые пепельницы на столиках. Это были красивые маленькие женские руки, сложенные пригоршней. Мне сказали, что эти пепельницы — монополия «Ле гран Вёфура» и что это слепок с написавших немало интересного рук Жорж Занд. Когда-то кто-то из первых хозяев ресторана уговорил автора «Консуэлы» оставить отпечаток рук на куске глины, и вот что из этого получилось.

Первый этап нашего пребывания в Париже закончился. Вечером мы выехали поездом в Бордо.

Парижский рынок.

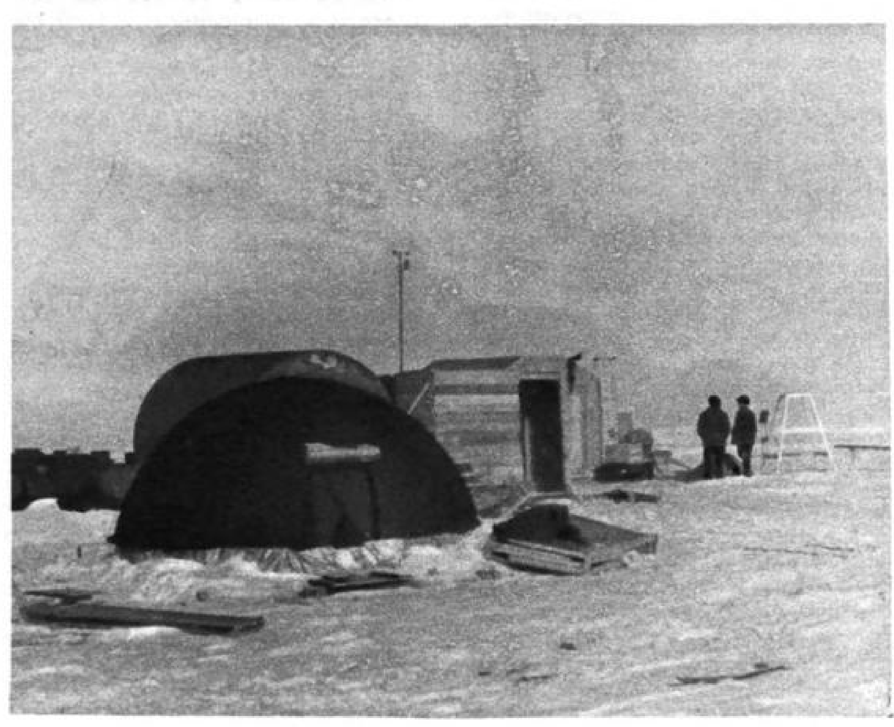

В АНТАРКТИДЕ

На прошлой неделе танкер «Херсон» доставил в Одессу первые пакеты от корреспондентов — участников Советской антарктической экспедиции. Фотографии, сделанные специальным корреспондентом «Огонька» Е. Рябчиковым, отправленные из Антарктиды 15 февраля, запечатлели некоторые эпизоды из жизни поселка Мирный.

Борт-знак антарктической авиации.

Начала работать метеостанция.

Общий вид Мирного 13 февраля.

← В поселке Мирный 13 февраля поднят Государственный флаг СССР.

Привезли мебель для Мирного.

НОЧНОЙ САНАТОРИЙ

Николаю Дементьевичу Толстоносу пятьдесят шесть лет, а рабочим он стал, когда ему было шестнадцать. Сорок лет в трудовом строю! Бывало, оставлял завод, но лишь тогда, когда приходилось воевать. В молодости работал на паровозоремонтном, а теперь, вот уже четверть века, режет и сваривает металл в цехах киевского судостроительного завода «Ленинская кузница».

Минувшей зимой не повезло газосварщику: простудился, заболел воспалением легких, пришлось лечь в больницу.

— Прихватила меня хвороба, да и присушила. Вышел из больницы, чувствую: силы не те. Что делать? Тут мне врач нашей заводской поликлиники говорит: «Направляем вас, товарищ Толстонос, в ночной санаторий». Я, конечно, согласился. Как ни говори, а дома не отдохнешь как следует.

Путевка дается бесплатно, на месяц. Шесть раз в неделю, закончив работу в первой смене, Толстонос неторопливо шагает в санаторий. Сегодня мы идем вместе с ним. Идти недалеко, всего пять минут ходу.

— Обожди, приятель!

— Можно и обождать,— откликается Толстонос, пожимая руку догнавшему нас Алексею Яковлевичу Мурачу.

Товарищи отлично знают друг друга. Мурач — котельщик, на заводе работает без малого тридцать лет. Они соседи в цехе и в санаторной палате.

В часы отдыха (слева направо): газосварщик Н. Д. Толстонос, котельщик А. Я. Мурач, столяр Виктор Юматов, штамповщик Семен Митник и слесарь Цезорий Врублевский.

Фото Н. Пирковского.

Дом стоит во дворе, у заводской ограды. Поднимаемся на второй этаж. «Больные» раздеваются, прячут одежду в свои шкафчики. Первая и обязательная процедура — теплый душ.

Как приятно после душа надеть чистое белье, пижаму, сунуть ноги в легкие тапочки!

Затем обед. Санаторные поварихи — большие умельцы.

После обеда — час отдыха. Вечером каждый находит себе развлечение: кто читает книгу, кто смотрит телепередачу, кто тихонько стучит костяшками домино.

Ночной санаторий при заводе «Ленинская кузница» считается старейшим в Киеве. В нем отдохнуло несколько тысяч рабочих и служащих.

В. ШУМОВ

Сто лет супружеской жизни

На въезде в дагестанский аул Супебкент, Шурагатского района, мы спросили у смуглого, черноглазого мальчугана, бежавшего с книжками в школу, не знает ли он, где живут Ахмед Адамов и Манна Алиева.

— Конечно, знаю! — воскликнул мальчик, видимо, удивленный нашим вопросом.— Разве можно не знать таких стариков? Да им почти весь наш аул родня... Вон за речкой стоит двухэтажный дом, там они и живут.

Ахмед и его жена Манна были дома. Старик в барашковой шапке и легком белом тулупчике рубил дрова возле сарая, а Манна хлопотала на кухне.

— О, да вы еще молодец! — невольно воскликнули мы, обращаясь к старому горцу.

Ахмед положил топор и, улыбаясь, ответил:

— Да нет, уж старею, 122 года стукнуло. Вы бы вот лет пять назад посмотрели, каким я был каменщиком! Глыбами ворочал!

Мы присели на ступеньку высокого крыльца, предложили Ахмеду папиросу.

— Нет, никогда этим не баловался,— сказал старик.— Кстати сказать, за всю свою жизнь я и не болел ни разу.

— А как здоровье жены?

— Не помню, чтобы и она когда-нибудь хворала, а старуха на три года старше меня...

Ахмед и Манна сто лет живут дружной семьей. Было у них два сына, но умерли лет пятьдесят назад. Единственная дочь прожила около восьмидесяти лет. Теперь старики остались с внуками и правнуками.

— А всей родни у нас,— говорит Ахмед,— даже и сосчитать трудно. В какой дом ни зайдешь, кто-нибудь да и окажется родственником, близким или дальним.

В. БЕКЕТОВ

Фото Н. Татарова.

Киностудия вэфовцев

В зрительном зале заводского клуба гаснет свет. Освещается экран, и под звуки музыки проплывают титры. Что же здесь особенного, спросит читатель, ведь так начинается любой фильм. Но вот одна из надписей: «Фильм сделан работниками завода ВЭФ».

Прошлой весной инженер акустической лаборатории рижского завода ВЭФ Карл Томариньш и испытатель химической лаборатории Александр Шумахер своими любительскими кинокамерами засняли первомайскую демонстрацию. Однажды они показали свой «документальный фильм» товарищам по работе. В тот день и родилась мысль создать свою киностудию и вести кинолетопись завода.

Но с чего начать и что снимать? Ведь ВЭФ — очень большой завод, надо выбрать самое значительное, самое интересное. Этим занялись сотрудники заводской газеты «Вэфовец» — редактор Борис Гейман и секретарь редакции Иван Горбунов. Они написали сценарий и дикторский текст.

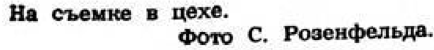
И вот вслед за любительской кинокамерой мы совершаем путешествие по цехам завода. На экране его люди, лучшие рабочие, конструкторы и инженеры, выпущенная ими продукция. Мы знакомимся с цехом, где создается новое оборудование — автоматы и механизмы, которые с каждым годом все больше заменяют ручной труд. На других кадрах запечатлена техническая библиотека и не совсем обычный, но самый любимый на заводе «зеленый цех». Продукцию его — пышные цветы — можно увидеть в любом цехе. Кинокадры ведут нас в детский сад и на стройку новых жилых домов, на репетицию хора и на занятия гимнастов.

Много поработал коллектив заводской киностудии. Каждый из ее «сотрудников» в часы, свободные от работы, участвовал в создании фильма. Софиты и всю технику освещения сделал электротехнический цех.

В клубе вэфовцев необычный экран — «жемчужный». Это — полотно, покрытое ровно наклеенным слоем, состоящим из мельчайших, диаметром в пятнадцать сотых миллиметра, шариков мелко растолченного стекла. Такой экран отливает жемчужным блеском, отражает свет и дает хорошее изображение.

У маленькой киностудии большие планы. Здесь будут сниматься фильмы о работе цеха новой технологии, об опыте передовиков, о самодеятельных кружках. Предполагается выпускать и сатирический киножурнал.

Н. ХРАБРОВА

На съемке в цехе.

Фото С. Розенфельда.

ВЕТЕРАН СОВЕТСКОГО ТЕАТРА

В одном из тихих переулков Баку проживает народный артист Азербайджанской ССР Александр Александрович Туганов. Ныне ему исполнилось 85 лет. Почтенный возраст не является для Туганова началом «покоя». По-прежнему в меру сил трудится он на пользу любимого искусства. Одновременно со своим 85-летием Туганов отмечает 65 лет творческого пути.

...Москва 90-х годов. Туганов, начинающий артист, только что сменил любительский кружок на профессиональную сцену. Ряд сезонов провел он в московском театре Корша в окружении отличных мастеров того времени, что заменило ему театральную школу. С 1915 года Александр Александрович почти безвыездно работает на Кавказе, сначала в Тбилиси, потом в Баку. После Великой Октябрьской революции Туганов с присущей ему кипучей энергией занимается строительством национальных театров и особенно много сил отдает азербайджанской театральной культуре.

Свой громадный опыт Туганов охотно передает артистической молодежи. В качестве профессора по кафедре актерского мастерства он много лет преподавал в Азербайджанском государственном театральном институте.

Н. ВОЛКОВ

На помосте

Международные соревнования штангистов

М. Намдью и В. Стогов.

Сильнейшие штангисты СССР должны были в марте выступать в США, куда их пригласили американские атлеты, побывавшие прошлым летом в Советском Союзе. Но госдепартамент потребовал от наших спортсменов отпечатков пальцев и подписания неприемлемых обязательств, в результате чего поездка не состоялась. Штангисты РСФСР и Украины провели международные товарищеские состязания в Москве. 8 апреля они встретились со спортсменами Ирана, Австрии и Польши.

Выступление начали штангисты легчайшего веса. Особый интерес представляла встреча чемпиона мира Владимира Стогова с одним из сильнейших атлетов мира, иранцем Махмудом Намдью, и шестикратным чемпионом Австрии Гербертом Грубером. Но уже после первого движения — жима Стогов оторвался от Намдью на 10 килограммов, а от Грубера на 20. Он и занял первое место, подняв в сумме трех движений 317,5 килограмма.

Двумя новыми мировыми рекордами в жиме завершились выступления штангистов полулегкого и легкого весов. В. Корж (УССР) поднял 113,5 килограмма, а Р. Хабутдинов (РСФСР) — 122 килограмма.

На второй день встретились штангисты следующих четырех весовых категорий. Внимание зрителей было приковано к атлету полусреднего веса Ф. Богдановскому. Он упорно готовился к встрече со своими неизменными спортивными соперниками — американцами и поставил своей целью побить мировой рекорд в сумме трех движений, принадлежащий штангисту США Т. Коно (410 килограммов). Богдановскому это блестяще удалось. Уже после второй своей попытки в толчке он перекрыл результат Коно, подняв в сумме трех движений 412,5 килограмма. Богдановский использовал и третий подход в толчке, улучшив свой мировой рекорд еще на 2,5 килограмма.

Международные соревнования штангистов закончились победой команды РСФСР.

Я. КОНСТАНТИНОВ

Фото А. Бочинина.

Мнемотехника

Рассказ-монолог

Ник. ХАРЬКОВ

В прошлый месяц у нас в поселке афиши расклеили. Дескать, приехали артисты и будут давать в нашем клубе разнообразные представления: фокусы показывать, всякую иллюзию и еще какую-то... мне-мо-технику!

Ну, мы со стариком разорились на два билета. Признаться, любопытство меня взяло: что еще за мнемотехника такая?

И вот выходит на сцену мужчина в черном шевиоткостюме. На фишке называется: «Два-Поль-два». Ну, второй-то Поль из женского сословия, его помощница, видно, женой ему доводится. Такая проворная, быстрая, нарядная. Уж действительно иллюзия!

Поль за виски себя схватил и перед публикой рисуется, будто чего-то сильно переживает. А полева жена обвязала ему глаза туго-натуго полотенцем, повернулась спиной к публике и громко нам объясняет:

— Попрошу публику ввиду громадного расхода нервов соблюдать тишину, потому что Поль будет угадывать чужие мысли невзирая на расстояние.

Она ходит по рядам и задает вопросы. А он с завязанными глазами громко отвечает. И идет промеж них такой разговор:

— Скажите, Поль, что интересует этого молодого человека?

— Этого молодого человека интересует блондинка в пятом ряду.

Полева жена подошла к дежурному пожарнику.

— Скажите, Поль, в каком настроении этот гражданин?

— Этот гражданин дремлет, потому что он пожарник.

Вот вам и вся мнемотехника. Даже жалко стало, что потратились на билеты.

Я, конечно, в сеансах не выступаю и мастером мнемотехники не пишусь. Однако каждый день угадываю чужие мысли невзирая на расстояние. Должность у меня такая. Вахтершей я в проходной у нашего завода. Всё-то мне приметно, всё-то у меня на глазах.

Вот гудок. Проходит смена. И никаких мне бюллетеней и «молний» не надо. В точности определяю, какое сегодня положение с выработкой не только по каждому цеху, а даже индивидуально.

Вот Санька Карабанов, из механического, надвинул кепку по самые глаза и этак бочком-бочком норовит из будки эвакуироваться, а вместо пропуска сует мне пачку папирос. Ясно, что сегодня у него неустойка с выработкой. А Иван Игнатьевич проходит степенно, солидно. Кто по незнанию, так прямо за профессора его примет. Воротничок на рубашке наглаженный, при галстучке, брючки в складочку проутюжены. Идет и седые усы этак фасонисто в колечки закручивает. Это уж верный признак, что обогнал он сегодня своего сменщика, мастера цеха, процентов на полста, не менее! А вон стройная, миловидная, такая аккуратная, каблучками по асфальтовой дорожке выстукивает, а в руках целая связка книжек, тетрадок. Это наша Тося Часовикова из сборочного цеха. Прямо со смены спешит в техшколу. Хоть и на доску показательную не смотри, а у Тоси процент и сегодня и завсегда много выше сотни.

И до того я в своей будке привыкла к людям присматриваться, что, кажись, по походке, по взгляду угадываю, чем дышит человек и что у него за душой.

Намедни приходит с работы муженек, веселый, довольный, а кончик носа будто ему вишневой ягодкой подкрасили.

— Ну, — говорит, — Душенька (он меня Душенькой зовет), угадай: какая у меня сегодня иллюзия?

— Я, — говорю, — по твоему носу вижу, что ты маленько хлебнул особой-то иллюзии. Не иначе, как получил премию.

— Как в воду глядела! — удивился старик.— Верно, получил. Вот,— говорит,— моя премиальная сумма. Копеечка в копеечку. Распоряжайся по усмотрению.

Смотрю я на своего благоверного и вижу: в глазах у него что-то секретное от жены затаилось.

— Стой,— говорю,— старик! Минуточку. Соблюдай тишину.

И вслух делаю ему разоблачение:

— В правом кармане захоронил ты от жены две бумажки. Но по дороге ты эти деньги потерял. Прошу проверить и убедиться.

Он с испугу схватился за карман.

— Как потерял? Не может быть... Да вот они!

И вынимает действительно две бумажки. Я немедля объявляю резолюцию:

— Одну бумажку оставишь у себя. А вторая пойдет мне за сеанс мнемотехники.

Старик и возражать не стал.

А в прошлый понедельник заявляется из поездки дочка Танюшка. Она у меня железнодорожница, с почтовым вагоном ездит. Пришла и принесла полны руки пакетов. Выкладывает на стол колбасу, сыр, печенье, конфетки в коробке. А у самой в глазах беспокойство, на лице волнение. И сразу начинает речь:

— Мамочка и ты, папа... я... одним словом... это очень серьезно... хочу с вами побеседовать...

Я говорю:

— Тут и беседовать-то много нечего.— И вслух читаю танюшкины девичьи мысли: — Вечером пожалует к нам гость. Ну что ж, милости просим. От судьбы не уйдешь. Тем более, твой Вася — парень не плохой, не ветреный. И любит тебя. Это уж я доподлинно знаю!

Татьяна присела от удивления:

— Мамочка, да как ты угадала?

— На то,— говорю,— мнемотехника...

С этой мнемотехникой я и на заводе-то никому проходу не даю. Как-то у нашей проходной вывесили объявление: «Требуется агент по снабжению». Ну, стали приходить наниматься. И все идут через мою проходную, и никакого мне до них интереса нет, только прошу предъявить пропуск. Но вот приходит еще один. Такой из себя невидненький, немудрящий. Протягивает пропуск. А тут как раз у ворот со склада грузят на машину нашу продукцию. Кидают в кузов ящики с механизмом, ровно мешки с овсом. Так этот гражданин, Мерлушкин по фамилии, подошел к машине и принялся выговаривать грузчикам:

— Ребята, совесть-то где оставили? Весь завод, тысячи рабочих стараются, чтоб каждый механизм до самой высшей точности довести. А ты его кидаешь, ровно утиль. Думаешь, скорей бы за ворота вывезти — и точка? Нет, погоди. Ты вот его грохнул и, может быть, повредил. А там приемщик его отбракует, в торговую сеть не допустит. Заводу убыток. Заводской марке позор. А кто опозорил?.. Соображаете?

Этак тихонько-смирненько разговаривает, а сам забрался на машину и оттуда голос подает:

— Становись цепочкой, подавай из рук в руки, а я управлюсь за укладчика!

После смены подошла я к начальнику нашего хозотдела и спрашиваю:

— Василь Павлыч, сегодня приходил к вам наниматься Мерлушкин. Как вы располагаете: принять или нет?

— Нет,— говорит,— не внушает доверия.

— Что же так,— говорю,— может, документы неаккуратные?

— Нет,— говорит,— документы порядочные. Но только уж очень из себя невидный. В снабжении,— говорит,— первым делом нужен вид, осанка, зычный голос. Мне,— говорит,— нужно снабженца-орла! А это вроде общипанный воробей.

— Я,— говорю,— Василь Павлыч, на кадрах не сижу. Вам виднее. Но только со своей стороны советую принять этого воробья к нашему гнезду.

Три дня не давала проходу начхозу: все спорила с ним из-за этого «воробья». Василь Павлыч даже устал от этой дискуссии и говорит:

— Да кто же начальник хозотдела? Я или ты?.. Ну, ладно, уговорила. Будь по-твоему, Авдотья Петровна, принимаю воробья.

И что же? Воробей-то оказался золотым работником. Не обманулась я. А до него был у нас снабженец-орел, так проворовался на пятнадцать тысяч при своей осанке и зычном голосе...

А на днях, в свой выходной день, вышла я на бульварчик посидеть, чтобы ветерком обдуло. Смотрю, шагает паренек. Такой аккуратный, ремешок подтянут, ботинки начищены, в руках патефон и валенки, совсем еще новешенькие. А сам сияет, будто именинник. И вижу, на лице у него большие душевные переживания. Ровно не замечает, где идет, сам с собой что-то шепчет, сам себе улыбается. И все кармашек у гимнастерки этак осторожно трогает, будто там у него что-то заветное.

Я говорю:

— Здравствуй, сынок!

А он как гаркнет на весь бульвар, ровно на параде:

— Здрасьте, товарищ мамаша!

— Садись, — говорю, — сынок. Передохни маленько, приди в себя...

— Ах,— говорит,— мамаша! Если бы вы знали!..

А сам опять за кармашек гимнастерки.

— Поздравляю,— говорю,— тебя, сынок, от моего материнского сердца. Большое у тебя сегодня событие.

— Да вы,— говорит,— мамаша, про что?

— А вот,— говорю,— про то самое, что у тебя в кармашке-то. Это дороже всякой драгоценности. Береги ты это, как свою чистую совесть. Значит, в путь-дорожку собираешься?

Парень совсем опешил:

— Мамаша! Неужели вы угадали?

— А вот,— говорю,— и угадала. Видимое дело, что доверили тебе сегодня путевку на целинные земли. Еще во-о-он как ты из комсомольского-то райкома вышел, так я уж заприметила тебя. И патефон подарили, чтоб там скуку развеять, а на зиму и валенками расстарались. Стало быть, «едем мы, друзья, в дальние края»?..

— Верно, мамаша, угадали.

И вынимает из кармашка путевку. А сам встает, снимает фуражку и рапортует мне:

— От нашей комсомольской бригады новоселов разрешите поцеловать вас, товарищ мамаша!

Оно, может, и неприлично пожилой-то женщине с молодыми парнями на бульваре целоваться, «да ладно,— говорю,— целуй, товарищ новосел! Счастливый тебе путь!»

А парень все не может успокоиться:

— Да, как же, мамаша, все про меня угадали?

— На то, — говорю, — сынок, мнемотехника.

А вся мнемотехника заключается в том, что человеческое-то лицо — зеркало. Только умей глядеть в это зеркало, а не смотри

в него равнодушными глазами. Я так по-своему, попросту понимаю.

Вот, к примеру, могу и сейчас на расстоянии угадать одну вашу общую мысль. Постойте... Так все вы сейчас про себя думаете: «Ох, и разговорилась ты, Авдотья Петровна! Не пора ли закругляться?»

Правильно?.. Угадала! На то и мнемотехника!

ВОПРОС ПО СУЩЕСТВУ

Зачем писать на музыку готовую
Рифмованные наскоро слова,
Зачем стараться щегольнуть
обновою,
На манекен надетою сперва?

Поэт не должен посещать
примерочных,
Где напрокат мелодии дают;
Немало строк погибло в длинных
перечнях
Тех песен, что всегда без слов
поют.

Зачем сдавать в утюжку
вдохновение,
Выкраивать подкладку из стиха
И вместо соловьиного кипения
Пускать, как говорится, «петуха»?

А между тем, поскольку спрос
имеется,
Прилаживают к тенору фальцет;
Поэт на композитора надеется,
И зря он это делает, поэт!

Скрипичный ключ не может стать
отмычкою,
Когда слова не просятся в уста.
Зря музыканты сделали
привычкою
Брать приставные лирике места.

Признаемся: что стоит слишком
дешево,
Хорошим людям явно не к лицу.
Зачем оно, подделок юрких
крошево
Поэту,
Композитору,
Певцу?

А. КОВАЛЕНКОВ

ДВА ДРУГА. Фото Р. Лихач.

АНГЛИЙСКИЙ ЮМОР

Сорока и ее дети

Английская народная сказка

Сказала сорока своим детям:

— Пора уже вам самим добывать себе пищу. Да, пора!

И с этим она выпустила их из гнезда и полетела вместе с ними в поле.

Но сорочьи дети никак не хотели добывать себе еду.

— Мы лучше вернемся домой, в наше гнездышко! — кричали они.— Так было хорошо, когда ты подносила все нам прямо в рот!

— Ну, конечно,— сказала мать.— Но вы уже большие и должны сами кормиться. Меня мама, если хотите знать, выгнала из гнезда, когда я была намного меньше вас.

— Но нас могут убить люди из своих луков стрелами,— отвечали сорочата.

— Этого бояться нечего,— сказала мать.— Люди не могут пускать стрелы, не прицелившись, а для прицела требуется время. Как только вы заметите, что человек поднимает лук к плечу, чтобы прицелиться, вы сразу улетайте.

— Это можно сделать,— сказали сорочата,— но что если человек вздумает бросить в нас камень,— ему тогда вовсе не надо целиться.

— Все равно вы увидите, когда он нагнется, чтобы поднять камень,— сказала сорока.

— А если у него камень будет уже наготове в руке?

— Ну, если у вас хватило ума додуматься до этого,— сказала мать,— то хватит ума, чтобы и позаботиться о себе.

С этим сорока покинула своих сорочат и улетела.

Из сборника «Смешные сказки».

Анекдот и шутка

Анекдот имеет такое же отношение к истории и биографии, какое имеет эпиграмма к эпической поэме или пословица к нравственному рассуждению.

АДДИСОН

Как золото очищается, пройдя через испытание огнем, так истина выкристаллизовывается в горниле шутки, ибо шутка для фактов — то же, что тигель для металла. Сочинитель хорошей шутки — полезный член общества; он создает хорошее настроение у людей. Никто не может в точности определить ценность шутки, ибо хорошая шутка неоценима. Плохая шутка может произвести дурной эффект, но хорошая шутка всегда повышает настроение человека, заставляет его неожиданно пережить счастливую минуту.

СИДНЕЙ СМИТ

Анекдоты в литературе соответствуют соусам, острым закускам и сладким блюдам великолепного банкета.

ДЖОНАТАН СВИФТ

Из английского сборника «Остроумие и мудрость».

Рекорд краткости

Знаменитый шотландский хирург XVIII века доктор Джон Абернети отличался необыкновенной лаконичностью речи, но в лице одной пациентки он встретил серьезного соперника в этом отношении.

Однажды к нему в Эдинбурге обратилась за помощью женщина с сильно воспаленной и опухшей рукой. Произошел следующий разговор, начатый доктором:

— Ожог?

— Ушиб.

— Компресс.

На другой день пациентка опять явилась к доктору. Последовал такой диалог:

— Лучше?

— Хуже.

— Еще компресс.

Два дня спустя женщина снова обратилась к доктору, и разговор вылился в такую форму:

— Лучше?

— Здорова. Сколько?

— Ничего! — воскликнул доктор.— Такой разумной клиентки я еще не встречал!

Из сборника «Шотландский юмор».

* * *

Мальчуган, которому поручили присмотреть за маленьким братцем, говорит матери:

— Мама, скажи ему что-нибудь. Он уселся на липкую бумагу, а в комнате еще много мух, которые хотят сесть на нее.

Из газеты «Уикэнд мейл».

Из жизни слов

Физики, химики, механики

В комедии А. Н. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын» старый скряга Крутицкий, стоя на коленях, умоляет Елесю отдать ему найденные деньги, на что стряпчий Петрович иронически замечает: «Однако, ты химик!.. За столько-то тысяч, пожалуй, и я на колени стану». В комедии «Правда — хорошо, а счастье лучше» нянька в купеческом доме говорит: «Приказчик есть у нас, Никандра, такой-то химик...» В сценах Островского «Утро молодого человека» купцы, увидя мальчика-лакея в ливрейной одежде, говорят, что мальчишку «обезобразили», «нарядили обезьяной», «точно он физик какой галанской». В комедии «На всякого мудреца довольно простоты» одно из действующих лиц говорит: «Она... очень легко может увлечься каким-нибудь франтом, чорт его знает, что за механик попадется, может быть, совсем каторжный».

Ясно, что в приведенных цитатах слова «химик», «физик», «механик» употреблены не в прямом значении, а в переносном. Переносное значение слова «химик» в словаре Даля (3-е издание) объяснено так: «(шутливо) пройдоха, обманщик, жулик». В словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова: «Ловкий человек, тонкий специалист по какому-нибудь делу, пройдоха (простореч. вульг.)». Такое же переносное значение, не указанное в названных словарях, имеют и слова «физик», «механик». Слова эти в переносном значении употребляются с оттенком презрения, шутливости, а также и похвалы, в смысле «тонкий специалист». У М. Горького в повести «В людях» (гл. 18) читаем: «Помнишь, каков я работник был, а? Прямо скажу: в своем деле — химик! Сотни мог заработать...» В драме Островского «Гроза» купеческий конторщик Кудряш с добродушной усмешкой говорит часовщику, самоучке-изобретателю Кулигину: «Ты у нас антик, химик».

Механиками, физиками и химиками в старину называли себя фокусники, различные «штукмейстеры».

В 1761 году «голландский кунштмастер» Иосиф Зегер оповещал, что будет «представлять все свои куншты во всю неделю масленичную, то есть голову Цицеронову». В 1822 году механик Молдуано объявлял, что в числе «штук», им показываемых, «в несколько минут произрастет дерево, будет цвести и, наконец, превратится в молодую девицу». По словам хроникера того времени, «Молдуано удивлял необыкновенным проворством рук, так что искусство его можно было почесть за чародейство».

В 1883 году механик Бекнер объявлял об изобретенной им «акустической, пневматической и катоптрической машине, представляющей храм египетских таинств». «Сие чудесное здание,— писал он,— устроено и укреплено великолепнейшим образом и изображает сей храм во всем виде роскоши и восточной древности, представляя любопытным зрителям жертвенник Изиды, из коего посредством четырех вещательных труб сей египетский идол издает свой таинственный голос и прорекание». Однако, по словам современника, зритель, заплативший рубль за вход, входил не в египетский храм, а в обыкновенную комнату и видел не идола, а небольшой ящик с четырьмя медными трубами. Хозяин говорил «оракулу» в трубу: «Гости пришли, спойте-ка песенку»,— и «оракул» начинал петь «Вот мчится тройка удалая» и другие песни, затем кашлял, чихал и гасил через трубу зажженные свечи и спички.

В 1813 году «российский химик Карасевский» доводил до сведения публики, что будет показывать «химические опыты в разных действиях: раскаленной лопаткой будет водить по языку, ходить будет по раскаленной полосе, в рот класть будет горящие уголья, есть с огнем будет горящий сюргуч...»

Эти «химики», «физики» и «механики», завлекая зрителей, всячески рекламировали свои «оптические и механические кабинеты», различные «кинемозографические и оптические представления». Объявления и практика всевозможных «штукмейстеров», их фокусы, ловкость рук, «фантасмагории», основанные на оптическом обмане зрения, все «штуки», за которые зрители платили рублями, и привели к тому, что химиками, физиками, механиками стали называть пройдох, обманщиков, а также и тонких специалистов по какому-нибудь делу.

Все эти балаганные химики и «галанские» физики выступали перед зрителями в необычных одеждах: в мантиях, хламидах «египетских жрецов». Поэтому-то купцы в комедии Островского, увидев мальчика в ливрее, и называют его «физиком галанским».

Н. АШУКИН

По следам выступлений «Огонька»

«ЗА ПРИЛАВКОМ — КОНТРОЛЕР»

Под этим заголовком в «Огоньке» № 3 рассказывалось о том, как общественные контролеры проверяют работу наших магазинов. Где обнаруживают они недовес, где «пересортицу» (продукт низшего сорта относят к высшему), где, оказывается, продавцы кое-что упрятывают от покупателей. Много непорядков выявили контролеры в магазине № 36 Бауманского райпищеторга.

Бауманский райпищеторг и Госторгинспекция известили, что факты, сообщенные в журнале, подтвердились. Исполняющая обязанности директора магазина Р. Платова, заместитель директора А. Соловова и продавец А. Гайгерова с работы сняты.

Получено много откликов и от читателей.

Мастер ташкентского завода А. М. Ибрагимов считает, что подобному общественному контролю немало нашлось бы работы и в Ташкенте.

В. Самчук из Ворошиловска, Ворошиловградской области, считает нужным без отлагательства проверить магазин «Гастроном» № 14 по улице Кирова. По его наблюдениям, здесь допускаются постоянные недовесы, сметану разводят водой, смешивают высшие и низшие сорта муки.

Как отмечают авторы многих писем, общественный контроль существует далеко не всюду, профсоюзным организациям следовало бы оживить эту действенную форму улучшения советской торговли.

Из почты «Огонька»

АПРЕЛЬ

Апрель голубыми глазами
Глядит на просторы полей,
А там, под седыми пластами,
Забился, как жилка, ручей.

И, в вешнюю силу поверив,
Река начинает греметь,
И первая льдина на берег
Вползает, как белый медведь.

Пушится упругая верба,
Качается, словно пьяна.
И в синее, синее небо
Скворцов запускает весна.

Анатолий КОРШУНОВ,
подручный вальцовщика завода «Красный выборжец».

Ленинград.

Исполинская береза

Эту березу редкостной величины я сфотографировал в Хосте, Краснодарского края. Дерево растет на берегу реки Хосты, его высота—12 метров, диаметр—4,5 метра.

Х. ЧЕБАНОВ

Сталинград.

— Попробуй, угоди мужчинам!..

Изошутка Ю. Черепанова.

Узбекские пословицы и поговорки

Расставшийся с другом плачет семь лет, расставшийся с родиной — всю жизнь.

У человека, надеющегося на свою персону, спина обязательно сломится; у человека, надеющегося на народ, мечты всегда сбудутся.

Красота нужна на свадьбе, а любовь повседневно.

Черная собака, белая собака — все равно собака.

Вежливость не купить на базаре.

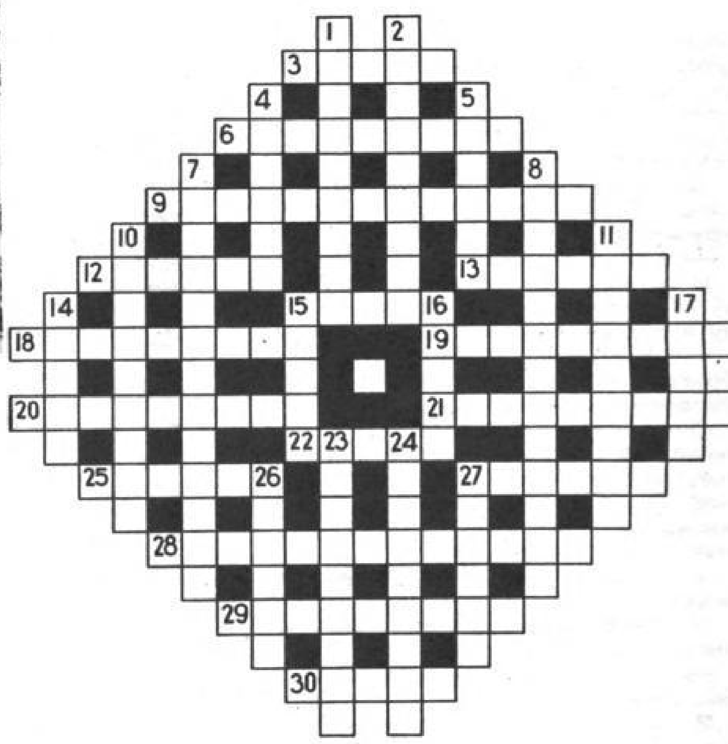
Называться человеком легко, быть человеком труднее.

Не спрашивай у того, кто много ходил, спрашивай у того, кто много видел.

Капля за каплей — образуется озеро, перестает капать — образуется пустыня.

Перевел с узбекского Г. Абдурашидов.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Свод правил. 6. Работница медицинского учреждения. 9. Орган государственной власти. 12. Французский писатель и общественный деятель. 13. Приток Дуная. 15. Сборник географических карт. 18. Величина, характеризующая энергию, напряжение. 19. Сорт дынь. 20. Русская монета. 21. Порядок ведения собрания. 22. Музыкальный инструмент. 25. Река в Забайкалье. 27. Возвышенность. 28. Возведение зданий и сооружений. 29. Руководство по прописыванию лекарств. 30. Слоистый минерал.

По вертикали:

1. Помощник профессора. 2. Город на берегу Черного моря. 4. Великий английский ученый. 5. Фамилия героя драмы К. Гуцкова. 7. Предмет большой ценности. 8. Документ. 10. Государство в Южной Америке. 11. Ценное вещество некоторых раковин. 14. Остров в Эгейском море. 15. Опера С. В. Рахманинова. 16. Горная порода. 17. Продольный выступ на доске или брусе. 23. Русский архитектор. 24. Размах колебаний. 26. Точка лунной орбиты. 27. Искусственная шерсть.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 15

По горизонтали:

3. Оперативность. 9. Омут. 11. Вона. 12. Драматургия. 13. Турку. 14. Порог. 16. Опека. 17. Лекторий. 18. Гвардеец. 20. Гладь. 21. Клодт. 22. Дрина. 23. Киномеханик. 27. Илек. 28. Корт. 29. Краснодеревец.

По вертикали:

1. Залом. 2. Индур. 4. Пруд. 5. Изотеры. 6. Троя. 7. Воодушевление. 8. Характерность. 10. Треугольник. 11. Виноградник. 14. Поиск. 15. Гавот. 19. Полевод. 23. Кедр. 24. Олень. 25. Аверс. 26. Кофе.

В этом номере на вкладках: восемь страниц репродукций картин с выставки «Пейзаж в русской живописи XIX и начала XX веков».

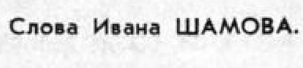
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 00787. Подп. к печ. 11/IV 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 355. Заказ № 838. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Ночь тиха июльская

Слова Ивана ШАМОВА. Музыка Виктора ШОРИНА.

1. Ночь тиха июльская,
Слышно за версту,
Как играет тульская
Где-то на мосту.
Над селом красуется
Месяца рожок.
А по светлой улице } 2 раза.
Мой идет дружок.

2. Как всегда, набродится,
«Хромку» надорвет.
А потом, как водится,
Руку мне пожмет.
И не без иронии
Скажет милый плут:
«Пусть меха гармонии } 2 раза.
Малость отдохнут».

3. Ноченька июльская
С ним летит без сна.
И гармошка тульская
Нам уж не нужна.
Лишь словцо отрадное
Мне шепнет о ней:
«Эх, люблю двухрядную, } 2 раза.
А тебя сильней!»

Цена номера 3 руб.

«ПОМОГАЕМ ПАПЕ». Украинский художник Антон Михайлович Кашшай с сыновьями Мироном, Антоном и Степаном.
Фото Н. Козловского.